

2001
2000
2002
2003

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ В ОБЛАСТИ МЕДИАБИЗНЕСА

VIII

10 ИЮЛЯ 2008

Московский городской Гольф Клуб
Торжественная церемония вручения Национальной Премии
в области медиабизнеса

МЕДИА-МЕНЕДЖЕР РОССИИ

Награждаем лучших!

www.media-manager.ru

<p>организаторы:</p> <p>при поддержке:</p> 	<p>официальный партнер:</p> <p>спонсор церемонии награждения:</p> 	<p>партнер:</p> <p>спонсоры:</p> 	<p>медиапартнер:</p> <p>техническая поддержка:</p> <p>медиакуратор:</p> 	<p>генеральный информационный партнер:</p> <p>информационные партнеры:</p> 	<p>региональный информационный партнер:</p> <p>информационный спонсор:</p>
--	---	--	---	---	--

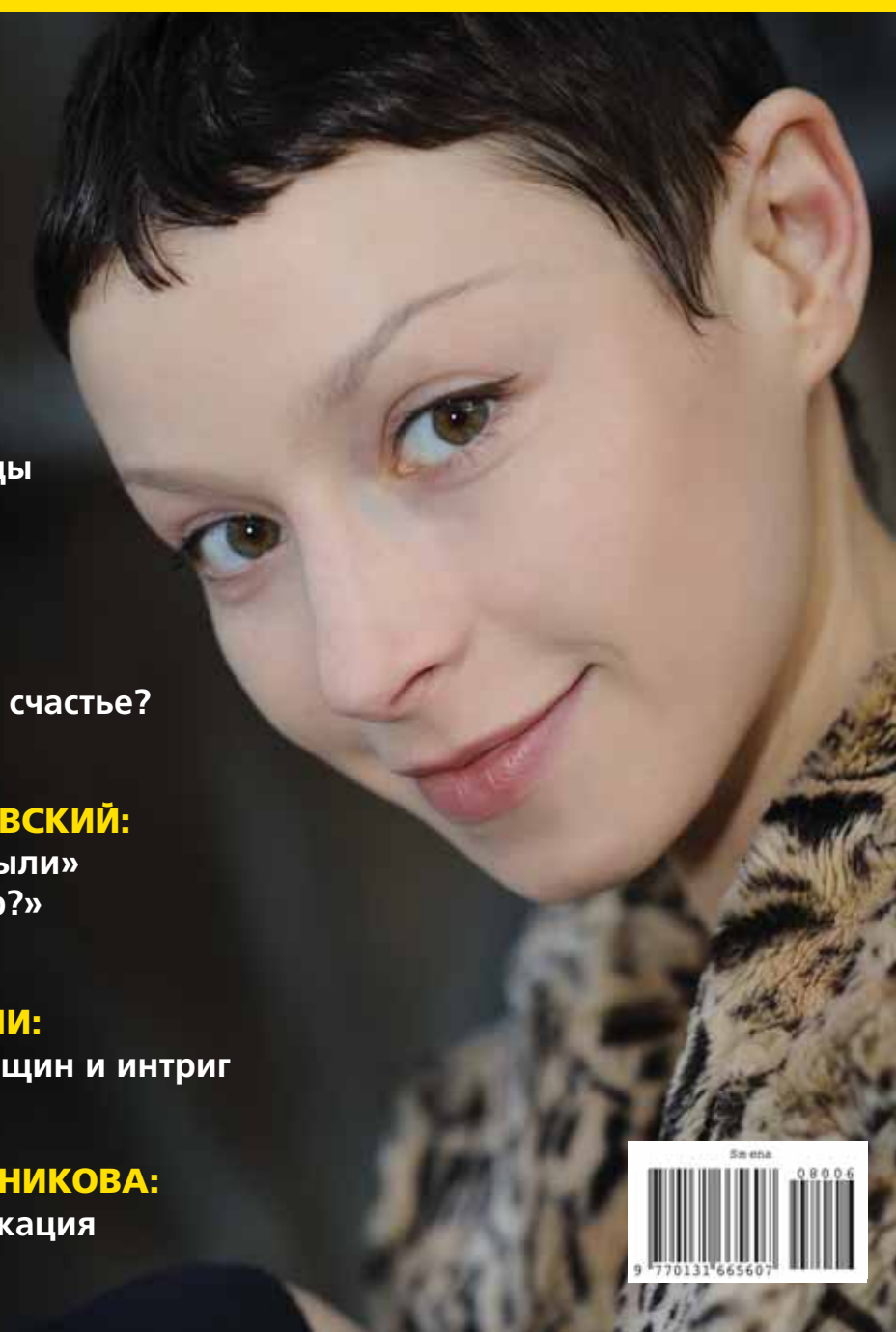
СМЕНА

СМЕНА

6'2008

Издается с января 1924 года

ИЮНЬ • 2008

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ:
Живые легенды

ЕЛЕНА ПОЛЯКОВА:
Как понять, что наступило счастье?

СЕРГЕЙ ЛИСОВСКИЙ:
Почему «закрыли» «Париж-Дакар?»

СИДНЕЙ РЕЙЛИ:
Любимец женщин и интриг

НАТАЛЬЯ РЕЗНИКОВА:
Первая публикация в России

Издается с января 1924 года

Главный редактор

Михаил Кизилов

Главный художник

Надежда Веселова

Редактор отдела

Тамара Чичина,
Светлана Подорванова

Корректор

Марина Силакова

Использованы фотографии:

ИТАР-ТАСС

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор

Джемир Дегтяренко

Издательский директор

Дмитрий Мережко

Директор по рекламе

Елена Готман

E-mail: e.gotman@smena-online.ru

Тел.: (499) 257-3137

Директор**по распространению**

Ольга Рулева

E-mail: sales@smena-online.ru

Тел.: (499) 257-3137

Редакция: 127994, Москва,
ГСП-4, ул. Правды, 24, стр. 4
www.smena-online.ru
E-mail: jurnal@smena-online.ru
Тел.: (495) 612-1507, Факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса»,
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж — 52000 экз. Зак. № 81202.

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:

каталог «Роспечать» **70820**

каталог «Объединенный» **88998**

каталог «Почта России» **99406**

Подписка в интернете:

www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Читателю

Мои соседи — счастливы. Они, наконец-то, нашли «Ари-ну Родионовну». Трое детишек, мал мала меньше, перестали болеть, прекрасно выглядят, весело возятся в песочнице в сопровождении улыбающейся няни.

Дедушка тоже доволен, никто не лезет к нему с советами, не посягает ни на его кошелек, ни на его нравственность (он — вдовец).

Еще недавно проблема казалась неразрешимой, за год в семье перебивало семь энергичных и жизнерадостных нянечек с Украины (нянь с московской пропиской не выдерживает семейный бюджет).

Теперь же — все хорошо.

Нынешней няне — 40 лет, у нее — двое взрослых детей и муж в... Малайзии.

Она с удовольствием возится с тремя своими подопечными.

Правда, сказки им не читает, но, укладывая спать, поет ласковые колыбельные. Детям они очень нравятся.

Плюс к этому старший пятилетний внук, до этого к нему год без особого успеха раз в неделю приходил учитель английского языка, вдруг понял его необходимость: ведь общаться с няней приходится пока только на английском. Захочешь есть — выучишь не только английский.

Родители, с утра и до вечера занятые на работе, довольны.

Однако они, нет-нет, но начинают задумываться о том, какой учитель ждет их старшего сына в школе на следующий год? И ждет ли?

И в какой школе? Быть может, в... Малайзии?

Но никто, к сожалению, уже не думает о том, что без отечественной «Арины Родионовны» не бывает Александров Сергеевичей.

А может, они, Пушкины, нам уже и не нужны?

Михаил КИЗИЛОВ

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

«Живите со знаком плюс!» 4

Актриса театра и кино
Елена Полякова:
«Тогда все само прилетит из Космоса!»

ГОД СЕМЬИ

**Семья — время перемен,
или Пора вечных ценностей** 14

Что это такое — «Год семьи» в России?

Семейный орден 19

«Как они решились
завести такую ораву?»

ЧТО НОВОГО?

Премьера 26

DVD-Бульвар 42

Вернисаж 74

CD-Бульвар 88

РАНДЕВУ

**«Сегодня есть
талантливые,
но великих нет!»** 28

Виталий Вульф:
«Сейчас все просто,
примитивно,
все зарабатывают
деньги»

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

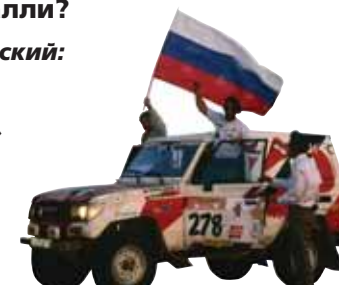
**На тайной службе
его величества** 44

В подвалах Лубянки очутились
восемь жен британского
супершпиона

ИГРЫ ВЗРОСЛЫХ

**«Париж—Дакар» —
умершее ралли?** 54

Сергей Лисовский:
«Хаммеры»
там еле-еле
проползали...»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ ЛЮБОВИ РУСЕВОЙ

**Великий вольнодумец
в рясе** 64

Даже свое лицо он ухитрился
подделать под китайский лад

ТВОРЕЦ И ЖЕНЩИНА

**Последняя роза
вчерашнего дня** 78

История незаурядной женщины,
которую называли сталинской
Матой Хари

СУТЬ ВЕЩЕЙ

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

**Человек —
сущность
информационная** 90

И после смерти —
жизнь, но
информационная

ОТЕЧЕСТВО

Кубань — праздник жизни 98

Краснодарский край — это край
больших интересов!

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

Семь смертных грехов 106

Почему же их всего семь?

МУЗЕИ МИРА

Эрмитаж 114

Это место, где можно понять,
«как человек... велик и хорош»

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Наталья Резникова. 128

В России ее произведения
никогда не печатались

СУДЬБА И ДУША

**Последняя любовь
императора** 142

Светлана Бестужева-
Лада о княжне
Долгорукой, к ногам
которой император
готов был положить
свою жизнь и жизнь
государства

ДЕТЕКТИВ

Предсмертное признание 154

Непредсказуемый роман
Бретта Холлидея (окончание)

М ЕЛЕНА ПОЛЯКОВА

Живите со знаком плюс!

Тем, кто видел фильмы: «Замыслил я побег», «Желтый дракон», «Парниковый эффект», «Все могут короли», «Голоса рыб», «Марш Турецкого», «Мы умрем вместе», «Москва не сразу строилась», «Агентство «Мечта», «Квартирный вопрос», наверняка запомнилась молодая актриса с очень своеобразной и яркой внешностью — Елена Полякова. Несмотря на молодость,

в ее творческом арсенале уже около сорока ролей. А сегодня Елена снимается в детективной драме «Красный лотос», в фильме «Откройте, милиция!» и в экранизации романа Пелевина «Поколение Пи». Она разносторонне талантлива. Общаясь с ней, буквально ощущаешь, как весь облик этой необычной актрисы излучает Свет и Доброту.

В какой-то момент я осознала, что если буду продолжать двигаться по «накатанной», могу упустить свою судьбу. Вот тогда впервые серьезно задумалась о своем предназначении

— Елена, существует такое понятие, как «путь к себе». Идти этой дорогой очень сложно и не всегда удается. Можно сказать, что у вас получилось. Каким же все-таки был ваш «путь к себе»?

— Лет в девятнадцать я вдруг поняла, что, несмотря на учебу в престижном вузе, который я удачно совмещала с хорошо оплачиваемой работой, невзирая на все радужные профессиональные перспективы, я живу не «своей жизнью», и, если что-то сейчас не поменять, если продолжать двигаться по «накатанной», могу упустить свою судьбу. Вот тогда я впервые серьезно стала задумываться о своем предназначении. Переходя с факультета на факультет в академии Управления, я мучительно искала дело по душе. А параллельно участвовала в студенческом КВНе и занималась в театральной студии. Разрешить мои метания и недовольство собственной нереализованностью помог один близкий человек. Он постоянно задавал мне вопросы: «Что тебе нравится? Что ты хочешь делать в жизни?» И, таким образом, практически заставил меня стать честной перед самой собой, уйти от стереотипов, а еще признаться, что на самом деле больше всего мне нравится именно актерская профессия. А дальше все произошло неминуемо и быстро — я бросила учебу в академии и поступила в ГИТИС.

Первой отправной точкой на пути к кино стал театр. Режиссер Валерий Иванович Якунин, конечно, рисковал — принять молодую, никому не

известную актрису, что называется с улицы, без актерского образования, в государственный театр, решился бы не каждый. И вот на меня, в то время коротко стриженную пацанку, «обрушилась» первая роль, и сразу главная. Ни сорванный во время репетиций голос, ни падение с тарзанки, ни огромное количество текста уже не смогли остановить то, что было «запущено в действие». Так мы вместе с Валерием Ивановичем одержали первую победу. Премьера состоялась, и с этого момента началась моя настоящая актерская жизнь. Единственное, что могу сейчас сказать, — в эту профессию я пришла осмысленно.

— Как вы считаете, актеры по своей сути максималисты, или в жизни необходимо все-таки придерживаться «золотой середины»?

— Актер, как и любой другой человек, может быть максималистом, но, по-моему, любой перегиб приносит разрушение. Раньше я была достаточно резка в суждениях, критиковала всех и вся, в общем, была нетерпимым и надуманным человеком. Меня постоянно «носило» из стороны в сторону. Вот теперь, надеюсь, исправляюсь, во всяком случае, стала не столь категоричной. Вообще, во всем должно быть некое чувство меры. Раньше я многого не замечала, а повзрослев, ко многим вещам стала относиться по-другому, намного внимательней.

Еще думаю, если позитивно чего-то хочешь и отдаешь себе отчет, зачем

Отправной точкой на пути в кино стал театр. На меня, в то время коротко стриженную пацанку, «обрушилась» первая роль, и сразу главная

тебе это, тогда все к тебе и придет. Прилетит само из Космоса!

— **Вы так уверенно произнесли эти слова. К вам тоже что-то «прилетело из Космоса»?**

— Все! Вот идешь по жизни, и так интересно — можно выбирать для себя разные дороги. Очень важно найти именно свой путь, но при этом не забывать внимательно относиться к людям вокруг. Тогда жизнь начинает отвечать тебе тем же. Позитивно ко всему — к окружающим, к природе, к пространству, даже к неодушевленным предметам. Если живешь со знаком плюс, все вокруг тоже заполняется плюсом, и все твои мысли, эмоции и желания обретают реальность. Например, роль принцессы в недавно вышедшей на экраны картине «Все могут короли» я «притянула» сама!

— **И как же это произошло?**

— Когда решила бросить все и начала заниматься творческой профессией в театре, в мире кино у меня никого не было, а мои родители вообще не имеют никакого отношения к искусству. Помню, когда поступила в ГИТИС, директор с моей последней работы сказал: «Ну, кого ты там будешь играть? Думаешь, тебе будут роли давать?» На что я ему бодро ответила: «Конечно. Думаю, могу принцессу какую-нибудь сыграть!» Вот так и получилось. И во время съемок картины «Все могут короли» я часто вспоминала его слова.

— **Сейчас вы снимаетесь в роли оперативницы. Такая изящная, утонченная и ... оперативный работник?**

— Так как большинство моих героинь последнее время были нежными, изящными, ангелоподобными созда-

ниями, мне стало не хватать какой-то брутальности, экстрима. Думала, вот бы здорово по съемочной площадке с пистолетом побегать.... И... представьте, приглашают на пробы, на роль старшего лейтенанта милиции. А почему бы и нет? Почему не разрушить сложившийся стереотип? И вообще, хрупкое телосложение не предполагает физическую недостаточность. И я сама, кстати, довольно сильная девушка. Было время, когда по необходимости, для роли, в течение года занималась борьбой, постигала основы корейского боя. Вот было здорово! Каждое утро — на тренировку. Там я увидела многих спортсменов небольшого роста, творивших чудеса. Одним словом, сила в умении, а не в телосложении.

— **Фильм «Все могут короли» можно назвать римейком «Римских каникул»...**

— Можно называть любую картину римейком, потому как сценарии все известны, они еще в мифах и легендах прописаны. Разница во времени, в людях, в их отношениях. Ничто не стоит на месте, мир меняется каждую секунду, так что, повторов быть не может.

— **Работая над ролью, вы не подражали Одри Хепберн?**

— Нет, а зачем? Я играла свою роль. Есть сценарий — читай. Радуйся, придумывай, играй, такая прекрасная возможность открыть в себе что-то новое... Кстати, Гоша Куценко тоже не ассоциировал себя с Грегори Пеком. Мы просто работали так, как видели и ощущали свои роли.

— **Как развивалось ваше партнерство с Гошей Куценко?**

— Прекрасно! До фильма «Все могут короли» мы с Гошей снимались в карти-

Учусь быть внимательнее к жизни, не пропускать ее вопросов и предложений, не забывать чувствовать счастье от того, что живу

не «Дикари». С тех пор очень хорошо знаем друг друга. На площадке постоянно обсуждали сцены, искали интересные решения. После дублей советовались: «А может, так? Посмотри!» «Как ты думаешь?» Гоша — артист очень переживающий. Я благодарна режиссеру Саше Черняеву. На съемках он меня удивил умением «растворяться» в актере. Он за сотворчество, дает возможность артисту повернуть туда, куда тот задумал. Это важно. Поражало, что не боишься предлагать ему что-то свое. Саша всегда выслушивал с пониманием, он никогда не давит на артиста. И вообще, он — удивительный человек и, бесспорно, очень талатливый режиссер. Во время съемок мы многое вместе придумывали. Собирались втроем с Гошей и Сашей, обсуждали, искали, наделяли своих героев реальной жизнью, так что, сценарий в процессе съемок несколько поменялся. Например, сцены, когда Гоша читает на Заливе стихи, в сценарии нет, и та сцена, которая проигрывается три раза — сначала в воображении героев, а потом в реальности — тоже плод нашего воображения.

— Вы сыграли уже много ролей, и все они — очень разные. А есть ли какой-нибудь образ, с которым вы себя отождествляете?

— Я не стою на месте. Когда просматриваю свои первые работы, понимаю, что это был другой человек. Каждая роль дает что-то новое, меняет тебя.

А вот любимые роли...наверное, все могу перечислить. Но особенная

для меня, конечно же, первая — Вета в фильме «Замыслил я побег» Мурада Ибрагимбекова. Люблю и свою работу в фильмах «Голоса рыб» Евгения Гинзбурга, «Желтый дракон» Эда Пари... Но самое главное — почувствовать роль, когда она мне не близка, я от нее отказываюсь. Никогда не соглашусь сниматься, если себя в ней не вижу. У меня обычно происходит так — возникает ощущение роли, начинаю чувствовать свою героиню, как будто о впускаю ее внутрь себя, и мы потихоньку срастаемся...

— Помимо основного дела, у каждого человека есть свое хобби. Наверное, у вас оно тоже есть. Ваши увлечения связаны с творчеством?

— Скорее да, недавно у меня появилось новое увлечение, начала снимать документальные фильмы. Решила показать Москву, не привязываясь к туристическим местам, а именно ту Москву, которую чувствую сама. Изначально думала, что будет такой сценарий: Москва — любовь, Москва — дети, Москва — старики, Москва — базарная, разные темы города... А потом увлеклась еще работой с архивами и совместила современную Москву с историей, с определенной эпохой.

Лазала по крышам, чердакам, по заброшенным домам центра города. Показала нашу современную столицу и то, как она изменилась. Интересные, на мой взгляд, получились зарисовки. Зимой я провела за монтажом, а теперь уже заканчиваю работу над

этой документальной лентой, где я — и режиссер, и монтажер, и редактор.

— Жизнь наша — как полосатая зебра: светлые полосы чередуются с темными. А нужны ли вообще в жизни разочарования?

— Роберт Де Ниро как-то сказал, что он во всем доходит до конца, и в горе, и в радости. Что-то в этом есть... Если тебя не постигнут разочарования, тогда как поймешь, что наступило счастье?

— Слышала, что вам легко даются языки, и вы почти в совершенстве владеете двумя — английским и французским...

— Я училась в Москве, в английской гимназии, а потом — год в Англии. Меня родители отправили за границу в 13 лет. В этом переходном возрасте у меня в московской гимназии были сплошные двойки по поведению. А в Англии я училась в закрытом колледже. Там дисциплина — очень строгая, никаких поблажек, никто никого не жалел. Если не пришел на занятия до девяти утра, то не вошел туда вообще, то же самое вечером, не успел вернуться домой до десяти — можешь гулять, ворота закрылись. Подъем — в восемь, легкий завтрак, и на учебу, до самого вечера, с коротким перерывом на обед. Все расписано и незыблемо. Многие дети не выдерживали и сбегали от туда. С истериками. Пешком.

Все зависело от тебя. Как адаптируешься, сумеешь ли подружиться с другими сверстниками, выдержишь ли. Такие обстоятельства по-

Если тебя не постигнут разочарования, тогда как поймешь, что наступило счастье?

могают, укрепляют и закаливают характер. С тех пор я спокойно путешествую одна, без всякого чувства страха. Покупаю билет и лечу, хоть на край света.

После Англии я вернулась домой совсем другим человеком — повзрослевшим, самостоятельным. Появился жесткий внутренний стержень.

— Знаю, что вы еще и рисуете, правда, для себя. Кто ваши любимые художники?

— Люблю французских импрессионистов. Одно время фантазийные американские художники нравились, рисующие на тему лесных эльфов, фей, гномов, разных волшебных существ. Альбомы этих мастеров, увы, до сих пор у нас невозможно купить, и поэтому приходится выискивать во время поездок по Европе, тащу потом неподъемные чемоданы.

А самое яркое впечатление осталось после посещения дома-музея Пабло Пикассо в Малаге, на родине художника. Только там я поняла, что его картины как будто «вогнутые», трехмерные.

— Если вернуться к основной профессии, кого вы считаете своими главными учителями?

— Во-первых, своих родителей.

А в ГИТИСе был педагог Альберт Григорьевич Буров, ныне покойный. Он отдавал студентам все: свое мастерство, доброту, был для нас, студентов, одновременно и учителем и родителем. Альберта Григорьевича считаю главным учителем по актерской школе.

Еще одно огромное спасибо Альберту Григорьевичу — именно он

«отпустил» меня сниматься в кино. Помню, как он сказал: «Снимайся, Леночка». А ведь нам, студентам театральных вузов, вообще запрещают сниматься. Наверное, это было благословение, и я очень старалась его не подвести, успевала и учиться, и сниматься.

Снимаясь ночами в телесериале «Театральная Академия» в павильонах студии Горького, утром я бежала на экзамены в ГИТИС. Тогда 30 минут сна означало — послала сегодня, ну, а если час-два — выпалась. Некоторые педагоги, конечно, негодовали. Так однажды на доске с расписанием появилось объявление о моем отчислении. Завкафедрой объяснила мне, что я «не могу учиться», так как снимаюсь в кино. На резонный вопрос: «А зачем тогда мы здесь учимся?» — ответ был долгий и не по существу. Но в институте все-таки оставили.

Перечислять своих учителей могу долго, это также и режиссеры, с которыми работаю на площадке, — Ибрагимбеков, Шенгелия, Гинзбург, Черняев ... Повезло мне с учителями.

— Вы учились в мастерской Геннадия Хазанова?

— Хазанов нам не преподавал, но дал педагогов. А главное — дал возможность получить в ГИТИСе великолепную Щукинскую школу актерского мастерства. Училась я на эстрадном отделении, в программе был тодес, пантомима, класс, степ, оригинальный жанр, то есть разносторонне развивали владение своим телом, при этом получали очень серьезную подготовку по мастерству актера. Геннадий Хазанов собрал курс и курировал нас, студентов, на экзаменах, отмечал, что ему понравилось, а что нет, и давал нужные советы.

— Какими, на ваш взгляд, качествами нужно обладать, если ты решил посвятить себя актерской профессии?

— Во-первых, огромным желанием ей себя посвятить. А еще выдержкой, терпением, здоровьем хорошей. Нужно уметь концентриро-

вать себя, свои силы и распределять их, что тоже немаловажно.

Зимой мы часто снимаем лето, а летом — зиму. Например, температура — плюс один, кругом — лес, темнота, а я под проливным дождем бегаю всю ночь напролет. И это нормально, разные съемки бывают.

— Знаю, что вас приглашал в театр режиссер Владимир Мирзоев. Почему же не стали с ним работать?

— Очень даже стала. Проработала в театре Станиславского полгода, но оказалось невозможным совмещать спектакли с графиком съемок, и кино «пересилило». Хотелось бы еще встретиться с Мирзоевым, и, кто знает, может, еще повезет поработать с таким интересным режиссером. В его постановке мне нравится «Сирано».

— А хотели бы сыграть Роксану?

— Конечно. Но для этой роли мне надо быть чуть постарше. Года через три сыграла бы.

Также хочу сыграть Ахули в экранизации одноименного произведения Пелевина. Можно сказать, мечтаю об этой роли.

— У вас за спиной — уже около сорока сыгранных ролей. Как вы считаете, что особенно важно для киноактрисы?

— Удивлять. Быть разной. Непредсказуемой. Важно иметь контакт с режиссером и оператором — быть в одном ключе, идти в одном направлении. Например, иногда хочешь выразить эмоции, внутреннее состояние не лицом, а каким-то телодвижением. При этом лицо может быть каменным, а нервное движение пальца, простое постукивание по столу выдает напряжение героя. Вот такой язык жестов. В кино самое важное — творческое соединение «режиссер — оператор — актер». Только в этом случае, когда вы вместе, все на одной волне, фильм состоится. □

Беседовала **Елена ВОРОБЬЕВА.**
Фото **Сергея ШИМАНАЕВА**

**Светлана
БЕСТУЖЕВА-
ЛАДА,**
кандидат исто-
рических наук,
социолог

Семья

Время перемен, или Пора вечных ценностей

«Что такое семья?» — с упорством допытываюсь я у самых разных людей и получаю ответы, ни один из которых меня, если честно, не удовлетворяет. Единственное, что пока удалось выяснить, — это классификация. Непонятное явление под названием «семья», оказывается, бывает полным, неполным, простым, сложным и многодетным.

«Сложная семья» состоит из представителей нескольких поколений: бабушки-дедушки, отцы-матери, дети-внуки, обязательно живущие под одной крышей. Когда-то в это понятие входили и всевозможные тети, дяди, племянники, кузены и кузины, а также шурины, золовки и разные деверы. Но со временем сложные семьи в России стали довольно редким явлением, а всех, кроме ближайших предков и потомков, из

ранга «семьи» перевели в ранг «родни».

«Простых» же семей, то есть семей «родители — дети», становится все больше. Молодежь стремится жить отдельно от старших, старшие тоже не прочь «пожить для себя». Чаще всего сейчас в «простых» семьях — один ребенок, реже — два. Если же вдруг три или даже больше — то это уже «простая многодетная семья».

До событий 1917 года семья существовала, не вызывая ни у кого особо пристального интереса. Что-то вроде «объективной реальности, данной нам в ощущении». Проблемами рождаемости никто не озадачивался: Бог дал, Бог взял. Но вот бездетная семья считалась несчастной и явно наказанной тем же Богом.

После 17-го года новую «революционную» семью представляли себе,

мягко говоря, своеобразно. Буйное воображение рисовало картины невиданного слияния людей в огромных, сверкающих дворцах, где все делали вместе: вместе работали, вместе принимали пищу, вместе веселились. Некоторые доходили до того, что и спать предлагали вместе, но в этом вопросе к единому мнению так и не пришли. В общем, обычная утопия, далеко не первая в истории человечества.

Гражданская война и эмиграция развалили или просто уничтожили 10 миллионов семей из примерно 50 миллионов, насчитывавшихся до этих трагических событий. Каждая пятая семья оказалась похороненной революцией. Сотни тысяч беспризорных детей стали теми «кирпичиками», из которых предполагалось построить новое гармоничное общество.

Даже такое, казалось бы, глобальное событие, как отмена церковных обрядов, большее всего ударило опять-таки по семье, поскольку лишила ее, если можно так выразиться, покровительства высших сил. Гражданский брак существовал всегда, но ни в глазах общества, ни в глазах государства никакой ценности не имел. Значение ему придавали лишь очень немногие, стремившиеся подчеркнуть свое свободомыслие и независимость от «мещанской морали». Юридической силы такие браки не имели, и дети от них считались незаконнорожденными.

Что же касается повседневной жизни семьи, то вместо замышлявшихся «общественных дворцов» появились коммуналки — советское порождение.

Ко всему прочему выяснилось, что для строительства ослепительно светлого будущего стране элементарно не хватает рабочих рук — и к станкам, лопатам, тачкам отправались женщины. Если раньше в России женщины в подавляющем большинстве работали только на свою семью, а в наемные работницы шли от нищеты и безысходности, то после революции ситуация изменилась коренным образом. Свобод-

ные, равноправные, избавленные от гнета царизма и патриархального семейного быта женщины полностью вкусили всю «прелесть» работы «от и до».

У семьи, правда, оставался еще надежный тыл — деревня. В жизни крестьян практически ничего не изменилось после революции, в том числе и положение женщин, в том числе и семейный уклад. За это деревня и поплатилась — раскулачивание велось так, что в ссылку отправляли не одного человека, а всю семью целиком. Это, пожалуй, был первый случай официального признания семьи новой властью.

Вторично семья была признана действительно «ячейкой общества», когда начались массовые репрессии. «Ячейки» выжигали полностью: мужа — в один лагерь, жену — в другой, детей — в третий (или в детский дом). Спасти можно было только ценой предательства — отречения.

Еще не ввели обязательную процедуру развода через суд с обязательным объявлением об этом в газете. Но уже была произнесена историческая фраза: «Сын за отца не отвечает», которую в «королевстве кривых зеркал» нужно было понимать с точностью до наоборот: не только сын отвечал за отца, но и внук за деда, не говоря уже об ответственности за социальное происхождение вообще.

В «Иванов, не помнящих родства», или, по-современному, в манкуртов, нас превратили вовсе не тем, что не давали изучать собственную историю. Нас научили бояться семейных связей, потому что они, равно как и происхождение, зачастую определяли судьбу человека. Чем меньше он помнил и знал о своих родственниках, тем больше шансов у него было не только выжить, но и как-то преуспеть. Создавая семью, люди как бы автоматически уменьшали свои возможности сделать карьеру и жить нормальной жизнью, но все-таки упорно цеплялись за привычный образ жизни:

нормальный человек должен иметь семью, рожать детей...

И тут обнаружилось, что раскрепощенные и эмансипированные женщины рожать стали почему-то меньше, а число абортующих увеличилось. Поисками причин такого поведения никто особо не затруднялся, поскольку еще и само слово «социология» было неизвестно. Поэтому проблему решили просто и без затей: запретили аборт под страхом уголовного наказания. Произошло это знаменательное событие в 1936 году, когда иные способы предохранения от нежелательной беременности в России были неизвестны. С того же 1936 года детям, родившимся в «незаконном», то есть в незарегистрированном загом браке, в метрике, в графе «отец», начали ставить прочерк, со всеми проистекающими отсюда последствиями.

Через двадцать лет, потеряв сотни тысяч женщин — жертв подпольных абортов или каторжной работы в концлагерях, поскольку за аборт полагалось трехлетнее лишение свободы, — опомнились и провели второе мероприятие: снова разрешили аборт. Да вот только с 1956 года и по настоящее время мы недосчитались 100 миллионов населения — неродившегося.

До сих пор каждая десятая семья в России ежегодно убивает будущего гражданина, а каждая вторая семья до недавнего времени сознательно решала ограничиться одним ребенком.

Тут-то и появились первые тревожные симптомы, от которых, как ни странно, не отмахнулись, но...

Исправить ситуацию стало уже почти невозможно. Если в начале 50-х годов распался один брак из десяти (в городах!), то через двадцать лет соотношение было уже один к пяти, а еще через двадцать лет — один к двум (в особо крупных городах — вообще один к одному). А детей, соответственно, рождалось все меньше, меньше, меньше...

Положение не спасли ни отмена прочерка в графе «отец» в метрике

ребенка, ни какие-то рубли, выделявшиеся государством в качестве пособия одинокой матери. Более того, льготы матерям-одиночкам, какими бы прозрачными они ни были, вызывали лютую ненависть у «нормальных» матерей, которым «пособлять» никто не собирался. Считалось, что супружеская пара вполне способна прокормить и вырастить любое количество детей. Статистика же, которой, кстати, никто особо не интересовался, бесстрастно констатировала: работающие отец и мать способны более или менее нормально содержать максимум двоих детей.

В нашей прежней Конституции было записано, что «семья находится под защитой государства». Как те самые памятники культуры и архитектуры, которые под этой защитой гибли сотнями, если не тысячами. Причем гибли по одной-единственной причине: они никому не были нужны.

В общем, кризис семьи в нашем обществе начался не вчера и даже не на прошлой неделе. Он начался тогда, когда не только разрешили аборт, но и облегчили условия развода, отменили обязательный труд на одном и том же месте, дали колхозникам паспорта — «вольную» — и чуть-чуть улучшили жилищные условия. Все. И кто же добровольно останется в тюрьме, если двери открыты? Только тот, кто жизни не мыслит без «сокамерников».

Это не цинизм. До сих пор примерно четверть мужчин считает, что семья — это либо «обуза», либо «сплошные проблемы». И это в принципе отражает современное общественное мнение: семейный человек считается у нас менее «ценным» и «перспективным», чем человек одинокий, хотя во всех цивилизованных странах почему-то считают иначе.

Кто из вас знает, что 1994 год был Международным годом семьи? Уверена, что почти никто. Между тем, у нас были предприняты очередные героические попытки быть (или хотя бы выглядеть) не хуже других.

В 1992 году был создан целый Национальный Совет по подготовке и проведению в России этого самого года семьи. В составе этого органа числилось более 20 человек, из них 10 — министры тогдашнего российского правительства.

Хотели, разумеется, как лучше, получилось, естественно, как всегда. В смысле — ничего не получилось. Только Президент взял да и совершил поступок неслыханной смелости — подписал в том же самом 1992 году «Всемирную Декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей», принятую комиссией по правам человека при ООН за два года до этого.

Лет десять назад без особого шума был принят «Закон о семье». В нем объявлены равноправными фактические и формальные семьи, воспитание детей приравнено к общественно полезному труду, а за воспитание трех и более детей или (не дай Бог!) ребенка-инвалида любому члену семьи предполагается выплачивать среднюю по России заработную плату.

Все выглядело замечательно, только так и не было выполнено. Фактические, а не формальные супруги до сих пор не обладают никакими юридическими правами, а среднюю заработную плату по России вообще считается хорошим тоном не платить вообще или платить с большим опозданием.

А теперь о том, для чего, собственно, и был затеян разговор про семью, о будущем. Не о светлом и отдаленном, а об очень близком, в котором должны жить наши уже родившиеся дети.

Никакая реформа и даже пакет реформ ничего не изменят в обществе, где не будет семьи. По единственной причине: общество вымрет. Или деградирует. Печально, но факт — у нас ежедневно распалась тысяча браков. А у общества в целом складывалось и крепло убеждение в том, что семья — это что-то второстепенное, обременительное и даже не совсем приличное.

Не пора ли пересмотреть шкалу социальных ценностей и привести ее в соответствие с общемировыми нормами? На протяжении всей истории человечества объединившиеся в семью мужчина и женщина рожали детей, воспитывали их и передавали им весь свой жизненный опыт. Детей рожают все меньше, воспитание их передано безразличным государственным служащим, а передавать оказалось нечего, кроме незавершенных замыслов и несбывшихся надежд. Хотя достаточно обратиться к здравому смыслу, чтобы обнаружить: платить матерям за рождение и воспитание детей — это самый надежный путь к спасению будущего России. Можно сколько угодно спорить об этической стороне «материнского капитала», но результат, как говорится, налицо: уровень рождаемости мгновенно подскочил.

Только... Только к семье в целом это все равно имеет опосредованное отношение. Деньги, конечно, штука хорошая, но нужно еще одно: уважение. В данном случае — уважение к семье, которое всегда было, если угодно, национальной российской чертой. Составной частью образа жизни общества, которое жалостливо-презрительно относилось к бобылям и старым девам, отсутствие детей почитало наказанием Божьим, а стариков почитало без всяких лозунгов и призывов.

Нынешний год объявлен в России «Годом семьи». Что это значит? Посмотрим «Указ» Президента, который был подписан (а, следовательно, вступил в силу) летом прошлого года:

«Учитывая важную роль семьи в развитии государства и общества, постановляю:

1. Провести в 2008 году в Российской Федерации Год семьи.

2. Образовать организационный комитет по проведению в Российской Федерации Года семьи.

Назначить председателем организационного комитета по проведению в Российской Федерации Года семьи Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Медведева Д.А.

3. Председателю организационного комитета по проведению в Российской Федерации Года семьи в 2-месячный срок утвердить состав организационного комитета.

4. Правительству Российской Федерации в 2-месячный срок утвердить разработанный организационным комитетом по проведению в Российской Федерации Года семьи план основных мероприятий с указанием объемов и источников их финансирования.

5. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации осуществить соответствующие мероприятия в рамках проводимого в Российской Федерации Года семьи, уделив особое внимание вопросам социальной поддержки семей с детьми, в том числе многодетных, укрепления авторитета семьи, базовых семейных ценностей».

Между прочим, во все времена находились женщины, которые рожали не двух-трех детей, считая это подвигом, а столько, сколько рождалось, не помышляя при этом о каких-то деньгах.

Нет, я не о тех несчастных, одурманенных алкоголем и наркотиками, которые не помнят лиц своих случайных партнеров и не особенно задумываются о судьбе очередного своего новорожденного ребенка.

Я — о других: о тех, которые рожают сознательно, которые любят всех своих детей, стараются обеспечить им достойную жизнь и при этом остаются личностями, иногда более чем успешными в профессионально-общественном плане.

Одна из них — Евгения Чернышова, первая женщина, получившая орден Почета не за производственные достижения, а за материнство. Она родила, вырастила и воспитала... десятерых детей!

Можно сказать, что в семье Чернышовых, судьба которой очень непроста, отразилось наше время, а главное — сила характера настоящей русской женщины...

Не хочу показаться скептиком, но повторюсь: без изменения отношения к семье самого общества никаких кардинальных изменений в положении семьи как «ячейки» этого самого общества не произойдет. Нужно восстанавливать семейные традиции, а не гербы и родословные.

Назад — в будущее? Возможно. За долгие десятилетия жизни в уникальных советских условиях и почти полтора десятилетия в условиях не менее своеобразных стало ясно только одно: семья — чрезвычайно живучая штука. И вопрос заключается только в том, дадим ли мы ей возможность выздороветь и жить полноценной жизнью или, по-прежнему хихикая, будем наблюдать, как она, полумертвая, все еще пытается что-то сделать, что-то сказать, чего-то добиться.

Иначе все будет продолжаться по старому-старому анекдоту:

«— Ваше семейное положение? — Невыносимое!»

Потому что не в деньгах счастье и даже не в их количестве. Дело в том, как к ним относиться: как к очередной подачке очередной «социально незащищенной» группе населения или как к материальному выражению определенного уважения общества к статусу семьи.

СЕМЕЙНЫЙ ОРДЕН

Татьяна
ОСТРОВЦОВА

... Как же они решились завести такую ораву? — спрашивали многие, узнав, что Чернышова воспитывают десятерых детей. Сегодня и одного-то ребенка не очень-то хотят иметь. Аргументы — общеизвестные: какое будущее его может ждать? Чем кормить, на что одевать, какое и где дать образование?..

Когда Евгения Викторовна в третий раз ушла в декрет, начальник цеха так прокомментировал это событие: вот единственный человек, который действительно занимается полезным для общества делом.

Едва подрастал один малыш — появлялся другой. И каждому радовались, как первенцу.

Старшие вырастали, заботясь о младших. В этой большой дружной семье никогда не узнают, что такое одиночество. Они живут семейным кланом, и можно сказать, неувязимы, как в крепости. И кре-

пость эта — не стены, а нравственная сила семьи, аура любви. А все остальное, по их мнению, — лишь «пятна на солнце»...

Семь лет назад семью Чернышовых пригласили на прием в Кремль. Они готовились всю ночь — крахмалили рубашки, шили бабочки. Зато утром выглядели так, словно сошли с обложки журнала — живая иллюстрация на тему «Счастливое детство».

— За таких детей не то что орден отмечать, на полное гособеспечение брать надо, — пошутил кто-то из журналистов. — Это же национальное достояние.

А «достоянию» не терпелось побежать по великолепным залам, все пощупать, потрогать. Шестилетний Валера решил: в таком дворце наверняка жили Принц и Золушка. В тот день дети и себя ощущали принцами и принцессами...

Потом снова наступили будни. По вечерам вся семья собиралась вместе, обсуждали прошедший день, составляли расписание на следующий: кому дежурить на кухне, кому заниматься уборкой или стиркой. Мальчики выносили мусор — это мужская обязанность. Обеды готовили по очереди — в кулинарном искусстве и мальчики, и девочки равны. Они все умеют, как говорится, кашу из топора сварят.

— Когда мы в Греции и на Черном море отдыхали, все дети бегут на пляж и в море плещутся, а мои бегали в библиотеку, разыскивали и переписывали оригинальные рецепты, — улыбаясь, рассказывает Евгения Викторовна.

... Поездкой в Грецию их премировали за активное участие в подготовке к юбилею столицы. Отдыхали там по полной программе: слушали музыку, участвовали в соревнованиях по плаванию, даже призы и грамоты привезли. А главное, фруктов, наконец, наелись досыта.

Когда маленького Васю спросили о самом ярком впечатлении от Греции, он ответил:

— Там было столько арбузов...

Тогда еще никто из них даже не предчувствовал трагедию, которая уже была на пороге...

Жизнь текла своим чередом, после уроков дети ходили на занятия — кто в музыкальную школу, кто в танцевальный класс. Все вокруг восхищались этой семьей, которую называли «с педагогическим уклоном». Старшие девочки работали мастерами и воспитателями в училище, Лена поступила в педуниверситет, Марина училась в педагогическом колледже. Когда пятнадцатилетнюю Полину спрашивали, кем она хочет стать, она отвечала вполне определенно — учительницей математики.

...Помню, когда я в очередной раз навестила Чернышовых, вдруг поднялся такой грохот, словно потолок над нами обрушился.

— Вот сорванцы, драку затеяли, — прокомментировала Евгения

Викторовна и отправилась к сыновьям.

— Ну-ка, быстренько все по углам и подумайте, кто из вас прав-виноват, — прозвучал ее мягкий голос. Но ему подчинились мгновенно, в квартире стало очень тихо.

— Приходилось иной раз и так разбираться, — говорит Евгения Викторовна. — Еще одно эффективное наказание: «вето» на телевизор или прогулку с собакой. Но это действовало не на всех. Тогда оставалось последнее средство: папин авторитет. Достаточно было одной фразы: «Как

ты себя ведешь, вот придет вечером папа, он с тобой поговорит»...

Валерий Васильевич Чернышов был немногословен, никогда не повышал голоса. Наверное, таким и должен быть глава семьи — слегка отстраненным и значительным. Он был мастером на все руки. Мог и ремонт в квартире сделать, и обувь ребят в порядок привести. Сам соорудил двухъярусные кровати для детей. Иной раз Евгения Викторовна, загруженная общественными делами, возвращалась поздно, а дома уже и стол накрыт, и ужин готов.

— У нас с мужем никогда не было дележки, — рассказывает Евгения, — кому стирать, кому посуду мыть. У кого время было, тот и делал. Глав-

ное, старались как можно быстрее закончить всю домашнюю работу, чтобы вечером, уложив спать детей, побыть вдвоем.

— Как вы познакомились, если не секрет?

— В подмосковном Голицыне. У меня там был бабушкин дом, куда я приезжала отдыхать. И вот как-то мы с подругой вышли вечером погулять, — я тогда еще была студенткой МАИ, — а навстречу идут подгулявшие парни. Начали приставать, дескать, пойдёте с нами... Вокруг тишина, прохожих не видно. Что делать? И вдруг вдалеке показались силуэты двух мужчин. Да только они, не дойдя до нас, свернули в переулок... Я бросилась за ними, сказала,

что меня зовут Женя, и попросила проводить нас домой. Кажется, они оба тогда в меня влюбились. Но я выбрала Валерия. Больше года мы встречались, а потом решили пожениться.

— Почему же выбрали именно его?

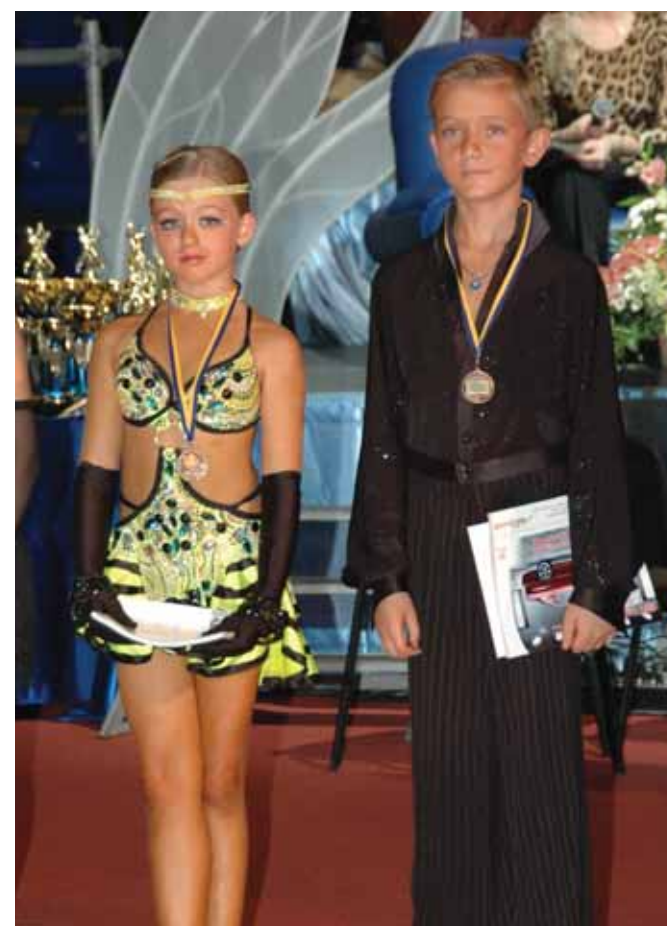
— У него были такие ресницы! Он настолько верный, преданный! Когда меня ушли на Истру вместе со стройотрядом, он после работы в пятницу приезжал на электричке, взгромоздив на себя палатку, а в воскресенье возвращался обратно. Мои подруги завидовали, — вот это ухажер!..

Потом, когда я родила первого ребенка, он сказал, что обожает малышкой и хочет, чтобы их в нашем доме было как можно больше. Я его поддержала, и мне ни разу не пришлось об этом пожалеть.

— Когда мы были маленькими, папа нам косички заплетал. — Полина едва сдерживает слезы. — Помню, когда у моей куртки пуговица оторвалась в детском саду, я сказала: папе дам, он пришьет. Воспитательница очень удивилась. Но папа прекрасно справлялся с пуговицами. И вообще — с чем угодно. Мы чувствовали себя защищенными. Правда, папа с утра до вечера был занят на работе, и мы знали, что он — «добытчик»... Поэтому чаще со своими проблемами прибегали к маме.

Беда свалилась, как кирпич на голову. Валерий Васильевич, машинист-железнодорожник, возможно, не выдержал перегрузок. Диагноз был жестоким: паралич... Это особая разновидность склероза, которую еще не научились лечить...

Евгения ухаживала за больным мужем, ей помогали дети, по очереди дежурили у постели отца. Но жизнь, как всегда, распорядилась по-своему: несколько лет назад кормильца не стало... Поначалу было очень тяжело, никак не могли поверить, что папы, который был центром маленькой семейной Вселенной, больше нет.

На семейном совете Евгения Викторовна сказала детям, что жить теперь будет еще тяжелее, и надо готовиться к борьбе за существование. В этом доме и раньше-то фрукты, сливочное масло и мясо были большой редкостью. Два килограмма яблок — это каждому по яблоку. Картошки нужно очень много, а получается дорого. Спасали крупы и макароны, хлеб. Вся зарплата папы уходила на еду. И все равно новый холодильник, который подарил семье муниципалитет, часто пустовал.

— Жизнь всегда была трудной, — говорит Евгения Викторовна. — Нам в детстве тоже фрукты редко доставались, иной раз и на хлеб еле наскребали. Но главное все-таки —

вырастить детей добрыми, духовными людьми, полноценными личностями...

В те трагические дни, когда в квартире надолго замолчало пианино, и все разговоривали вполголоса, дети как-то сразу повзрослели. Старший сын успокаивал мать и говорил, что сделает все, чтобы их семья жила еще лучше, чем прежде, — в память о папе. Беда еще крепче сплотила многочисленную семью.

Но Евгения не знала, что судьба готовит ей еще тяжелейшие испытания. Через три месяца после того, как не стало Валерия Васильевича, умерла старшая дочь Оля. Неожиданно, странно — у нее, всего-навсего, была обычная простуда... Еще одни похороны. А через месяц в реанимации оказался внук. По словам Евгении, она не знает, как бы все это пережила, если бы не чувствовала постоянно поддержку детей...

Сейчас жизнь потихоньку наладилась. Младшему, Виталику, — тринадцать, старшей, Ане, — тридцать один. Все очень музыкальные, каждый окончил музыкальную школу. Виталик, Валера, и Вася по-прежнему посещают танцевальную студию, занимаются спортивно-балльными танцами. В доме соседствуют самые разные музыкальные инструменты, и раньше здесь устраивались потрясающие домашние концерты.

Жизнь продолжается — у Евгении — пять внуков. Младшему — два года. Аня, Лена и Марина живут отдельно, своими семьями.

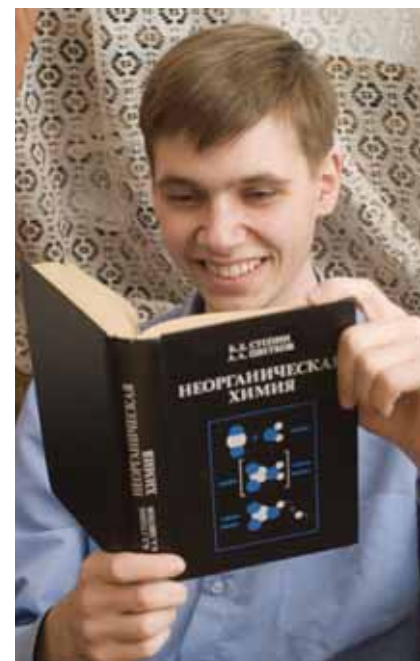
Евгения Викторовна Чернышова возглавляет сегодня региональную общественную организацию «Сокор», объединяющую сто семь многодетных семей. Матери собираются вместе, помогают друг другу, чем могут — советом или делом. По мнению Евгении Викторовны, жизнь

сильно изменилась, Президент, мэр Москвы и правительство повернулись лицом к семье, к детям. В Москве выплачиваются очень солидные пособия для многодетных семей, а 2008 год объявлен «Годом семьи». И тем не менее, Евгения Чернышова и ее коллеги-мамы считают, что еще нужно внести определенные изменения в законодательство, чтобы помочь многодетным семьям, сделать их жизнь комфортнее и перспективнее.

... А в семье Чернышовых по-прежнему полный сбор, и не только по праздникам. Сколько наслаждения они получают от общения друг с другом!

От редакции. Мы хотели бы, чтобы и вы, наши читатели, приняли участие в разговоре на эту тему и присылали бы нам истории СЧАСТЛИВЫХ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ. С нетерпением ждем ваших писем! □

ПРЕМЬЕРА!

Елена
ВОРОБЬЕВА

В Московском театре «Новая опера» 17-й сезон идет под знаком Рихарда Вагнера. Премьера романтической оперы «Лоэнгрин» в постановке режиссера Каспера Хольтена из Датской королевской оперы — событие яркое. «Лоэнгрин» не шел на столичных сценах со времен Ивана Козловского, блиставшего в заглавной партии в постановке Большого театра. И вот сегодня, спустя почти семьдесят лет, в Москве покажут «Лоэнгрин»

Опера

ЛОЭНГРИН

Авторы постановки — молодой директор Датской королевской оперы и режиссер Каспер Хольтен, а также его постоянный соавтор Штефен Аарфинг (сценограф и художник по костюмам). Они прославились инсценировкой «Кольца нибелунга», и с тех пор признаны командой, которой можно доверить вагнеровские партитуры.

«Лоэнгрин» — опера романтическая и необычная, версия легенды о Рыцаре Лебедя.

Лоэнгрин — герой немецких произведений о короле Артуре. Он — рыцарь Святой Чаши Грааля, посланный в лодке, которую тянут лебеди, чтобы спасти деву, которая никогда

не должна спрашивать о его происхождении...

Рихард Вагнер — один из самых сложных для пения композиторов, его музыка требует от певцов колоссальной выносливости.

Для премьерных спектаклей в Москву приглашен американский тенор Джон Пирс (Лоэнгрин).

Мощные вокалисты: Наталья Креслина (Эльза), Виталий Ефанов (Генрих), Елена Поповская (Ортруда), Анджей Белецкий (Тельрамунд). И, конечно же, высокопрофессиональный знаменитый хор «Новой Оперы» — слушать его всегда одно наслаждение.

ЧТО НОВОГО?

Чеховские «Три сестры» ставят в этом театре уже в третий раз. Не меняя решение спектакля, режиссер Галина Волчек экспериментирует с разными составами исполнителей

Спектакль

ТРИ СЕСТРЫ

В 1982 году
Маша —
Марина
Неелова.
Вершинин —
Валентин Гафт.
В 2001 году
все запомнили
Ирину —
Чулпан
Хаматову
и Солonego —
Михаила
Ефремова

В новой версии - 2008 в роли Маши — прима «Современника» Чулпан Хаматова.

В спектакле также заняты актеры: Сергей Юшкевич, Илья Древнов, Владислав Ветров, Виктория Романенко и известная актриса Марина Александрова.

Костюмы на актерам — снова от Славы Зайцева.

Спектакль стоит посмотреть, во-первых, классика, во-вторых, хороший актерский ансамбль, а тем, кто лицеизрел первые две постановки, наверняка будет, с чем сравнить.

Театр
«Современник»

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Что нового?

Виталий Вульф

Сегодня есть Талантли- вые, но великих нет

Этот человек, и впрямь, как сказочный волшебник, любую безделицу превращает в новеллу, любую биографию — в эпический роман. Не исправляет, не добавляет, а «переписывает» заново. В нем удивительно сочетаются уникальная память, дар рассказчика, житейская мудрость,

кругозор путешественника, тонкая ирония, остроумие и умение находить «зерно образа». В его домашнем пространстве царит дух старины и многими забытого изыска. Пахнет театром. «Кирпичики» заколдованного замка — книги... Стеллажи книг, которые «уже негде складывать», — сетует гостеприимный хозяин. В просторной прихожей — любопытная коллекция зонтиков, несколько модных плащей на вешалке. В гостиной — старинный рояль, уникальная мебель, живопись — Ларионов, Волошин, Штеренберг, редкие гравюры XIX века, огромные мягкие кресла. Мы усаживаемся в них, Виталий Яковлевич кладет ногу на ногу, внимательно смотрит в глаза, и мы начинаем разговор...

— **Виталий Яковлевич, расскажите о ваших последних телевизионных проектах...**

— В этом сезоне выйдет программа, посвященная русским эмигрантам в Баден-Бадене, а потом — две премьеры: к столетию со дня рождения одной из самых больших звезд советского кино Марины Ладыниной и передача, посвященная молодой актрисе театра Ленинского Комсомола — Марии Мионовой.

— **Есть ли на современной сцене молодые звезды, которые могут стать достойными «Серебряного шара»?**

— Выбирать нелегко. Сегодня мало молодых, которые достойны такой передачи. Много актрис, однако мало тех, у которых, помимо наличия таланта, была бы еще интересная судьба, бурная жизнь. Сейчас все стало просто, примитивно, все зарабатывают деньги. Людей с большими биографиями почти не осталось. Если про Орлову или Ладынину можно было сделать многосерий-

— **Вся ваша жизнь посвящена, в основном, театру. Сохранилось ли, как в юности, трепетное к нему отношение?**

— Трепета никакого уже нет давным-давно. Это профессия. Сколько лет я этим занимаюсь!

— **А есть ли сегодня постановки, которые могли бы вас заинтересовать?**

— Очень мало. На мой взгляд, самый интересный спектакль сезона — «Опасный поворот» в театре имени Маяковского. Замечательный спектакль. Все. Открыли один театр, второй — и что дальше? Ничего интересного и абсолютно ничего общего с тем положением, которое я застал в молодые годы, когда видел множество блестящих спектаклей. Их и в помине нет сегодня.

Это не шутки, положение весьма драматическое. К сожалению, никто этим не занимается — ни правительство, ни государство.

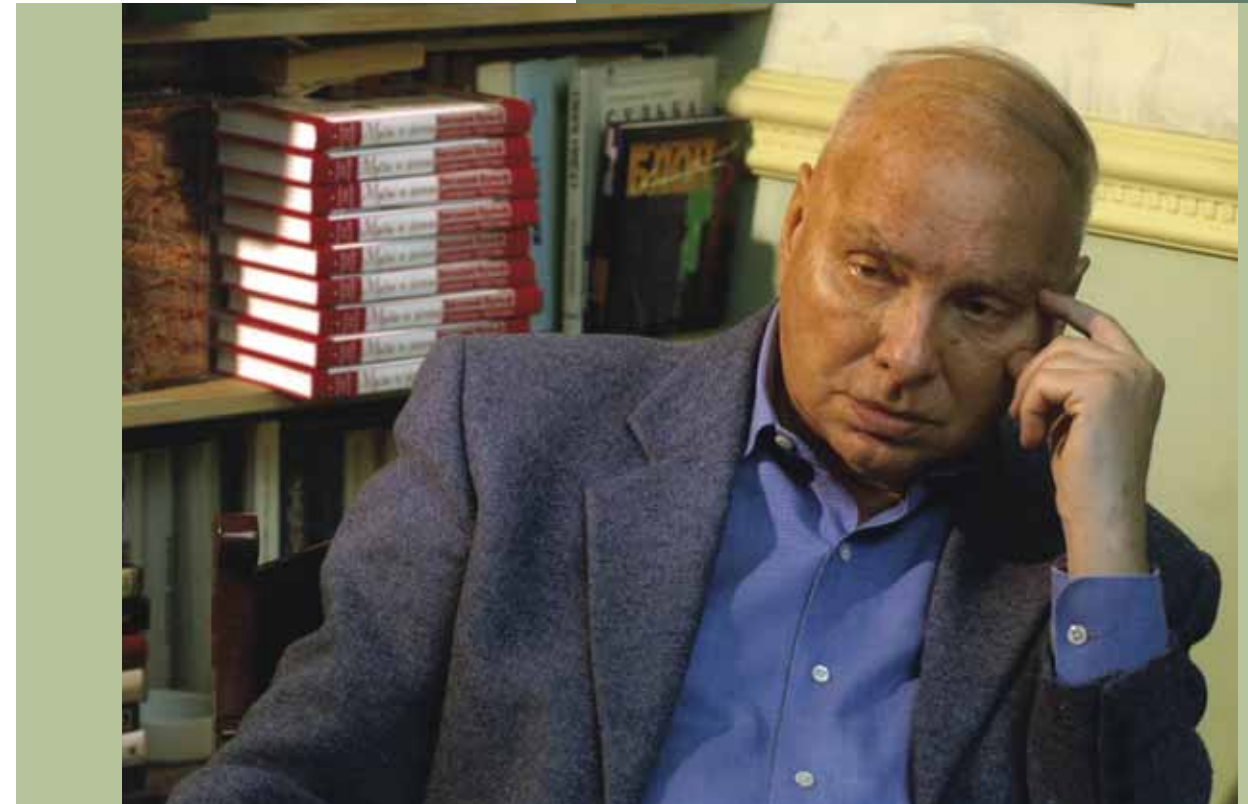
— **Звучит пессимистично. Но среди обилия московских театров хоть один достоин вашего внимания?**

— Лучше всех в последнее время работает театр имени Маяковского. Он — стабильный. В нем прекрасный режиссер — Сергей Арцибашев. Там идет много хороших спектаклей высокого класса, такие, как пьеса «Банкет» Нила Саймона, «Мертвые души» по Гоголю, «Карамазовы», «Опасный поворот» Джона Бойтона Пристли, «Шаткое равновесие» Эдварда Олби. Все это мощные, сильные спектакли. Во всех остальных театрах дела идут очень тихо и вяло.

— **Хотя внешне столичная театральная жизнь выглядит довольно насыщено: афиши, анонсы...**

— Это вообще не имеет никакого значения, называется «промоушн», его делают специальные люди. Вообще, сейчас — плохое театральное время. В уходящем сезоне не было

ные ленты, их жизненные сюжеты порой гораздо более изобретательные, нежели сюжеты советских картин, в которых они снимались, то о нынешних «звездах» приходится буквально по капле набирать материал, чтобы хотя бы что-нибудь о них рассказать. Это уже знак времени. Знак эпохи.

больших побед. Журналисты пишут: «победы, победы»... А где победы? Ни одной!

— **Остается надеяться, что в следующем сезоне они все-таки будут...**

— Надеяться нельзя. Это пустые слова. Надеяться не на что. Это можно делать тогда, когда ты знаешь, что есть режиссеры, которые поднимут театр. А таких почти нет. Актеров достаточно. Талантливые актеры есть в каждом театре. Но они же не могут поставить спектакль сами для себя! Сегодня публичность, «паблисити» — движущая сила нашего века. Давайте посмотрим. Например, в ужасном положении находится театр Станиславского. И это один из театров, который находится в центре города!

Заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Национальной премии ТЭФИ, член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей РФ, Виталий Яковлевич Вульф родился 23 мая 1930 года в Баку. Отец — Яков Сергеевич Вульф, был одним из самых известных бакинских адвокатов. Мать — Елена Львовна, училась в бакинском университете у Вячеслава Иванова до его отъезда в Италию, была его любимой ученицей и всю жизнь хранила старенькую зачетную книжку с его расчерками. Умерла она в Москве в 1974 году. Ее хорошо знали и любили все друзья Виталия Яковлевича,

В его домашнем пространстве царит дух старины и многими забытого изыска. Пахнет театром. В гостиной — старинный рояль, уникальная мебель, живопись — Ларионов, Волошин, редкие гравюры XIX века, огромные мягкие кресла

Лучше всех в последнее время работает театр имени Маяковского. Он — стабильный, и в нем прекрасный режиссер — Сергей Арцибашев

и ее смерть стала самым страшным горем в его жизни. После окончания средней школы Виталий Яковлевич мечтал поступить в ГИТИС, но отец настоял, чтобы сын сначала получил серьезное образование, а потом уже устремлялся куда хочет. В итоге, родители отправили своего единственного ребенка в Москву, где он поступил в МГУ имени Ломоносова на юридический факультет. Окончив университет, он остался без работы. В то время шла борьба с космополитизмом, разбиралось дело врачей, продолжались аресты, и, естественно, молодому юноше без связей в Москве места практически не было. Четыре раза он пытался попасть в аспирантуру. В 1955 году сдал вступительные экзамены на все пятерки, но принят не был. С тех времен сохранилась справка из Всесоюзного юридического института о том, что, несмотря на все пятерки, дирекция не считает возможным принять его в аспирантуру. После смерти отца наступили годы бедности и съема комнат и углов в московских квартирах. В 1957-м Виталий все-таки стал аспирантом, недолго работал в адвокатуре, которую не любил, а в 1961 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук.

— На его сцене шел известный спектакль «Продавец дождя», в котором играл легендарный Евгений Урбанский...

— Урбанский — интересная фигура. Трагическая. Я делал о нем передачу. «Продавец дождя» — хороший спектакль, но он шел тридцать лет назад! У истории театра уже давно нет продолжения. За последние четыре года работы главный режиссер, Татьяна Ахрамкова, поставила всего два спектакля, один из которых «Евграф, искатель приключений» — очень плохой, другой «Куба, любовь моя» — весьма средний. Не о чем разговаривать. Театр не должен жить вчерашним днем.

«Современник». Громкое имя. Был когда-то один из самых замечательных театров. А за последние одиннадцать лет Галина Волчек поставила два спектакля. Два! Что может быть хорошего? Люди по привычке ходят на имя. Но на этом долго не протянешь. МХАТа нет. Того, который был когда-то. Вахтанговский театр — тоже погибающий. А там много талантливых людей! Но они ничего не делают. Материал для работы есть, а «скульпторов» нет. Идей нет. Современной драматургии нет. Сегодня — иная жизнь, нежели пятнадцать лет назад, и ни один писатель или драматург не написал пьесу про нее.

— Значит, надо исправлять положение и писать!

— Это не так легко. Нужно иметь талант, а талантов не так много. За последние годы в молодой драматургии появилась только авангардистская. Абсолютная ерунда: с ненормативной лексикой и прочей чепухой. Психологического театра нет. Никто не написал современную психологическую пьесу. Снова и снова ставится классика.

— Например, классика ставится в студии театрального искусства Сергея Женовача. Какое ваше мнение об этом театре?

Журналисты пишут: «победы, победы»... А где победы? Ни одной!

— Хороший театр. Скучный. Зато профессиональный.

— Получается, в нынешнее время священного отношения к театру не осталось?

— Священное отношение к театру осталось. Только не к кому ему относиться. И так везде! Думаете, в балете что-то иначе? Балет Большого театра. Блестящие танцовщики — лучшие в мире! А балетмейстера нет. Ратманский — средний режиссер, который в лучшем случае может поставить одноактный балет. Он поставил всего один — «Светлый ручей», больше ничего у него не было. После того, как ушел Григорович, театр пошел вниз. С ним ушло золотое время. Правда, сейчас его вернули, но ему сегодня — восемьдесят один год! Уже нет прежней силы и совсем иное состояние души. К тому же он пережил большую драму — недавно умерла его жена — гениальная балерина Наталья Бесмертнова....

— Что-то грустно стало от ваших слов...

— Я реально смотрю на вещи.. И вы не можете мне возразить. Если людям интересен сегодняшний день, то они должны знать, каков он сегодня. Ведь молодых-то нет! Вы когда-нибудь задумывались над этим? Петр Фоменко — замечательный режиссер. Но Фоменко — уже за семьдесят, Волчек — семьдесят пять, Захарову — семьдесят четыре, Табакову, очень активному, талантливейшему актеру — семьдесят три года. Все, кто возглавляет театры — это люди, которым далеко за семьдесят. И ни у кого из них

Сегодня — иная жизнь, нежели пятнадцать лет назад, и ни один писатель или драматург не написал пьесу про нее

Все эти трудные годы его спасал театр, который он любил, бывая почти ежедневно на всех спектаклях МХАТа, Малого, Вахтанговского и особенно театра имени Маяковского, где изредка выходила на сцену любимая актриса Вульфа — Мария Ивановна Бабанова. В 1962 году, приехав к матери в Баку, он застал в городе гастроли театра «Современник». Тогда и началась дружба Вульфа с коллективом этого театра. С тех пор прошло почти сорок лет. Естественные в творческой среде процессы притяжения и отталкивания соединяли его то с Олегом Ефремовым, то с Галиной Волчек, то с директором театра Леонидом Эрманом, ставшим его близким другом. Но преданность театру оставалась неизменной.

С 1967 по 1997 год Виталий Вульф работал в Институте международного рабочего движения АН СССР, сначала младшим, затем старшим, а позже ведущим научным сотрудником. Долгое время он возглавлял группу по изучению молодежного сознания в странах Запада. В 1967 году была напечатана его большая научно-публицистическая работа о движении хиппи. Тяготение к театру привело

Сегодня мало молодых, которые достойны передачи «Серебряный шар». Много актрис, однако, мало тех, у которых, помимо наличия таланта, была бы еще интересная судьба, бурная жизнь. Сейчас все просто, примитивно, все зарабатывают деньги

к тому, что почти с самого начала пребывания в институте он профессионально стал заниматься американским театром. В 1989 году защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук на тему: «Американский театр 70-х годов и общественно-политическая реальность», и в том же году впервые был командирован в США. В 1992 — он вновь поехал в США и два года преподавал на театральном факультете Нью-Йоркского университета, читая курсы «Чехов и театр», «История русской драматургии», «Сталин и театр».

нет ни наследников, ни преемников. А без «руки» театр делать нельзя. Картина, конечно, невеселая, но такова реальность.

— Среди молодых театральных режиссеров есть, на ваш взгляд, достойные внимания? Например, Кирилл Серебренников?

— Серебренников — по своей природе талантливый. Я был первым человеком, который написал о нем положительную статью по просьбе драматурга Казанцева, когда его очень ругали в печати после постановки «Пластилина» в Школе драматургов, поскольку считаю этот спектакль хорошей работой. Но у него, к сожалению, хороших постановок меньше, чем плохих. В «Современнике» шел ужасный спектакль «Сладкоголосая птица юности» Уиль-

ямса, к числу плохих его спектаклей можно также отнести «Антоний и Клеопатра», «Фигаро» в антрепризе. Человек он способный, обаятельный, неглупый. Жизнь покажет, что из этого получится. Потому как пока он скорее шумный и модный. И, можно сказать, «сделал себя» своими собственными руками, что, безусловно, вызывает уважение. Однако его не назовешь большим художником. Это не Ефремов, не Эфрос, не Товстоногов... Это скорее то, к чему пришел современный театр. Ушло время, когда люди создавали театры. И Ефремов, и Эфрос, и Любимов, и Товстоногов — великолепная четверка — они строили театр, они были строителями коллективов. Гончаров строил Театр Маяковского. После того, как он ушел, после развала театра, после смерти Охлопкова наступи-

Сегодня славы нет, есть популярность, связанная с мельканием в сериалах, появлением на телевидении. Фильм сходит с экрана, и на этом все заканчивается

ло довольно трудное время. Одним словом, сегодня строителей театра нет.

— А среди женщин-режиссеров? Нина Чусова, Ольга Субботина?

— Лучше это не обсуждать. Нина Чусова особенно безвкусна и неумна в своих режиссерских построениях. Будучи талантливой, кстати сказать.

Все, кто возглавляет театр, — это люди, которым далеко за семьдесят. Ни у кого из них, к сожалению, нет преемников. А без «руки» театр делать нельзя

А в 1994-м вернулся в Москву, без которой не мыслил своей жизни.

В ноябре 1990 года Виталий Вульф впервые появился на телеэкране, сделав передачу о великой русской актрисе М.И. Бабановой, с которой был дружен. А в сентябре 1994 года на телеканале «Останкино» (позднее — на ОРТ) начала выходить его программа «Серебряный шар», пользующаяся огромной зрительской любовью. В настоящее время Виталий Вульф — ее автор и ведущий. Его искусство рассказчика — особый жанр, у истоков которого стоят устные рассказы Ираклия Андроникова и чтецкие программы Дмитрия Журавлева. В этой программе он предстает критиком, актером и искусствоведом одновременно. Практически не меняя мизансцены, он способен удерживать внимание миллионов людей. Круг его героев с годами расширяется. Раньше это были актеры и актрисы театра и кино, знаменитые писатели, теперь и политические деятели. К его большим удачам следует отнести передачи о Черчилле, Рузвельте, де Голле, Ольге Чеховой, Тарасовой, Степановой, Фадееве, Горьком, Цветаевой, Олеге Ефремове, Ладыниной, Фурцевой, Дорониной, Григоровиче, Иве Монтане. Запомнилась программа о Старой Русской Ницце, посвященная русским эмигрантам.

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Рандеву

«ИЗЮМИНКИ» О МУЗАХ

Они царили в кино. Они блистали на сцене. Они определили лицо своей страны и своей эпохи. Верность собственному

призванию, внутреннее достоинство, недюжинная сила — этими женщинами нельзя не восхищаться. Как истинный художник

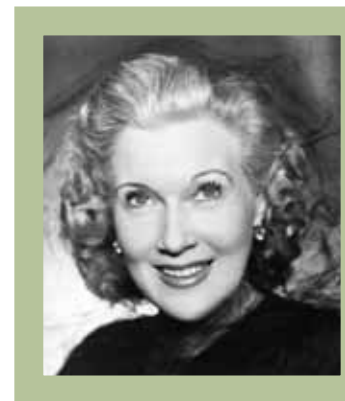
слова Виталий Яковлевич яркими и точными штрихами рисует нам портреты тех, кто определил собой женское лицо России.

Она и Серебренников — одаренные, но это не художники высокого класса, какими были их предшественники.

— **В одной из своих книг вы писали: «Люди должны знать, что слава и успех всегда оплачены очень сложным трудом и трудной судьбой»... Работает ли эта «формула» сегодня?**

— Сегодня славы нет, есть популярность, связанная с мельканием в сериалах, появлением на телевидении. Фильм сходит с экрана, и на этом все заканчивается. Никто о нем больше не вспомнит. У Любви Орловой была слава, хотя фильмов было мало. Слава была у Марины Ладыниной, Валентины Серовой, у Татьяны Самойловой, потому что фильмы «Летят журавли» и «Анна Каренина» помнит каждый. У Гундаревой еще совсем недавно была слава. А сейчас какая слава? У кого? Назовите мне хоть одну актрису, у которой она есть? Не найдете. Все великие актеры остались только в прошлом веке. Это данность. А нынешние игры в «суперзвезд», в «мегазвезд» — все это уже низведено до пародии. Да, и сегодня есть талантливые, даже большие лицедеи. Но великих — нет. Вот в этом вся проблема.

Беседовала
Дарья САМОРОДОВА.

Любовь Орлова.
Звезда №1

Почему ее называют «звездой №1»? Она умела все — петь, танцевать, играть драматические сцены. Все ее актерские качества в отдельности, может быть, и не составляли каких-нибудь великих достоинств, но когда они соединялись в одно целое, представляли собой невероятный феномен. Ни у кого не было такой солнечной красоты — красоты, которая поко-

ряла людей. В Орловой была необыкновенная радость жизни. Выглядела она всегда ослепительно, всегда — с улыбкой на устах, в ее лице, в ее поведении, в ее манере, в очень благородной лепке ее лица была какая-то неизъяснимая женская прелесть. Женственность — ее содержание — и ее маска. Она обладала сокрушительным очарованием.

Валентина Серова.
Потерянная судьба

Если бы в нашей стране занимались «производством звезд», как это делали в старые времена в Голливуде, если бы не было «железного занавеса», — Валентину Серову знал бы весь мир, как западных знаменитостей. Красавица, талантливая актриса — и на театральной сцене, и в кино, — она была создана для того, чтобы покорять. У нее было одно очень существенное отличие от всех прославленных советских актрис — естественность. И на экране, и в жизни. В каждом своем поступке, в каждой

роли. Серова была дочерью Клавдии Михайловны Половиковой — талантливой актрисы, игравшей в театре имени Маяковского. Настоящая дочь своей матери, она с детства была «обречена» играть. Серова в кино — это «социальный типаж», в ее лице, поведении, облике было то, что мечтал увидеть зритель. Она создала новый социальный тип молодой, очаровательной, влекущей к себе задорной советской девушки. У Серовой было красивое, выразительное лицо, юмор и, как бы теперь

сказали, сексуальная притягательность. Тогда на кинематографическом небосклоне царили Любовь Орлова и Марина Ладынина. Серова по праву встала рядом с ними.

Но ее героини, в отличие от героинь Орловой и Ладыниной, могли быть не только мечтой — они приходили из реальной жизни. Что бы она ни играла, она привносила в

свои роли волнующую и человеческую тему преодоления — помимо комедийности, на которую в те годы, как и всегда, впрочем, был повышенный спрос.

Мария Бабанова. Хрустальная легенда

Ее гениальную игру помнят несколько поколений театралов. Ее хрустальный, вечно молодой голос до сих пор живет в душах тех, кто имел счастье его слышать. Она стала легендой еще при жизни — и легенда надолго переживет ее... Впервые я увидел Марию Ивановну Бабанову на сцене еще студентом первого курса. Мы с приятелем гуляли по улице Герцена и вдруг увидели афишу спектакля «Таня» по пьесе Арбузова. Мне почему-то показалось, что эта пьеса про Зою Космодемьянскую — героиню Великой Отечественной войны; Таней она назвалась немцам, когда ее схватили... Мы купили билеты с рук — в кассе не было ни одного билета — и вошли в зал. Когда началась пьеса, на сцену вышла хрупкая женщина, на вид — около пятидесяти лет, и я все никак не мог понять, при чем тут Зоя Космодемьянская, и почему эта молодая актриса играет молодую девушку? Но уже через несколько минут, когда Мария Бабанова — а это была она — заговорила, я забыл про все, очарованный магией ее игры и волшебством ее необыкновенного голоса... Главной ее страстью был театр, а ее божеством — Мейерхольд, в котором воплотились для нее

все мечты о театре. Она была ранима и удивительно чутка, странное соединение детскости и жесткой властности. В ней не было актерского тщеславия и сомнений, того, что расцвело в наши дни. Она не стремилась к славе, не гонялась за тем, что нынче «в моде», не любила того, что сегодня называется «тусовкой». Она знала себе цену и, кроме работы, мало что интересовало ее... Ее куртизанки и шансонетки были, по сути дела, девочками, которых жизнь слишком рано заставила стать женщинами. Зрители это чувствовали и любили их так же сильно, как саму Бабанову. Секрет в том, что она, как никто другой, умела передать не только и не столько внешний блеск подобных героинь, но их внутренний мир — опустошенность, нравственную и духовную неразбуженность, даже детскость. Такой успех ее мучил: ей казалось, что если хлопают ее «разложившимся» героиням, это общественно вредно. А зрители понимали совсем другое: если общество не способно достойно обращаться с такой чудесной, хрупкой, почти нереальной женщиной, которую играла и которой была Бабанова, это общество не имело права на существование...

Вера Холодная. Королева экрана

Она — первая русская звезда, и она же — единственная настоящая звезда русского кино. Ее называли Королевой экрана. Она снималась всего три года, из ее более чем пятидесяти фильмов сохранились только пять. Но ее помнят до сих пор, потому что больше таких не было. Не было — чтобы и умна, и красива, и чиста, и талантлива, и счастлива, и всеми любима... Если такие и рождаются, о них помнят долго. Как о ней. О Vere Холодной. Ни отец, ни мать не отличались особой красотой, но их дочка с детства привлекала внимание своей внешнос-

тью — темные кудри, огромные грустные глаза, нежный овал лица... Ее красота с первого взгляда поражала всех — и мужчин, и женщин. Она была не просто красива, но обладала огромным обаянием, которое кинокамера только усиливала. Особенно привлекали внимание ее огромные, с поволокой, серые глаза. Эти глаза буквально завораживали зрителей...

Ее могилы не существует. Но осталась память о ней. Песни Вертинского. Пять ее фильмов и пленка с записью ее похорон. Слухи и домыслы. Легенда о ее смерти. Легенда о ней самой...

Фаина Раневская. Сильная женщина с хрупким сердцем

Десять лет назад редакционный совет английской энциклопедии «Who is Who» назвал Фаину Георгиевну Раневскую в числе десяти самых выдающихся актрис XX века. Между тем у нее почти не было ни одной главной роли в кино, которая бы ее прославила, а в театре она играла гораздо меньше, чем ей хотелось бы. Когда Раневская была моложе, режиссеры приглашали ее сниматься на роли без слов — или вообще без роли, надеясь, что она придумает себе роль, которая украсит их фильм. А потом перестали звать даже на эпизоды, понимая, что ее игра затмит всех остальных. Она говорила: «У меня хватало ума глупо прожить жизнь...» С раннего детства ей нравилось изображать

людей — дворника, прохожих, нищих на улицах... Неуклюжая, нескладная, к тому же немного заикающаяся, Фаина искала способ выразить себя, найти свое место в жизни. И такое место вскоре нашлось: театр. Желая покорить и кинематограф, Раневская собрала свои фотографии и отослала их на «Мосфильм». Ей вернули их со словами: «Это никому не нужно». Актриса обиделась на кино. Но когда однажды к ней подошел молодой человек и сказал, что хотел бы снять ее в кино, она бросилась к нему на шею. Это был Михаил Ромм, который тогда приступал к съемкам своего первого фильма «Пышка» по Ги де Мопассану...

Знаменитую фразу «Муля, не нервнирай меня!» она придум-

мала сама и возненавидела ее. Всю оставшуюся жизнь «Муля» преследовал ее: так кричали толпы бежавших за ней мальчишек на улицах, так говорили, знакомясь с ней, элегантные дамы... Даже Брежнев, вручая ей в 1976 году — в связи с 80-летием — орден Ленина, вместо приветствия сказал: «А вот идет наш «Муля, не нервируй меня!». Раневская ответила: «Леонид Ильич, так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы!»

Генсек смутился: «Простите, но я вас очень люблю...» Сталину нравилась игра Раневской: «Вот Жаров в разном гриме, разных ролях — и везде одинаков; а Раневская без грима, но везде разная». Раневская — чуть ли не единственная великая актриса, у которой никогда не было романов, семьи, детей. Она как-то сказала: «Все, кто меня любил, не нравились мне. А кого я любила — не любили меня. Кто бы знал мое оди-

ночество! Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной... — И добавила: — Моя внешность испортила мне личную жизнь»...

Ее похоронили на Донском кладбище рядом с сестрой. Гениальную актрису, которая, по ее собственным словам, не сыграла и четверти тех ролей, которые должна была сыграть. Одну из немногих, чья память надолго пережила их самих...

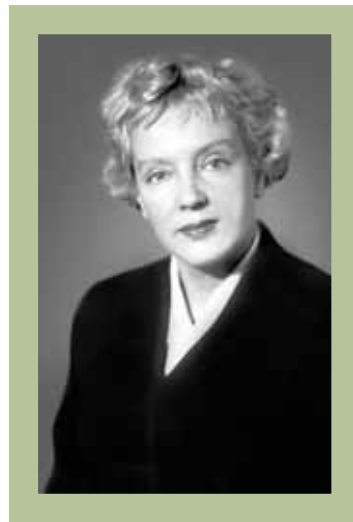
Ангелина Степанова. Большая роль

Эта хрупкая, интеллигентная и сдержанная женщина готова была голодать, чтобы выглядеть элегантно. Рисковать семьей и карьерой, чтобы спасти любимого из Сибири. Терпеть измены, чтобы оставаться главой семьи. Однако актриса МХАТа Ангелина Степанова всегда помнила, что главное в ее жизни — театр, а остальное — «мимо, мимо»... Тоненькая, изысканная Ангелина с огромными глазами на нежном лице сразу привлекала к себе внимание. Она была полна неукротимого оптимизма. Получая в первые годы — да порой и потом — только небольшие роли, отдавалась им целиком, верная завету Станиславского: нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. А быть маленькой актрисой Лина не хотела ни за что. Константин Сергеевич Станиславский часто репетировал с нею у себя дома и называл своей любимицей. Она одевалась у лучших московских портных, старалась не покупать готовую

одежду: считала, что сшитые специально для нее вещи сидят лучше и больше соответствуют ее пониманию того, что значит хорошо одеваться. Она могла себе позволить наряды из лучших французских бутиков — Фадеев часто брал за границу. Но Степанова никогда не просила его покупать одежду: ее интересовали фасоны, ткани, цвета, но платья она заказывала в Москве, подробно и со знанием дела объясняя, как надо шить. Туалеты у нее были бесподобные — и при этом ничего экстравагантного, кричащего, все очень сдержанно, изысканно, просто и очень элегантно. На ее фоне любая модница выглядела вульгарно. В конце жизни у нее спросили, можно ли назвать ее счастливой. Она ответила: «В моей жизни было много горя и бед. Но если вы спрашиваете, была ли я счастлива, я скажу — да, была, каждый день, каждую секунду, и свою биографию я не променяю ни на какую другую».

Умерла Ангелина Иосифовна 17 мая 2000 года — во сне. Ее похоронили на Новодевичьем кладбище, в одной моги-

ле с мужем, Александром Фадеевым. Он всегда говорил про нее: «Таких, как Лина, не бывает на свете».

Марина Ладынина. Свет далекой звезды

В сталинские времена в начале улицы Горького висели два огромных, во весь дом, портрета. На одной стороне улицы — сам Иосиф Виссарионович. А на другой — Марина Ладынина. Одна из ярчайших, любимейших актрис, она была олицетворением эпохи. Трудно поверить, но эта изящная, изысканная, с благородными манерами женщина имела самое пролетарское происхождение. Родители были простые крестьяне: у отца, Алексея Дмитриевича, — всего три класса сельской школы, а мать, Мария Наумовна, и вовсе неграмотная. С детства у Марины было два увлечения: книги и сцена. Читала запоем, а потом с увлечением, в лицах, пересказывала прочитанное друзьям. В талант дочери поверила даже мать, властная и строгая, убежденная в том, что работа на сцене — дело совершенно никчемное... Сергей Фадеев, артист театра Мейерхольда, разглядев в молодой сельской учительнице талант актрисы, дал ей адрес ГИТИСа, а главное — подарил книгу К.С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве».

Будущее было определено. Она пришла в ГИТИС и была принята после первого экзамена. В ведомости экзаме-

национная комиссия сделала пометку: «особо одаренная». В годы расцвета МХАТа Марина оказалась на одной сцене с такими прославленными актерами, как Василий Иванович Качалов, Иван Михайлович Москвин, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Клавдия Николаевна Еланская. Молодую актрису заметили сразу. Ее хвалил Горький, Станиславский отметил ее несомненный лирико-драматический талант... Успех фильма «Богатая невеста» был огромный. С ролью озорной колхозницы Маринки Лукаш к Ладыниной приходит всенародная слава. Ее жизненная сила, красота и талант завоевали сердца зрителей. Ладынина сумелаписаться в гляцевую идиллию фильма, при этом не потеряв своей индивидуальности. Образ, который она создала на экране, — отстраненный и недолимо привлекательный, сказочный и искренний, — не заслонял, однако, личность самой Ладыниной.

За несколько лет до своей смерти Петр Глебов сказал ей: «Ты украшаешь жизнь — живи подольше. Ты светишь нам своей жизнерадостностью, своим умом, своим красивым голосом — и свети нам подольше...» □

РЕАЛЬНЫЙ ПАПА («Realny papa»)

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Сергей Бобров**
Жанр: **комедия**
Страна: **Россия**
Длительность: **н-цать мин.**

В главных ролях: **Михаил Пореченков,**
Светлана Ходченкова,
Александр Дедюшко,
Евгения Добровольская

Отечественный кинематограф радикально отличается от голливудского хотя бы тем, что банальную идею может реализовать самым причудливым образом, в результате получив что-то совсем новенькое. В течение первых минут просмотра нас преследует призрак телеканала «ТНТ», ибо актер, исполняющий главную роль, — популярный телеведущий. Роман Шило живет скучной, размеренной жизнью: работает «разводящим» в туземной банде, а в свободное время клеит самолетики. Беззаботный, почти сорокалетний холостяк, его все устраивает. Но иначе бы и фильма не было, его жизнь неожиданно меняется на хаос в лице троих детей от бывшей жены (родная 14-летняя дочь с братом и сестрой от других браков матери). Вспоминаем американского «Трудного ребенка», умножаем на три. Приходится решать все детские проблемы, начиная от детского сада и заканчивая школой. Но как быть, если привык орудовать только внушительной «пушкой»? Тяжело резко сменить подход. Фильм наполнен интересными шутками, курьезными ситуациями. Скучать не придется.

КОРОЛИ УЛИЦ («Street Kings»)

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Дэвид Эйер**
Жанр: **триллер**
Страна: **США**
Длительность: **107 мин.**

В главных ролях: **Кеану Ривз,**
Форест Уитекер, Хью Лори,
Крис Эванс

Встречая очередную картину с Кеану Ривзом, тяжело не видеть в актере Нео, а в фильме эпизод из «Матрицы». На протяжении всех 107 минут в голове постоянно вертится вопрос: «А где же агент Смит»? Герой данного обзора ничем не выделяется из серой массы многочисленных новинок, разве что рейтинговой звездой, которая почти наверняка окупит затраты, завлекая ценителей и фанатов Ривза. «Короли улиц» — классическая картина своего жанра, где все персонажи эффектно бьют друг друга по лицу на фоне средней степени закрученности сюжета. Главный герой активно стремится доказать свою правду в условиях, когда все говорит против него. Нео, то есть Кеану, играет без вины виноватого полицейского, даже друзья видят в нем убийцу собственной жены. Все разворачивается по традиционной схеме: виноватые получают по заслугам (лежат на съемочной площадке в виде разной степени живости), а главный герой, всеми законными, но чаще незаконными способами, доказывает свое «я». Картина найдет своего ценителя, и будет интересна любителям жанра.

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Что нового?

ДВАДЦАТЬ ОДНО («21»)

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Роберт Лукетич**
Жанр: **драма**
Страна: **США**
Длительность: **123 мин.**

В главных ролях: **Джим Стерджесс,**
Кевин Спейси, Кейт Босворт,
Аарон Йу

Перед нами — многообещающая картина, на которую создатели возложили множество надежд, в том числе и достижение звания «фильм года». Но один момент остался неучтенным — нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Любой азартный человек, в данном случае американец, мечтает сорвать джек-пот в Лас-Вегасе и опустошить карманы владельцев казино. Подобных историй мы насмотрелись вдоволь в самых разнообразных интерпретациях: от комедий, боевиков до серьезных работ. Какими иллюзиями жили авторы «21», остается загадкой. Даже основа на реальных событиях подогревает интерес слабо. Бесспорно, хорошая игра актеров, постоянный акцент на главном герое, делающий все остальное фоном, популярное музыкальное сопровождение. Но некоторые сюжетные линии кажутся незавершенными. Идея фильма исходит от романа Бена Мезрича «Удар по казино», вышедшего в 2002 году. Сюжет — предельно прост и укладывается в одно предложение: гениальный студент в области математики решает надуть крупнейшее казино и сорвать огромный куш, основываясь на своем умении просчитывать карты в блэкджек. Фильм достоин внимания, но вряд ли более, чем на один раз.

РУИНЫ («The Ruins»)

Год выхода: **2008**
Режиссер: **Картер Смит**
Жанр: **ужасы**
Страна: **США, Австралия**
Длительность: **97 мин.**

В главных ролях: **Джонатан Такер,**
Джена Малоун, Шон Эшмор,
Лаура Рэмси

Фильмы ужасов периодически блистают неожиданными поворотами событий, ввергающими в дрожь ситуациями, ибо рассчитывают на психологическое воздействие, но не тут-то было. Под соусом «страшного фильма» нам подаются красивые мексиканские пейзажи. Возникает ощущение, будто местные туристические фирмы хорошо заплатили только-только дебютировавшему режиссеру. Для страшных фильмов характерно развитие событий в сумерках или ночью. Здесь же добрых три четверти разворачивается днем. Второго «Спуска» ждать не приходится. «Руины» сняты по роману Скотта Б.Смитта, к сожалению, не агента, а то бы действительно было страшно. Зрителю показывают историю молодых людей, решивших для лучшей запоминаемости отдыха отправиться в джунгли на место археологических раскопок. И вдруг, откуда ни возьмись, неожиданно им повстречалось нечто не совместимое с жизнью и очень злое. Далее следуют кровавые сцены с криками, перемежающиеся с местными красотами. Создатели сами же охарактеризовали свое творение, вложив следующую фразу в уста одного из героев: «Мы же — американские туристы. Как мы можем умереть в какой-то Мексике? Кто-нибудь наверняка нас спасет». Занавес. Как страшилка картина не состоялась, зато природа в заоканской Мексике действительно красива.

Кирилл ПОДОЛЯК

Денис ЛОГИНОВ

ТА НА РАЙНОЙ СЛУЖБЕ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

«Не пойму, как это у него получается! — не без зависти сказал следователь ЧК Никифоров. — Сегодня допрашивал очередную жену этого Рейли, чтоб ему провалиться! Знаешь, какую по счету? Уже восьмую! И это только те, кто попали к нам. Уверен, на свободе их осталось, по крайней мере, не меньше».

«Хоть бы одним глазком взглянуть на этого многоженца! — откликнулся собеседник. — Интересно, что в нем такого особенного, что бабы к нему липнут, как мухи на мед?»

Этот разговор состоялся вечером после тяжелого рабочего дня в столовой здания ЧК на Лубянке. Зависть следователей вполне объяснима. Когда после покушения на Ленина в 1918 году ЧК арестовала тысячи противников большевистского режима, в руки чекистов попали восемь молодых женщин. Помимо красоты и молодости, их объединяла еще одна черта: все утверждали, что являются женами подданного британской короны Сиднея Рейли.

Из «открытых» в девяностые годы прошлого столетия архивных документов секретных служб следует, что у Рейли было как минимум четыре жены и около ста любовниц. Причем одна из них, говорят, делила ложе с самим Распутиным.

По злой иронии судьбы, роковую роль в жизни «баловня судьбы», любимца женщин и интриг сыграла опять же... женщина — Мария Захарченко-Шульц.

Сидней Рейли прожил такую необычную жизнь, полную тайн и авантюр, что Джеймс Бонд «агент 007» — кстати, идею создания этого героя, по одной из версий, Йэну Флемингу подсказали именно похождения знаменитого британского шпиона — по сравнению с ним просто желторотый птенец

Под знойным небом Бразилии

Зимой 1895 года агенты царской охраны задержали приехавшего в Россию из столицы Австро-Венгерской империи девятнадцатилетнего студента химического факультета Венского университета по имени Георгий. Он направлялся в Одессу навестить больную мать. В подкладке пальто темноволосого голубоглазого паренька было найдено письмо с

инструкциями по ведению подпольной работы. Доставить бумаги Георгия попросили знакомые из организации со вполне мирным названием — «Друзья просвещения». На поверку оказалось, что это марксистская организация, которая ставила своей целью свержение существующего строя. Студент-химик был арестован по подозрению в организации заговора против царя и посажен в тюрьму.

К счастью, Георгию удалось избежать суда и ссылки. Жандармы выяснили, что никакого отношения к большевикам парень не имеет, и

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Страницы истории

Умение метко стрелять и большие способности к языкам произвели на начальника экспедиции столь сильное впечатление, что он выправил юноше британский паспорт, вручил чек на полторы тысячи фунтов стерлингов и увез его с собой в туманный Альбион

отпустили его. Правда, к тому времени мать, из-за которой он приехал в Россию, умерла, юноша не успел на похороны. Когда он добрался до дома, ее уже похоронили, дядя обвинил Георгия в опоздании и в черствости. «Как вы смеете со мной так разговаривать! — возмутился Георгий. — Мой отец — потомственный русский дворянин, полковник генерального штаба; особа, приближенная ко двору, а вы говорите со мной подобным тоном!»

Дядя только усмехнулся и открыл потрясенному племяннику тайну его рождения.

Оказалось, что отец Георгия был вовсе не полковником русской армии, дуэлянтом и отличным стрелком и особой, приближенной к императору, как внушала парню мать Полина, а ее давним другом и любовником, одесским врачом по имени Марк Розенблюм. И звался

гордый юноша, едва случайно ставший революционером, вовсе не Георгием, а Сигизмундом Марковичем Розенблюмом.

Потрясенный предательством матери, Георгий-Сигизмунд решил покончить с собой и сказал сестре Анне, что она найдет его тело под льдом в одесской гавани. Однако в последний момент, в лучших традициях авантюрного романа, изменил свои планы и сел на британский корабль, направлявшийся в Южную Америку.

Следующие три года бурной жизни Георгия-Сигизмунда проходят в далекой Бразилии. В стране, где много диких обезьян, недоучившийся химик перебивается случайными заработками. Только теперь он — не Георгий и не Сигизмунд, а... Педро. Педро работает грузчиком в порту, поваром в ресторане и какое-то время даже следит за порядком в одном из публичных домов Рио-де-Жанейро.

В 1895 году происходит событие, меняющее всю его жизнь. Педро устраивается поваром в английскую экспедицию, собиравшуюся в джунгли Амазонки. Эта работа оказалась чрезвычайно опасной и едва не стоила ему жизни. Забредя на территорию воинственного племени индейцев, ученые попали в засаду. Отбиться от кровожадных туземцев удалось с большим трудом. Во время жаркого боя полегло немало участников экспедиции. Повар Педро, неожиданно для самого себя, обнаружил, что умеет метко стрелять. Он перебил не меньше десяти нападавших.

Умение метко стрелять и большие способности к языкам (он свободно говорил на семи или даже десяти языках) произвели на майора Фотергилла, начальника экспедиции, столь сильное впечатление, что он выправил талантливому юноше британский паспорт, вручил чек на полторы тысячи фунтов стерлингов, немалую в те времена сумму, и увез его с собой в туманный Альбион.

Рейли ПРИМЕРЯЕТ ПЛАЩ ТАЙНОГО АГЕНТА

В Лондоне с многоликим Георгием-Сигизмундом-Педро происходит очередающее удивительное превращение. Теперь он становится Сиднеем. Проницательные и завораживающие голубые глаза, незаурядный ум и огромное обаяние помогают ему обрести много друзей, особенно среди представительниц прекрасного пола. Бывший студент оказался большим поклонником женщин. Больше всего ему нравились рыжие красотики. В длинный список завоеваний не по годам опытного повесы и авантюриста попали и довольно известные женщины. В него была страстно влюблена знаменитая английская писательница Этель Войнич. Кое-кто из историков литературы полагает, что написанный Войнич в 1897 году роман «Овод» посвящен не итальянскому революционеру, а молодому авантюристу из России.

В Лондоне Сидней Розенблюм узнает, что майор Фотергилл — не ученый и путешественник, стирающий с глобуса белые пятна, а агент британской разведки SIS (Секретная разведывательная служба), предшественницы МИ-6. Действуя по заданию британского правительства, Фотергилл обещает юному другу блестящее будущее на ниве разведки и уговаривает вернуться в Россию.

Так началась шпионская карьера Сиднея Рейли. Он получил агентурный номер ST-1. Буквы «СТ» означали, что его куратор находится в Стокгольме.

Первым заданием начинающего секретного агента было раскрытие планов России в Персии. Эта страна, где в последнее десятилетие девятнадцатого века нашли большие запасы нефти, очень интересовала Лондон.

Сидней с блеском выполнил сложное задание. В истории разведки эта операция получила название — «дело д'Арси». Ловко выдавая себя за священника, он не только выяснил, что русские инженеры тайно бурят нефтяные скважины в Баку, но и помог британским компаниям раздобыть нефтяные концессии в Иране. Агент ST-1 сообщил в штаб-квартиру SIS о серьезных намерениях Санкт-Петербурга на среднем Востоке, что позволило британскому правительству своевременно принять ответные меры и ограничить экспансию «русского медведя» на юг.

Сидней проявил себя ловким и инициативным шпионом. Не ограничившись выполнением порученных заданий, он переслал в британскую столицу и очень подробную справку о только что открытой Транссибирской железной дороге, и о далеко идущих планах России в отношении Китая.

Руководители британской разведки быстро поняли, что в лице молодого авантюриста с несколькими именами и туманным прошлым они приобрели очень ценного тайного агента. Его отозвали в Великобританию, но новоиспеченный «рыцарь плаща и кинжала» тут же выпросил у начальства отпуск и занялся устройством личных дел.

ДЕПА СЕРДЕЧНЫЕ

Здесь в полной мере проявились авантюрные способности русско-британского подданного. На одном из приемов Сидней познакомился с Маргарет Томас. Миссис Томас обладала рядом достоинств перед другими женщинами, которые попадали в поле зрения нашего героя, во-первых, рыжая, а к рыжим Сидней питал особую симпатию, во-вторых, ей — всего двадцать три года, и она очень красива. Нашлась, правда, и

Бывший студент оказался большим поклонником женщин, и больше всего ему нравились рыжие красавицы. Обольщать их он умел не хуже, чем добывать секретные сведения

одна загвоздка — перед ее фамилией стояло слово «миссис», означавшее, что она замужем. Это препятствие не показалось Сиднею непреодолимым. Супругом Маргарет Томас был очень богатый и, что самое главное, пожилой священник, здоровье которого оставляло желать лучшего. Представившись «врачом-консультантом», ловелас из Одессы начал каждый день навещать рыжеволосую красавицу. Предлог для визитов был выбран вполне благовидный: «доктора» очень тревожило состояние здоровья священника. Чтобы у больного не возникло подозрений, он даже регулярно его осматривал и выписал несколько рецептов.

4 марта 1898 года преподобный Томас сильно удивил родных и близких. Он переписал завещание и оставил свое солидное состояние супруге. А через девять дней после изменения завещания... благополучно перешел в мир иной. Скоропостижная смерть миллионера вызвала сильные подозрения, но Сиднею, благодаря связям в разведке, удалось быстро замять дело. Если бы расследованием занялся Скотленд-Ярд, сыщики несомненно установили бы, что под именем доктора Эндрю, подписавшего свидетельство о смерти и лечившего преподобного Томаса в последние недели перед смертью, скрывается не кто иной, как Сидней Розенблюм.

Не выждав для приличия даже полгода, в августе 1898 года Розенблюм женился на «неутешной» вдове. Маргарет стала первой и единственной законной женой будущего супершпиона. Разбогатевший авантюрист, наконец, завершает длинную череду превращений. Он принимает решение навсегда избавиться от своего прошлого. Новую фамилию Сидней позаимствовал у тестя, ирландца по национальности, которого звали Эдуард Рейли Каллахан. Для британского шпиона, работавшего за границей, ирландская фамилия была очень кстати. Она позволяла усыпить подозрения противника, поскольку ирландцы были непримиримыми

противниками англичан. Так наш герой благополучно превратился из одесского еврея в ирландца, «взяв в отцы» капитана ирландского торгового флота.

Обольщать женщин Сидней Рейли умел не хуже, чем добывать секретные сведения. Уговорив супругу перевести все деньги на совместный банковский счет и обеспечив себе безбедное будущее, Рейли после годичного отпуска вернулся на работу. Теперь, объясняет Сидней своим шефам, он может всецело посвятить себя шпионской деятельности. На вопрос, как отнесется к его работе Маргарет, мистер Рейли самонадеянно ответил, что в ее молчании он уверен. Сидней считал, что обладает над женой такой неограниченной властью, какой не обладал ни один мужчина ни над одной женщиной!

КОРОЛЬ ШПИОНОВ

Несмотря на русские корни и британское подданство, Сидней Рейли всегда был космополитом. Он считал себя гражданином мира и не отягощал такими «глупостями», как патриотизм или, скажем, верность присяге. Получив из Лондона задание помешать продвижению России на Дальнем Востоке, Сидней, вместо того, чтобы взяться за работу, устанавливает контакты с... русской разведкой и предлагает свои услуги в сборе разведывательной информации о Японии. Этот ловкий ход, правда, не помешал не обремененному моральными принципами Рейли одновременно, по заданию японцев, шпионить и за русскими.

Недавно открытые архивные документы неопровержимо доказывают, что наш герой сыграл немалую роль в поражении России в русско-японской войне 1904 года. Доказано, что именно он продал японцам

планы Порт-Артура и тем самым способствовал неожиданно быстрому падению хорошо укрепленной крепости.

В начале прошлого века отношения между Великобританией и Германией начали быстро меняться. Вместе с ними менялись и приоритеты британской политики и, естественно, разведки.

Вскоре Рейли получает задание переключить внимание с России на Германию. Сначала ему приказали проникнуть на один из крупнейших оружейных заводов Круппа. Руководство SIS уже посылало туда нескольких агентов, но всех их ждал провал. Британцев разоблачили и расстреляли. Устроившийся на завод сварщиком Сидней Рейли не только остался жив, но и с блеском выполнил непростое задание. Он выкрал планы завода и секретную документацию, а также, как бы между делом, убил двух сотрудников службы безопасности.

В 1911 году Рейли устроился на верфь «Блом и Восс», на которой строились новые корабли для стремительно набирающего силу германского флота, и раздобыл для Лондона подробнейшие чертежи новых эсминцев и миноносцев.

МОШЕННИК МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАССА

Успешно продвигаясь по служебной лестнице, Сидней Рейли не забывает и о личной жизни. К началу Первой мировой войны он теряет интерес к выполняемой задаче Маргарет и решает развестись с ней.

Выполнять задания русской разведки ему помогала прекрасная помощница, которая весьма быстро из связной превратилась в любовницу. В 1910 году Рейли отбил у самого Григория Распутина двадцатидвух-

летнюю красавицу Надежду Массино, секретаршу морского министра России! Но для того, чтобы жениться на Наде, нужно было сначала развестись с Маргарет. Рейли предложил супруге десять тысяч фунтов стерлингов за развод, но получил категорический отказ. Недолго думая, он поставил супруге ультиматум и дал на размышление сорок восемь часов: или она по-хорошему дает ему развод, или он принимает «сильнодействующие» меры. Зная, что муж слов на ветер не бросает, и догадываясь, что означают «сильнодействующие меры», Маргарет садится на поезд и бежит в Софию, где в самом начале Первой мировой войны идет работать в Красный Крест.

Война предоставила авантюристам вроде Рейли безграничные возможности сделать головокружительную карьеру и сказочно обогатиться. Понимая, что такой шанс выпадает лишь раз в жизни, он на время забывает о личных делах и с головой погружается в работу и... бизнес.

Сидней Рейли одним из первых понял, что торговля оружием — очень прибыльный бизнес. В 1914 году он отправляется в США, закупает там оружие для русских и, по своему обыкновению, одновременно выполняет секретные поручения американской разведки. За два года войны только на комиссионных от сделок с оружием Рейли заработал более трех миллионов долларов, громадные по тем временам деньги.

Бизнес процветал, жизнь казалась прекрасной и удивительной, но у Американского бюро расследований, предшественника ФБР, со временем появились серьезные сомнения насчет Рейли. Американцы заподозрили британского торговца оружием в симпатиях к немцам и решили на всякий случай его проверить. Вскоре выяснилось, что он был замешан во множестве афер и скандалов.

Результаты неофициального расследования деятельности Сиднея

Руководители британской разведки быстро поняли, что в лице авантюриста с несколькими именами и туманным прошлым они приобрели очень ценного тайного агента

Рейли позволили американцам называть его «мошеником международного класса», но к тому времени наш предусмотрительный герой уже вернулся в Европу. Став миллионером, он вновь с головой окунулся в шпионскую деятельность.

В 1917 году сорокатрехлетний Рейли вступил в канадские военно-воздушные силы и научился прыгать с парашютом. Ему приказывают собрать данные о готовящемся немецком наступлении и забрасывают за линию фронта в оккупированную Бельгию. Три недели он выдавал себя то за бельгийского крестьянина, то за германского офицера и даже ухитрился пробраться на одно из совещаний немецкого верховного командования. Сидней Рейли успешно выполнил задание. Он предупредил командование союзников о направлении главного удара и спас жизни десятков тысяч британских и французских солдат. За успешное выполнение этого сложного задания его представили к Военному Кресту. Подобные поручения Рейли выполнял не только на Западном фронте, но и в Восточной Пруссии.

В 1918 году, когда скандал заглох, Сидней возвращается в США и вновь начинает торговать оружием. В Америку приезжает и его «жена» Надя. Он обвенчался с ней в нью-йоркской православной церкви еще в 1916 году, буквально на следующий день после ее приезда, так и не потрудившись официально развестись с Маргарет. Однако когда Надя приехала к мужу в Нью-Йорк после войны, у нее уже была соперница. Очередной любовницей Рейли стала боготворившая его восемнадцатилетняя английская студентка по имени Кэррил Хаусландер.

Через два года «король шпионов» встретил в Берлине любовь всей своей жизни, молодую и богатую актрису Пепиту Бобадиллу. Через неделю после встречи они уже обручились, а 18 мая 1923 года обвенчались в Лондоне. Выходя замуж, Пепита ничего не знала ни о

Маргарет, ни о других «женах» и многочисленных подругах своего жениха.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Яркие декорации для самого впечатляющего выступления на шпионском поприще Сидней Рейли нашел в послереволюционной России. В 1918 году он возвращается в Советскую Россию, выдавая себя за личного представителя британского премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа. Убедить чекистов в своей благонадежности Сиднею не удается, и он вынужден перейти на нелегальное положение. Рейли превращается в турецкого купца и начинает плести контрреволюционные заговоры.

В его задачу не входило восстановление монархии в России. Все было куда прозаичнее и проще. Он хотел... занять место Ленина и стать властителем самой большой страны мира. Вместе с дипломатом-шпионом, сэром Робертом Локартом, Сидней разработал фантастический план по свержению большевиков и даже получил одобрение тогдашнего военного министра Уинстона Черчилля. Рейли собирался убить Ленина, арестовать на многолюдном митинге всех большевистских руководителей и возглавить новое правительство России. Для осуществления этого грандиозного плана, не совсем справедливо получившего название «заговор Локарта», энергичный шпион ухитрился собрать у русских эмигрантов значительные средства — полтора миллиона фунтов стерлингов. Он уже начал готовить военный переворот и формировать правительство, когда его карты неожиданно спутали эсеры.

Неудавшееся покушение Фани Каплан на Ленина позволило больше-

викам развязать красный террор. «Заговор Локарта» был раскрыт, но Сиднею Рейли, как всегда, удалось бежать. Он покинул квартиру за полчаса до появления в ней чекистов. В подвалах Лубянки очутились восемь (!) жен британского супершпиона. Трудно сказать, говорили ли они правду о замужестве, хотя в те годы в России можно было, наверное, одновременно жениться сразу на восьми женщинах, но за право называться «первой женой» соперницы, посаженные в целях экономии в одну камеру, сражались не на жизнь, а на смерть.

Половину «жен» Рейли военный трибунал приговорил к расстрелу. Отправляясь на смерть, каждая верила, что именно она является настоящей «королевой шпионов».

После неудачной попытки переворота Сидней Рейли еще раз побывал в России, только теперь на юге: в Крыму, на Дону и Кубани. За три месяца он переслал в Лондон сотни донесений о положении дел в армии Деникина и белом движении и сумел благополучно вернуться в британскую столицу.

ТАИНСТВЕННЫЙ УЗНИК

«Мистер Рейли, вашей связной будет Мария, — сказал человек из «Треста». — Надеюсь, вы останетесь ею довольны».

Когда в номер одной из гостиниц Хельсинки вошла эффектная блондинка, знаменитый шпион удовлетворенно кивнул. Он не сомневался, что останется доволен. Рейли поставил бокал на стол и положил сигару на край пепельницы.

«Уверен, мы с вами отлично сработаемся», — галантно произнес он и склонился в поцелуе над рукой красавицы...

После трех десятилетий невероятного везения удача, наконец, отвер-

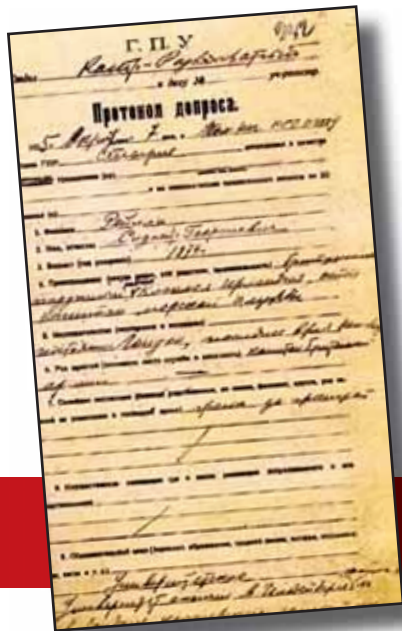
Половину «жен» Рейли военный трибунал приговорил к расстрелу. Отправляясь на смерть, каждая из них верила, что именно она является настоящей «королевой шпионов»

нулась от Сиднея Рейли. В 1921 году до Запада стали доходить слухи о том, что в Москве появилась тайная организация «Трест», которая ставит своей целью свержение коммунистического режима. «Трест» опирался на поддержку эмигрантов и противников Ленина в самой России. В Париж, Берлин и Лондон бурным потоком потекла информация о том, что большевистский режим слаб и что этого колоса на глиняных ногах можно легко свалить. Достаточно только легкого толчка, и коммунисты падут.

Не сумев справиться с большевистской Россией силой, западные политики с радостью встретили появление новых союзников внутри страны. Они не скупались на обещания, а американцы даже намеревались выделить «Тресту» миллион долларов.

О том, что «Трест» хочет установить контакты с английскими спецслужбами, в Лондон сообщил Эрнст

В задачу Рейли не входило восстановление монархии в России. Все было куда прозаичнее и проще — он хотел... занять место Ленина и стать властителем самой большой страны мира

Бойс. Этот разведчик возглавлял таллинское отделение МИ-6. Бойсу удалось убедить первого главу МИ-6, капитана Мэнсфилда Каммингса, в том, что игра стоит свеч. По заданию Каммингса, Рейли встретился с представителями «Треста» сначала в Париже, а потом и в Финляндии.

В Финляндии русские представили британскому супершпиону Марию Захарченко-Шульц. Падкий на красавиц Рейли с удовольствием согласился работать с русской, даже несмотря на то, что она была блондинкой, а не рыжей. Вскоре Мария, как нетрудно догадаться, начала совмещать обязанности связной и любовницы.

Завоевав доверие подозрительного британца, Захарченко-Шульц передала ему письмо от Каммингса, почерк которого он хорошо знал. В письме содержался приказ срочно ехать в Россию и готовить переворот. Позже выяснилось, что почерк Каммингса и само письмо были искусно подделаны чекистами.

В лице главного чекиста Дзержинского «король шпионов» встретил

достойного противника. Написав прощальное письмо Пепите, он отправился в Россию...

Арестовали его 26 сентября 1925 года около квартиры Опперпуга, еще одного участника операции «Трест». Британец отправил почтовую открытку Бойсу и сел в машину, которая должна была отвезти его на вокзал. Однако вместо вокзала Рейли в наручниках привезли на Лубянку.

Только сейчас до Рейли дошло, что в Париже и Финляндии он встречался не с противниками Кремля, а с агентами ГПУ. Мария «Колдунья», так звали Захарченко-Шульц чекисты, и Эрнст Бойс тоже работали на ГПУ. Испытывавший финансовые затруднения Бойс за хорошие деньги помог чекистам заманить Рейли в Россию.

О пребывании Сиднея Рейли на Лубянке известно со слов бывшего полковника Бориса Гудзя, скончавшегося 29 декабря 2006 года на 105-м году жизни.

Закончилась жизнь короля шпионов так же, как началась — под густым покровом тайны. Нахождение Сиднея Рейли в тюрьме в самом центре Москвы хранилось в глубочайшей тайне. О том, кто сидит в 73-й камере, знали лишь несколько человек. Не хватало только железной маски. Помещение, в котором больше месяца находился Рейли, больше походило на гостиничный номер, чем на тюремную камеру. В комнате были диван, кресло и письменный стол. Опасаясь самоубийства, надзиратели день и ночь внимательно следили за таинственным узником.

Первый допрос супершпиона состоялся на следующий после его ареста день. С самого начала допрашивавший арестованного британца Владимир Стырне повел себя с ним уважительно. Первым делом Рейли сообщили малоприятную новость — оказывается, семь лет назад он был заочно приговорен к смертной казни. Этого приговора никто не отмечая, так что, он оставался в силе и

сейчас. Единственный способ спасти жизнь — сотрудничать с ГПУ. Но Сидней Рейли, которому было не привыкать работать не только двойным, но и даже тройным агентом, почему-то наотрез отказался. Он много и подробно рассказывал о своем богатом прошлом, но умолкал всякий раз, когда его просили сообщить о текущих операциях МИ-6, интересовавших ГПУ.

Тем не менее к Сиднею Рейли, по словам Гудзя, пытали или, как их называют сами разведчики, «физические методы воздействия», не применялись. С него вполне хватило и психологической обработки, по части которой в ГПУ уже тогда работали лучшие специалисты.

В камере Сиднея Рейли вел дневник. Записи он делал на сигаретных пачках, которые прятал в одежде, диване и трещинах в стенах. 30 октября Стырне пригрозил британцу немедленной казнью, если он будет продолжать упорствовать. После очередного отказа был вызван конвоир, на Рейли надели наручники и повели во двор на расстрел. После нескольких часов мучительного ожидания его вернули в камеру, сказав, что казнь откладывается на двадцать часов.

Из донесений надзирателей следует, что ту ночь заключенный в 73-й камере провел в непрерывных молитвах. Угроза казни сломила его решимость, и он согласился помогать ГПУ. Но Рейли не был бы королем шпионов, если бы и в самый драматичный момент своей жизни не попытался обмануть противника. Он или давал Владимиру Стырне устаревшую информацию о деятельности МИ-6, которую чекисты уже знали, или все придумывал. Отвечая, к примеру, на вопрос о новом главе МИ-6, Рейли назвал его вице-адмиралом Гейгутом, в то время как британскую разведку возглавлял тогда вице-адмирал Синклер.

4 ноября руководство ГПУ пришло к выводу, что из этого заключенного больше ничего не выжать. О бесперспективности дальнейшей ра-

боты доложили Сталину, который с самого начала был в курсе того, что происходит с узником камеры 73. Иосиф Виссарионович лично распорядился расстрелять упрямого подданного британской короны.

Советский вождь не без оснований полагал, что чем дольше Сидней Рейли будет находиться в тюрьме, тем вероятнее возможность того, что об этом узнают на Западе. Это грозило Москве дипломатическим скандалом и многочисленными интригами и заговорами, которые несомненно начнут плести МИ-6 и другие западные спецслужбы с целью освобождения ценного агента.

«Убрать» Рейли было решено на прогулке. Каждый вечер с наступлением темноты его переодевали в форму сотрудника ГПУ и вывозили гулять в Сокольники.

Переодеваясь 5 ноября 1925 года в камеру в форму чекиста, Сидней Рейли едва ли догадывался, что эта прогулка окажется для него последней. В машине в тот вечер, кроме шофера и заключенного, находились трое сотрудников ГПУ: Ибрагим Абисалов, Григорий Федулеев и Григорий Сыроежкин. Перед выездом с Лубянки они договорились убить Рейли в кустах на узкой Богородской дороге сразу за прудом. Водитель остановился в нужном месте, все вышли размять ноги. Когда британский шпион отошел от машины на 30—40 шагов, Абисалов выстрелил ему в спину. Затем его перевернули на спину и добились выстрелом в грудь. Труп отвезли в медсанчасть Лубянки и сфотографировали. А револьвер, из которого был убит король шпионов, Ибрагим Абисалов подарил Борису Гуддю, хранившему его, как реликвию, до 1937 года...

P.S. По злой иронии судьбы, большинство участников операции «Трест» сами позже погибли в стенах ГПУ. Повезло лишь Гуддю и Абисалову. Их просто уволили из «органов». □

ПАРИЖ ДАКАР

умершее

ралли

В этом году в Лиссабоне произошло поистине беспрецедентное событие: всего за день до старта, впервые за свою 30-летнюю историю, был отменен ралли-рейд «Париж—Дакар». Причинами отмены названы убийство четверых французских туристов на севере Мавритании, по территории которой проходят восемь

из пятнадцати этапов «Дакара», и «прямые угрозы» участникам соревнования со стороны исламских террористических организаций. Организаторы ралли-рейда посчитали, что не смогут обеспечить всем участникам, журналистам и местным жителям должную безопасность. При этом за несколько дней до отмены «Дакара» все было иначе — гонщиков уверяли, что им ничего не грозит, и марафон будет проходить как обычно, то есть как проходит уже на протяжении многих лет...

Эта первая в истории супер-марафонская гонка стартовала в 1978 году. Участвовать в «добровольной пытке» можно было на любом авто: легковом, грузовом, мотоцикле, квадроцикле. Девиз марафона: «Поединок — для участников. Мечта — для зрителей»

В первом «Дакаре» стартовали 182 экипажа, финишировали 74. Каждый год число участников увеличивалось. По их мнению, самым притягательным в «Париже—Дакаре» являлись реальные и ненадуманные трудности, которые приходится преодолевать

Эта первая в истории супермарафонская гонка стартовала в 1978 году. Маршрут авторалли «Париж—Дакар» пролегал из Франции через Испанию, Марокко, Мавританию, Мали, Буркина-Фасо, Западную Сахару. Причем участвовать в «добровольной попытке» можно было на любом авто: легковом, грузовом, мотоцикле, квадроцикле. Длина трассы, проходящей через саванны и горные перевалы, пустыни и джунгли, составляет примерно десять тысяч километров. Девиз марафона: «По-единок — для участников. Мечта — для зрителей». В первом «Дакаре» стартовали 182 экипажа, финишировали 74. Каждый год число участников ралли увеличивалось. Самым притягательным в «Париже—Дакаре», по их мнению, являлись реальные и ненадуманные трудности, которые приходится преодолевать.

В 1995 году на серийной дизельной «Toyota Land Cruiser», переоборудованной под раллийную в Париже, «Дакар» проехал известный российский бизнесмен и сенатор Сергей Лисовский. Он добрался до финиша 11-м в своем классе. Успех Лисовского стал главной сенсацией гонки. Дебютировав в ралли, он, единственный из россиян, добрался до финиша. Успех Сергея разделил его штурман Василий Крутин. «Почему я решился на это? Захотелось понастоящему испытать себя, узнать, какой может быть иная жизнь. Московская суэта затягивает, а успехи в бизнесе могут создать иллюзию исключительности и непогрешимости, — сказал тогда Лисовский и добавил: — Рейд — это как бы маленькая жизнь внутри большой, жизнь, в которой начинаешь действительно понимать ценность каждой минуты. Психологическое напряжение в этой гонке даже тяжелее выдержат, чем физическое. Ну, а финиш очередного этапа — большой праздник».

Что же все-таки послужило причиной отмены этой популярнейшей гонки? Терроризм? И только? Сомнения почему-то возникают не только

у фанатов ралли и любителей этого вида спорта, но и у владельцев автомобилей, которые уже привыкли отслеживать по телевизорам все перипетии автомарафона. Именно с этой темы и начался наш разговор с сенатором Сергеем Лисовским, а заодно мы попросили его вспомнить, какой была гонка тогда, в 1995-м...

ЧТОБ НЕ БЫЛО СЛЕДОВ, ПОВСЮДУ ПОДМЕЛИ

— На «Дакаре» всегда гибли люди. Кроме того, экипажи воровали, потом отпускали за выкуп, но об этом старались не писать, умалчивали. Во время гонки, в которой я принимал участие, этого не было, но после — и я это знаю — такое происходило почти каждый год. Африка, по которой проходит трасса, а в особенности Мавритания, Западная Сахара, — территории нестабильные. Они всегда были опасными. Но, говоря о причинах отмены гонки в этом году, нужно учитывать политический аспект. Я так считаю. Во-первых, международный терроризм, хотя сейчас иногда получается так, что больший вред приносит не терроризм, а так называемая борьба с терроризмом. Достаточно вспомнить проблемы в аэропортах, ужесточение визовых дел... И про «Дакар» теперь будут говорить — «борьба с международным терроризмом». И во-вторых, «Дакар» — это большие деньги, очень большие. Привлечение огромного количества СМИ. То есть гонки — серьезный инструмент инвестиций в регионы. Ведь известно — машины, не выигрывающие на ралли, всегда выпадают из активного потребления. Кроме того, «Дакар» реально для многих, даже в бытовом плане, является гарантом качества автомобиля. И этот момент, — то есть конкуренцию стран, — тоже нужно учитывать. Могу сказать как очевидец: ни одна американская машина не прошла «Дакар». Американские джипы там

просто разваливались. Еле-еле проползали «хамеры». Не проходили, а именно проползали. И то их перелезали в ходе гонки. Знаменитый «гелендваген» развалился на моих глазах, как карточный домик. Ни один из них, хваленых, не прошел трассу полностью. Когда мы проходили девятый этап, Сахару, «мерседес» привез два «гелендвагена». Такие красавцы в никеле. Мы стояли и смотрели на них с... неудовольствием. Они — такие красивые. А мы — такие уставшие и грязные. Ну, что тут объяснять? Ладно, стартуем. Первый джип мы нашли в ста километрах от места старта. Вернее, не джип, а длинную дорожку из запчастей от машины. Едем дальше. Видим огромную яму. В ней — второй джип. Как он туда попал — неизвестно. И как его доставать — тоже неизвестно. Разве что краном. Но на краю ямы мы постояли. Посочувствовали. С удовольствием.

Короче, наверняка многие силы были заинтересованы в том, чтобы «Дакар» в этом году не состоялся. А может быть, и вообще исчез в том виде, в котором он существует. Жаль. Гонка — очень серьезная и для машин, и для пилотов, и для технического персонала. Многие профессиональные гонщики сходятся в том, что «Дакар» — отдельная история. И даже отдельный сюжет этой отдельной истории. «Дакар» — это по-настоящему.

В КАБИНЕ — ТЬМА, НАПАРНИК ТРЕТИЙ ЧАС МОЛЧИТ...

— Вася Крутин стал моим штурманом только потому, что был моим хорошим другом. Так вдвоем мы и прошли с ним весь маршрут. Конфликты были, не без этого. Был, например, случай, когда мы ехали по пустыне, и то ли он ошибся, то ли я, но, слово за слово, и вдруг я останавливаю машину и говорю: «Все, выходи отсюда». И он выходит. Я проезжаю метров двести, потом сдаю назад

и мирно уже: «Ладно, садись, давай». А он: «Нет! Езжай!» А вокруг — пустыня на сотни километров. Куда езжай? Чего езжай? Вокруг — пустыня. И больше ничего. И такое было. Потом вместе смеялись. Еще помню, был тяжелый двенадцатый этап, когда мы полностью разбили передок. Темнота. Горит одна лампочка от подфарника. И так — семь часов движения почти вслепую.

Когда про «Дакар» говорят, что это гонка, скорость, — да. Но прежде всего — это тяжелейший физический труд

Вася сдал — он просто извинился и отключился. Я его понимал и не говорил ему ни слова. Мы были в дороге двадцать два часа сорок минут. А если бы настучало двадцать три часа, нас сняли бы с гонки. Таковы правила. Но повезло. Мы успели доехать до нужного места. Вообще, штурман и пилот — одно целое. И это не слова. По-другому — никак. Мы с «крутым» Крутиным и были одним целым. Может, потому и прошли до конца.

А однажды в болото упали. Едем, впереди — обрывчик, внизу — речка, вроде бы горная. Дальше опять идет возвышенность. В таких ситуациях лучше всего выйти из машины и все пощупать, как говорится, руками. А мы решили времени не терять и разогнались, чтобы перепрыгнуть этот обрывчик. Думали, он полметра, а оказалось — полтора. Короче, прыгаем и... попадаем в настоящее болото. По брюхо сели в жижу. Еще чуть пронеслись по инер-

ции и встали. Точнее, влипли. К тому же зацепили термитник, и, когда начали выбираться из машины, эти гады нас облепили. А термита убить невозможно. Ты по нему лупишь со всей силы, а он в кожу вдавливается и не погибает. Его только разорвать можно. И вот мы с Васей в полной темноте, в болоте, в борьбе с термитами. Кадр, достойный любого фильма ужасов или, наоборот, хорошей кинокомедии. И тут еще «мицубиси» несется. Грузовик. Не-

мецкая команда. И метрах в трех от нас в ту же грязь — шмяк! В итоге, голые немцы вокруг забегали. К счастью, у них оказалась бензопила, и они тут же начали лес валить под колеса. Нужно отдать им должное — первыми они нас вытащили. Мы хотели остаться, им помочь, а они говорят: «Нет, ребята, езжайте. Вы идете в зачете, а мы — вне зачета. Сами справимся». Одним словом, немцы показали себя с самой лучшей стороны.

Наша команда оказалась очень сплоченной и удачливой. Единственная команда, которая не потеряла за время гонки ни одной машины. Дошли все

НАМАТЫВАЮ МИЛИ НА КАРДАН...

— Красота в Африке — необыкновенная. Помню, вошли в Сахару, море песка и вдруг — оазис. Как в сказке. Или во сне. Метров пятьдесят в ширину. Пальмы, цветы. Я говорю: «Вась, давай остановимся и пообедаем. Когда еще мы с тобой в центре Сахары сможем пообедать?». Вася сглотнул слюну, и я выключил двигатель. Потом, правда, пожалели. Потеряли время и ночью попали в пылевую пустыню. Пылевая пустыня — это песок-пудра. Метр толщиной. Вообще ничего не видно. Щетки работают, пыль сметают и все равно — ни зги. В лучшем случае, видимость на метр, два. Так и ехали вслепую. Знали только направление.

АЗАРТ МЕНЯ ПЬЯНИТ, НО, КАК НИ ГОВОРИ, Я ТОРМОЖУ НА СКОЛЬЗКИХ ПОВОРОТАХ...

— Мы с Васей друг друга поддерживали. Без психологической совме-

стимости преодолевать все эти километры нереально. И было много физической работы. Мы с ним научились менять колесо за сорок пять секунд, как мячики их кидали, а это дорогого стоит. Колеса тяжелые — специальная резина и диски специальные, усиленные. Такая нарабаталась слаженность. Научились и по дюнам прыгать. Вылетаешь на гребень склона, и нужно притормозить, чтобы середина машины оказалась за краем дюны. Зависаешь, балансируешь и аккуратно опускаешься на склон дюны — а она очень отвесная. Потом по склону — и в самый последний момент — по газам, чтобы выскочить на следующий склон. За мешкаешься — закопаешься. Вот так и прыгали. Часто в темноте. А как-то упали и не смогли выбраться. Вася наверх побежал, чтобы поставить лопату — ведь другие несутся и тебя не видят. Но лопата-лопатой, а машины все равно несутся и вокруг нас падают. Представь, когда в двадцати метрах от тебя падает грузовик. А ты в это время должен быстро откопать машину, положить трапики из углепластика, разогнаться, по-

том заскочить в салон и — дальше. Иногда откапывали себя раз по пять за этап. Творческая работа, должен заметить!

И Я СЖИМАЮ РУЛЬ ДО СУДОРОГ В КИСТЯХ...

— Физические нагрузки — огромные. И когда про «Дакар» говорят, что это гонка, скорость, — да, конечно, но прежде всего — это тяжелейший физический труд. Если бы Вася не был таким же выносливым и жилистым, как я, то мы бы просто не выдержали. Сломались бы однозначно. Помню, перевер-

нулись с дюны, висим вниз головой и тихо переругиваемся. Потом отстегнулись, упали на крышу, выбрались и стали переворачивать машину. Это только кажется, что машину легко перевернуть. Не просто это...

МЕНЯ ВЕДЬ НЕ РУБЛИ НА ГОНКУ ЗАВЕЛИ — МЕНЯ ПРОСИЛИ: «МИГ НЕ ПРОВОРОНЬ ТЫ...»

— Мало кто видел фиолетовый песок... □

Беседовал Андрей КУЧЕРОВ.

Теперь будут говорить: «Дакар» — это «борьба с международным терроризмом», к тому же «Дакар» — это большие деньги, очень большие

Любовь РУСЕВА

ВЕЛИКИЙ

ВОЛЬНОДУМЕЦ

В РЯСЕ

«Отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество».

(Г.-Ю. Клапрот)

«Как бы то ни было, а потомство будет благодарно этому иноку: он трудился не для себя, но для пользы Отечества».

(Н. Щукин)

— Китайские женщины красивы? — выразил сомнение Тимковский.

— Вы судите о них по картинкам на чайных ящиках, — рассердился Бичурин. — Это такие красавицы и такого приятного обхождения, что подобных не найти в Европе!

— Отец Иакинф, я все-таки год прожил в Пекине и не встретил там ни одного мало-мальски приятного личика...

— Да что с вами толковать! — раздраженно прервал собеседника монах. — Вы — настоящий европеец и вздор городите европейский. А, черт! — прибавил он, махнул рукой, закурил сигару и надолго замолчал.

Для отца Иакинфа сравнение с европейцами было наивысшим осуждением, высшая же похвала из его уст звучала так:

— Прекрасно, прекрасно! Лучше нельзя рассудить! Это совершенно согласно с мнением китайцев. Да! Вы

судите верно, у вас такой же здравый взгляд, как и у азиата!

Никита Яковлевич, долго проживший в Китае, питал особую страсть к этой стране и ко всему китайскому. Даже свое лицо и бородку он «как-то ухитрился подделать под китайский лад».

— Отче Иакинфе, брось свою китайщину! — крикнул от калитки Ушаков. — Идем гулять!

Собравшиеся на прогулку дачники-соседи прислушались.

— Молчит, — вздохнул Евгений Иванович и во главе отдыхающих двинулся по направлению к лесу.

Все прекрасно знали, что если Бичурин сел за стол, то Боже упаси оторвать его от работы. Гром и молнии обрушивались на любого, кто посмел войти в кабинет. Другое дело — праздники. В такие дни с восходом солнца ученый монах вместе с Ушаковым отправлялся по ягоды и грибы.

Отец Иакинф с удовольствием жил летом в Муринах, что в 15 верстах от Петербурга. Да и как не любить этот прелестный лесистый уголок, где жизнь отличалась необыкновенной простотой и дешевизной. В жаркие дни можно освежиться в водах Охты, полюбоваться ее извилистыми красивыми берегами. Дачников хоть и много, но в селе царил тишина. Что еще нужно ученому и писателю, фанатично преданному своему делу?

Порой, правда, и здесь случались переполохи. Сегодня, к примеру, Мурин взбудоражил слух о приезде великой княгини Марии Николаевны. С утра к двухэтажному старому дому графа Воронцова, возвышавшемуся на живописном берегу, пронеслось несколько придворных экипажей с поклажей и прислужгой. Крестьяне, дачники, няньки с детьми, деревенская детвора — все бросились к графскому дому в ожидании царских гостей. Только Бичурину неведомо, что ожидается важнейшее событие местного масштаба. Закончив очередной грандиозный труд, ученый после обеда расположился на балконе пить чай да заодно почитать газету. Надя, в надежде, что дедушка

скоро обратит на нее внимание, пригостилась на ступеньках и тут увидела незнакомого военного, подходившего к калитке.

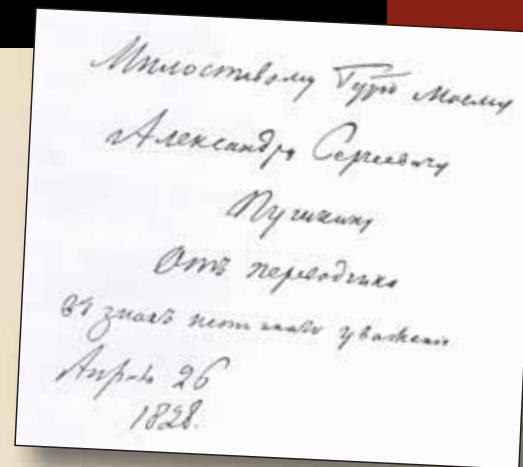
— Мое почтение, отец Иакинф.

Бичурин поднял голову, отбросил газету и поспешил навстречу гостю.

— Ах, ваше высочество! Никак не ожидал, — радостно воскликнул он, пожимая протянутую руку.

— Я вот узнал, что вы здесь проводите лето. Пришел вас навестить и побеседовать с вами, — объяснил

Никита Яковлевич Бичурин, долго проживший в Китае, питал особую страсть к этой стране и ко всему китайскому. Даже свое лицо и бородку он «как-то ухитрился подделать под китайский лад»

Автограф Н.Я. Бичурина на книге «Описание Тибета», подаренной автором А.С. Пушкину

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Издаека

A Mr Trévintz de Paris
Le 12 Juin 1740

Monsieur

Vous voudrez bien m'excuser de ce que j'ai tardé
à répondre à vos deux lettres. Mon âge joint au dis-
sant fait que je suis souvent malade de manière que je
peux plus de deux mois je n'ai pas quitté ma chambre.
J'aurais pu depuis longtemps vous envoyer quelques
je rends plaines justes à l'exactitude de votre traduction,
surtout dans les endroits les plus difficiles.

Savez-vous pourquoi M. Paulmier s'est trompé en
traduisant du chinois? C'est qu'il a une fautive idée
du mécanisme de cette langue, et qu'il s'efforce de
suppléer à ce qui lui manque de connaissances, au moyen
de ses conjectures.

Veillez agréer, Monsieur, l'assurance de la considé-
ration la plus distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être

Votre très-humble et très-obéissant
Vernant, M. de la Harpe

Письмо
на француз-
ском языке
Н.Я. Бичурина
Ст. Жюльену,
1842 г.

Надежда, сидя на диване, с удовольствием перебирала подарки.

— Дедушка, вы мне обещали, что, когда я вырасту, выпишете мне китайский костюм. Так где же он?

— Теперь в нем нужды не вижу. Ты, Наденька, очень переменялась с тех пор, и, пожалуй, этот наряд будет тебе не к лицу. Ты не похожа больше на китайку, а жаль. Ты была прежде гораздо красивее

принц, поднимаясь по ступенькам. — А это что за очаровательное создание? — поинтересовался он, усаживаясь за стол.

— Внучка моя, Наденька, — нежно погладил по голове девочку старик. — Подь, махонькая, да прикажи подать нам чаю.

— В институт ее, в институт надо.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский приходился Николаю I родным племянником. Его мать — великую княжну Екатерину Павловну — любили в России. Неслучайно высокопоставленные вельможи, недовольные Александром I, не раз намекали на «Екатерину III». В 1808 году (во время свидания императоров) Талейран сделал Александру предложение о браке Екатерины Павловны с Наполеоном, «в видах упрочения союза России с Францией». Великая княжна отказалась от предложения и в следующем году вышла замуж за принца Георгия Ольденбургского, которого вскоре назначили генерал-губернатором Тверской, Новгородской и Ярославской губерний. На этой должности принц многое успел сделать: часто посещал уездные города, где реквизировал присутственные места, учредил там комитеты благоустройства, улучшил административную и судебную части. Но в 1812 году он скончался, а через четыре года последовала за ним и Екатерина Павловна.

Принц Петр унаследовал от своих замечательных родителей все лучшее, он получил блестящее образование, изучал русскую историю, свободно владел всеми европейскими языками, превосходно знал языки — греческий и латинский. Неслучайно, когда Греция получила свободу, в числе кандидатов на ее престол был и даровитый принц, которого император Николай I вызвал на службу в Россию.

Петр Георгиевич стал сенатором, а в двадцать четыре года — членом государственного совета. В 1842 году император назначает любимого племянника председателем департамента гражданских и духовных дел,

а в 1845-м, оценив деятельность племянника, жалует ему титул Императорского Высочества. Александр II вверил кузену управление всеми учреждениями ведомства императрицы Марии.

Его императорское высочество принц Петр Георгиевич скончается 2 мая 1881 года в Петербурге, а спустя восемь лет на Литейном проспекте ему воздвигнут памятник с надписью: «Просвещенному благотворителю». Пока же этот замечательный человек наслаждается долгой беседой с великим ученым Бичуриным. Долго еще основной темой разговоров в Мурине будет визит принца к отцу Иакинфу, что усилило всеобщее к нему уважение. Наденька же стараниями принца была принята в Смольный институт благородных девиц.

Быстро пролетело время, и вот старый монах-ученый, накупив массу подарков, отправился из своей кельи в Александро-Невской лавре поздравлять любимицу-выпускницу с днем рождения.

Надежда, сидя на диване, с удовольствием перебирала подарки.

— Дедушка, вы мне обещали, что, когда я вырасту, выпишете мне китайский костюм. Так где же он?

— Теперь в нем нужды не вижу. Ты, Наденька, очень переменялась с тех пор, и, пожалуй, этот наряд будет тебе не к лицу. Ты не похожа больше на китайку, а жаль. Ты была прежде гораздо красивее.

Девушка бросила взгляд в зеркало, откуда ей лукаво улыбнулось хорошенькое личико. Бичурин ласково смотрел на внучку. Желая ее обнять, он протянул руку. Блеснувшие четки напомнили Надежде еще об одном обещании дедушки, и тоном балованного ребенка она потребовала:

— Ну, так подарите мне четки.

Брови монаха сдвинулись, лицо сделалось серьезным, в раздумье он зашагал по комнате.

— Дедушка, вы же мне их обещали, — не унималась внучка.

Наконец, Бичурин сел рядом, медленно размотал четки и долго смотрел на них.

Монах и член-корреспондент Академии наук, гениальный ученый и чудака, безгранично преданный отечественной науке, Бичурин разделил участь многих выдающихся людей. Его любили и ненавидели, ему пели дифирамбы и обливали грязью

— Раненько еще отдавать их тебе, — наконец, тихо проговорил он. — Глупенькая ты совсем, моя махонькая, разума не нависла еще. Ведь зря будешь их носить.

— Ничего дедушка, дайте. Уверю вас, что буду беречь их и никогда не потеряю.

— Знаю, что будешь беречь, а то бы разве отдал. Нашел бы и так, кому их оставить после смерти... Ну, ладно, — молвил старик после колебаний. — Запомни только, Наденька, что я тебе скажу. Запомни и сбереги их... С той минуты, когда я получил эти четки, я никогда не снимал их, они мне очень дороги. Был у меня друг, в Сибирь сослали его... Он сам делал их, а этот крестик сделан из его собственных оков. Ну, что, поняла теперь, как дороги они мне и как тяжело мне их отдать?

— Ну, так не надо, дедушка, нет, не надо. Я не хочу их больше.

— Может, мне и жить-то осталось недолго... Возьми их, махонькая... Нет, протяни ручку, я сам тебе надену.

Бичурин перекрестился, поцеловал крестик на четках, накинул их на вытянутую ручку и тотчас покинул комнату.

Через несколько недель Надежда посетила келью отца Иакинфа. Он

был болен и сидел в кресле, закутавшись в меховой тулупчик.

— Дедушка, кто был ваш друг, подаривший четки?

Бичурин ответил не сразу.

— Бестужев... — тихо обронил он. — Декабрист.

— Что же это значит, дедушка?

Оказывается, его внучке даже не известно это слово! Бичурин грустно улыбнулся и покачал головой.

— А то значит, махонькая, что толковать-то об этом с тобою не стоит. Не разумеешь ты еще ничего. Поживешь на свете и сама узнаешь, а теперь не для чего тебе и знать. На все ведь — свое время. Вот и мне те-

По доносу Бичурина обвинили в продаже части посольского двора, закладе некоторых оброчных статей, небрежном отношении к церковной утвари, часть которой была также заложена и, наконец, в допущении открытия игорного дома в здании миссии

перь, видно, подходит пора умирать. Так-то, козочка моя, всему на свете — свой черед.

Сделанные из кандалов четки Николай Александрович подарил ученому в 1830 году, когда тот посетил Забайкалье. Тогда же Бестужев написал маслом портрет Бичурина, хранящийся в Кяхтинском музее.

Монах и член-корреспондент Академии наук, архимандрит и узник,

гениальный ученый и чудак, безгранично преданный отечественной науке и носивший китайское платье, Никита Яковлевич Бичурин разделил участь многих выдающихся людей. Его любили и ненавидели, ему пели дифирамбы и обливали грязью. Судьба этого человека, намного опередившего свое время, была трагичной. Как синолог он стал непререкаемым авторитетом в Европе, как человек — был забыт и скончался в одиночестве, запертый в своей келье.

Июньским летним днем с великолепным теплым дождем под звуки музыки беседовали два замечательных человека. Бывший крепостной графа Шереметева, а ныне академик, цензор и известный писатель Александр Васильевич Никитенко с интересом слушал рассказы Егора Федоровича Тимковского — управляющего главным архивом министерства иностранных дел и тоже писателя. Никитенко, который был хорошо знаком с отцом Иакинфом, поинтересовался его «великими пекинскими проказами», за что Бичурин разжаловали из архимандритов в монахи.

— Егор Федорович, вам хорошо известно все, касающееся отца Иакинфа. Скажите мне, точно ли он вел себя в Китае так дурно, как о нем говорят? Ведь про него рассказывают ужасы — что он никогда не служил в церкви, даже распродал церковную утварь, что пил и напропалую гулял с китайянками в неподобающих местах, и прочее.

— Да, все это большею частью справедливо. Он был очень даровитый, умный и даже добрый человек, но страшный эпикуреец и гуляка. Духовное звание было ему противно, да он и попал в него случайно. Он был побочным сыном архиепископа или митрополита Амвросия, который доставил ему звание архимандрита в Иркутске, когда ему было всего двадцать два года. В то время, по интригам графа Головкина, назначенного посланником в Пекин, архимандрит Аполлос был уволен из китайской миссии, и на его место, по ходатайству того же Амвросия, был

определен Иакинф — отсюда-то и начинаются пекинские подвиги последнего.

На Валааме он спал, гулял, попивал. Когда бывало поутру зайдет к нему в келью игумен и станет звать его к заутрене, он обыкновенно отвечал ему: «Отец игумен, идите уж лучше одни в церковь, я более семи лет не имел на себе этого греха». Потом его часто видели прогуливающимся у Симеония в монашеском подряснике, но в круглой шляпе с двумя нимфами под руку. Такой был греховодник этот почтенный отец Иакинф! Когда я жил на даче за Лесным корпусом, он довольно часто и у меня бывал. Там за стаканом пунша он любил рассказывать про разные скандалы пекинские, не скрывая и своего участия в них.

Биограф Бичурина Николай Щукин, лично знавший его, писал: «О. Иакинф был роста выше среднего, сухощав, в лице у него было что-то азиатское: борода — редкая, клином, волосы — темно-русые, глаза — карие, щеки впалые и скулы немного выдававшиеся. Говорил казанским наречием на «о»; характер имел немного вспыльчивый и скрытный. Неприступен был во время занятий: беда тому, кто приходил к нему в то время, когда он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем. Лет 60-ти принял за турецкий язык, но оставил, потому что сперва должно знать разговорный язык, а потом приниматься за письменный. Так, по крайней мере, он говорил. Любил общество и нередко ночи просиживал за картами, единственно потому, что игра занимала его. Долговременное пребывание за границей отучило его от соблюдения монастырских правил, да и монахом сделался он из видов, а не по призванию».

Я где-то читала, что люди охотно верят сплетням только потому, что им лень думать, лень сопоставить факты и рассудить: а могло ли это на самом деле быть? Как в нашем случае можно совместить беспробудно-

го пьяницу и греховодника с «трудоголиком», считавшим беседу убитым временем? Попробуем сопоставить факты, которые, как известно, вещь упрямая.

Никита Яковлевич Бичурин родился 29 августа 1777 года в селе Бичурино Чебоксарского уезда Казанской гу-

Священный Синод, не приняв во внимание заслуги ученого, лишил Иакинфа сана и навечно сослал его под строгий надзор на Валаам

бернии, в семье дьячка. Семилетний мальчик поступил в училище нотного пения в Свяжске, а в 1785 году перешел в Казанскую семинарию, где и получил фамилию Бичурин — по селу, в котором родился. В семинарии, являвшейся важным центром подготовки православных деятелей для обширного района (от Волги до «Азиатского» Востока), Никита пробыл около 15 лет, где изучил не только богословские предметы, но и латинский, греческий и французский языки. На талантливого ученика во время экзаменов обратил внимание митрополит Амвросий Подобедов, возглавлявший Казанскую епархию с 1785 по 1794 год. Этот замечательный церковный деятель пользовался расположением Екатерины Великой.

Митрополит принял участие в судьбе Бичурина, оставил его в семинарии (ставшей академией) преподавать высшее красноречие, а после пострига назначил отца Иакинфа архимандритом Иркутского Вознесенского монастыря и там же определил ректором семинарии. Бичурин был начальником 9-й духовной мис-

сии и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине с 1807 года по 1821 год. 14 лет — срок немалый, можно прославиться сомнительными подвигами. Но, опять же, факты...

Европейцу чрезвычайно сложно дается китайский язык. Большинство ученых учили его «узко» — только лексику, касающуюся их предмета (юриспруденции, медицины и тому подобное). Из русских же миссионеров, проживших там десять лет, поч-

«Отечественные записки» называли Бичурина прямым и единственным источником достоверных сведений о Китае, а «Сын Отечества» справедливо писал о нем как о «почтенном синологе, известном всей ученой Европе и пролившем совершенно новый свет на изучение Китая»

ти никто так и не заговорил по-китайски. Бичурин, по свидетельству его коллег, на следующий же день по прибытии принялся изучать китайский язык (сначала разговорный, а затем письменный). Вернувшись в Россию члены 8-й миссии рассказывали, что за 4 месяца, которые они пробыли вместе с Иакинфом, он выучил и писал около 3 тысяч китайских знаков!

Через четыре года Бичурин говорил, как прирожденный китаец, на южном и северном наречии. Состав-

ленный им словарь за 14 лет достиг объема современных больших словарей, причем за это время он четырежды его собственноручно переписал. За все те же 14 лет Бичурин перевел и написал (или собрал исчерпывающие материалы) все основные труды, которые впоследствии были изданы в России. К тому же ученый прекрасно рисовал. Почти все планы, карты и рисунки, иллюстрирующие его работы, начертаны им самим.

Отец Иакинф первый из русских ученых начал глобальное изучение истории Центральной и Средней Азии, взяв за основу источники на восточных языках. Он одновременно изучал труды и документы по истории, географии, этнографии, медицине и другим областям знаний народов Китая, Маньчжурии, Монголии, Туркестана...

Никита Яковлевич собрал себе богатейшую библиотеку, накупил книги для азиатского департамента, Императорской Публичной библиотеки в Петербурге и для училища азиатских языков в Иркутске. Все эти книги весили 400 пудов и были доставлены в Россию на 15 верблюдах.

Иакинф вел научные изыскания и в пути. Направляясь в Пекин, он начал вести дневник, материалы из которого частично вошли в его «Записки о Монголии». Возвращаясь в Россию, архимандрит обнаружил в Кяхте сенсационную монгольскую надпись, наделавшую много шума в научном мире.

По доносу главы X духовной миссии архимандрита Петра Каменского, вся IX миссия во главе с ее начальником была предана суду. Бичурин обвинили в продаже части посольского двора, закладе некоторых оброчных статей, небрежном отношении к церковной утвари, часть которой была также заложена и, наконец, в допущении открытия игорного дома в здании миссии, отдававшемся в наймы.

Архимандрит мог бы оправдаться тем, что на продажу, заклад и растрату некоторой церковной утвари его вынудили обстоятельства. Но разве

Синоду не было известно, что с 1811 года по 1816 год из России на содержание миссии не было выслано ни копейки, а люди неотступно требовали от него денег хотя бы на пропитание? Разве члены суда не знали, что забыли прислать врача, и многие миссионеры скончались от болезней, а некоторые сошли с ума? Частичная продажа и заклад вещей не спасли положения: люди жили впроголодь, одежда их настолько обветшала, что нищие туземцы выглядели франтами по сравнению с ними. Вот и пришлось всем надеть китайское платье. Где было взять русское?

Иркутский генерал-губернатор подлил масла в огонь. Он донес, что отец Иакинф вел в Пекине развратную жизнь, выходил в публичные места в неприличном виде и одеянии, бывал в театрах, в трактирах и в вольных домах, пьянствовал, и вообще не исполнял своего долга и миссионерских обязанностей. Узнал генерал-губернатор и о том, что Бичурин избил кучера и старуху, которая отказалась «приискать ему девок». От побоев старуха скончалась на третий день.

Правдивы ли были подобные обвинения? Действительно ли Бичурин питал слабость к женскому полу? Что касается этого вопроса — он любил всю жизнь одну-единственную женщину.

Никита Бичурин учился в казанской семинарии вместе с двоюродным братом Александром Корсунским. Мальчики были большими друзьями, оба одногодки, оба прекрасно учились, оба влюбились и ухаживали за одной девушкой. Татьяна Саблукова никому из них не отдавала предпочтения. Окончив гимназию, братья «порешили между собою, чтобы не ссориться и сохранить вечную дружбу — сделать предложение вместе. Тот, кто будет выбран, женится, а другой пойдет в монахи». Счастье улыбнулось Александру. Никите пришлось постричься.

О том, как безумно и трепетно Бичурин любил Татьяну, часто вспоминала ее дочь Софья. Когда же Корсун-

Отец Иакинф — первый из русских ученых, кто начал глобальное изучение истории Центральной и Средней Азии, взяв за основу источники на восточных языках

ский, а затем и его жена скончались, Никита Яковлевич относился к их единственному ребенку, как к собственному, внуку же — Надюшу — он просто боготворил.

Титульный лист книги Н.Я. Бичурина «Описание Тибета»

Могила
Н.Я. Бичурина

Бичурин ни слова не сказал в свое оправдание. И как считают многие современники, именно из-за «гордыни» он был столь строго наказан. Священный Синод, не приняв во внимание заслуги ученого, лишил Иакинфа сана и навечно сослал под строгий надзор на Валаам. Здесь «проказник» продолжал свои переводы и писал оригинальные труды. В тюрьме отец Иакинф закончил перевод двух классических произведений китайской науки (историко-гео-

графических сочинений «Тунцзянь ганму» и «Дайцин и тунчжи»), начатых еще в Пекине.

Вечное заточение закончилось в 1826 году специальным указом вступившего на престол Николая I: «Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту», дабы «мог быть полезен в Государственной коллегии иностранных дел». В таком блестящем знатоке китайского и маньчжурского языков остро нуждалось Министерство иностранных дел. Друзья не только вызволили ученого, но и добились приличного жалования: 1200 рублей в год и 300 рублей на книги и пособия.

«Развратник и пьяница» заперся в келье Александро-Невской лавры, и пошли выходить в свет один за другим его труды. Вот только некоторые из них: «Записки о Монголии», «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана», «Описание Пекина», «История первых четырех ханов из дома Чингисхана», «Историческое обозрение Ойратов или Калмыков», «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Статистическое описание Китайской империи», «Китай в гражданском и нравственном состоянии», «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена»...

В 1828 году Бичурин стал членом-корреспондентом по разряду литературы и древностей Востока. Труды русского ученого переводят на европейские языки, и он не раз удостоивается Демидовской премии.

В промежутках между трудами Бичурин общается с Пушкиным, Крыловым, Краевским, Одоевским, Панаевым... Погодин, вспоминая об известном литературном салоне князя Одоевского, замечал, что здесь «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазками».

Великому русскому поэту великий ученый подарил «Описание Тибета» с надписью «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26 1828 г. Перевод-

чик Иакинф Бичурин» и «Сань-Цзы-Цзин» («Троеслобие». Энциклопедия XII в.) с надписью «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика». Поэт использовал работы монаха в «Истории Пугачева». Александр Сергеевич писал: «Самым достоверным и беспристрастным известием о набегах калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках».

«Отечественные записки» называли Бичурину прямым и единственным источником достоверных сведений о Китае, а «Сын Отечества» справедливо писал о нем как о «почтенном синологе, известном всей ученой Европе, пролившем совершенно новый свет на изучение Китая».

Бичурин мечтал создать в России учебное заведение, которое бы готовило переводчиков китайского языка, столь необходимых для укрепления русско-китайских торговых отношений. В Кяхте он основал училище китайского языка для детей кяхтинских купцов. Написал и издал для него грамматику, которая была удостоена Демидовской премии и переиздавалась четыре раза.

В 1844 году здоровье Бичурина сильно ухудшилось. Незадолго до смерти его посетил один из миссионеров, чиновник Азиатского департамента. Сначала ученый молчал, но «посетитель заговорил с ним по-китайски. Вдруг старец как бы выздоровел, — заблестали глаза, на лице появилась улыбка, ожил язык, — и, безмолвный прежде, говорил беспрерывно на любимом языке своем».

В последние месяцы к больному отцу Иакинфу никого не допускали. Монастырское начальство приставило к нему служащего, который запирали умирающего и уходил. Надежда приезжала, но, безрезультатно прождав у запертой двери, уезжала. Наконец, ей повезло застать неприветливого монаха.

— Махонькая... вспомнила... спасибо... Холодно... чаю... забыли... Обижают... не кормят...

Внучка не нашла ни одной шубы. Пропали часы и все вещи, кроме старой рясы. Отданные ею деньги по-прежнему отныне келью стали топить и кормить больного. Надежда радовалась, что дедушка поправляется, но вскоре тифом заболел ее муж. Боясь заразить Бичурину, она перестала посещать его, но знала от Ушаковых, что дедушку посещает иногда принц Ольденбургский.

11 мая 1853 года в 5 часов утра Никита Яковлевич Бичурин скончался. Надежда и ее мать узнали о смерти отца Иакинфа из газет. Простить-

Судьба этого человека, намного опередившего свое время, была трагична. Как синолог он стал непререкаемым авторитетом в Европе, а как человек — был забыт и скончался в одиночестве, запертый в своей келье

ся с ним они не успели, поскольку монахи поспешили похоронить любимого собрата спозаранку.

— Почему не дали знать о кончине? — возмутилась Софья Александровна. — Все вы и митрополит знаете, что мы — родственники!

— У монашествующей братии земных родных нет, у них только один Отец Небесный.

Отец Иакинф Бичурин упокоился в ограде лавры. На памятнике его по-китайски написано: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими (его) славу историческими трудами». □

ФОТОБИЕННАЛЕ

2008

Анна ШЕРКУНОВА

В Центральном выставочном зале «Манеж» весной открылось седьмое по счету «Фотобиеннале-2008».

Помимо самого Манежа, в рамках фотобиеннале организованы выставки в «Новом Манеже», Московском музее современного искусства, Галерее Искусств Зураба Церетели, Государственном музее архитектуры им. А.В. Щусева, в Фонде культуры «Екатерина», в ГУМе, в художественном центре «АртСтрелка», в выставочном зале «Галерея на Солянке», в Центре современного искусства ВИНЗАВОД и во многих других галереях Москвы.

Программа «Фотобиеннале-2008» формировалась вокруг трех тем: «Свет и цвет», «Изумление, или to be surprise», «Магnum — 60 лет!».

По словам директора Московского дома фотографии и по совместительству идейного вдохновителя и куратора всех фотобиеннале, проходивших в Москве с 1996 года, Ольги Свибловой, тема «Света и цвета» имеет прямое отношение к природе фотографии и ее эволюции. В XIX веке для получения цвета раскрашивали и подкрашивали разными материалами черно-белые отпечатки, в XX, благодаря братьям Люмьер,

тений». В рамках фотобиеннале прошли выставки известных авторов, снимающих в традиции «старой» фотографии: Марио Джакомелли, Эдуарда Буба, Ги Ле Керрека, Ральфа Гибсона, Франциска Гонсалеса, Фернанда Лемуша, Богдана Конопки, Сергея Берменьева, Игоря Аскарлова, Екатерины Голицыной, Андрея Гордасевича и других.

Вторая тема — «Изумление, или to be surprise» — задается вопросом: чем же руководствуется фотограф при выборе того или иного сюжета? Ведь у талантливого художника одинаковых фотографий не бывает, а

появляется первое массовое производство цветных фотографий — автохромов. В XXI веке цифровые камеры значительно облегчили искусство фотографии, тем самым позволив фотографам с помощью компьютерных технологий исправлять свои же ошибки. Ольга Свиблова, к примеру, считает, что «исчезновение классической фотографии, снятой на черно-белую пленку и отпечатанной автором вручную, с точки зрения потерь для искусства фотографии, может привести к еще более трагическим результатам, чем исчезновение редких животных или рас-

манера съемки мастеров фотоискусства различима даже для непрофессионалов. Ольга Свиблова так высказалась на этот счет: «Речь идет о той магической связи, которая возникает между художником и объектом съемки, тем напряжением времени и пространства, которое изумляет сначала фотографа, а потом и нас, зрителей, заставляя остановиться перед снимком, не пробежать, а запомнить, почувствовать и задуматься».

К данной теме относится проект Ханы Яркловой «Big sister», съемка которого проходила в публичном

доме Праги, где в каждой комнате были установлены камеры, и, если клиента это не смущало, у него была возможность оставить свой, пусть и весьма сомнительный, след в истории фотографии, а также показать себя всему миру — ведь шоу «Big sister» круглосуточно транслировалось через интернет. Удивительно, но от желающих «поучаствовать в процессе», как, в общем-то, и посмотреть на это, не было отбоя!

Сама Хана Ярклова не считает, что в ее проекте есть что-то провокационное: «Big sister» — явление, во многом характерное для XXI века: все относительно, и в этом есть свои достоинства и недостатки. Как и многие другие, я испытала на собственном примере, насколько интернет изменил жизнь, поставив перед нами новые вопросы, как он сделал ее одновременно и проще, и сложнее. Реальное расстояние больше не является серьезной проблемой. Отношения между людьми, даже самые интимные, стали проще и оживленнее благодаря моментальной и постоянной виртуальной коммуникации и ощу-

щению близости (иногда обманчивому). Обсуждаются вопросы, связанные с «правдой» и «честностью», хотя порой их с легкостью игнорируют. Виртуальная реальность стала проблемой, соблазном... и альтернативой реальной жизни...»

Цикл «Старшая сестра» будет выпущен в виде отдельного фотоальбома. Эти работы вошли в ряд известных коллекций и музейных экспозиций в разных странах, включая Центр фотографии Уилсона, Музей фотографии Шарлеруа и Музей изящных искусств в Хьюстоне.

Еще один проект, относящийся к теме «Изумление, или to be surprise», выставка «Звездное небо», подготовленная Французским национальным фондом современного искусства и включившая как фотографии звездного неба, сделанные в научных целях, так и чисто художественные произведения фотоискусства.

По словам Ольги Свибловой, эту выставку Московское фотобиеннале ждало 12 лет: «Уже 12 лет Национальный фонд современного искусства представляет нам с первой биеннале какую-нибудь замечательную выставку с удивительной темой. В прошлом году был «Театр моды», в этом Аньес де Гувьон Сен-Сир привезла нам экспозицию «Звездное небо». Несмотря на то, что жизнь сейчас все больше переходит в виртуальный мир, звездное небо остается тем, что нас интригует и восхищает».

О главной идее выставки рассказала ее куратор Аньес де Гувьон Сен-Сир: «У меня было две идеи: мне бы хотелось, чтобы в центре внимания были фотографии так называемой «научной фотографии», которых мы редко видим и о которых редко говорим. Поэтому начало выставки — это выборка фотографий, сделанных с советскими учеными, когда появились первые снимки звездного неба с советских спутников. Интересно, что они, предназначенные сначала для

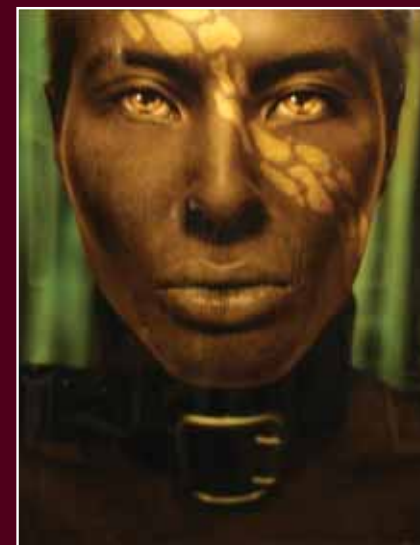
узкого круга специалистов, в конце концов, стали произведениями искусства...»

Экспозиция поистине изумляет и очаровывает, и, если в случае с Ханой Яркловой это изумление приобретает негативный характер, то «Звездное небо», напротив, рождает самые позитивные эмоции. Наверное, в силу своей специфики — ведь все, что связано с космосом, всегда завораживает.

Открытие фестиваля — Петр Ловыгин, представивший на «Фотобиеннале-2008» три проекта. В одном из них — «Такеши Китано и другие иконы», изображенные на иконах наши современники (Гагарин, Елизавета II, Мэрилин Монро, мажорант-клоун, Саддам Хусейн) выглядят, как обычные люди с улицы. Возможно, это оттого, что Ловыгин при помощи компьютера сделал маски известных личностей и нарядил в них людей. «Простые движения» и «Jamaica» полгода назад выставлялись в Петербурге, но не в полном объеме, на фотобиеннале же автор представил полную версию этих проектов, посвященных вечной теме любви.

И, наконец, заключительная тема «Фотобиеннале-2008» — «Магnum — 60 лет!». Фотографы «Магnum» регулярно приезжают на фотобиеннале с 1996 года, то есть с начала работы выставки. Фотографии Анри-Картье Брессона были главным катализатором самой идеи создания Международного месяца фотографии в Москве. «Фотобиеннале-2008» представило выставки Гарри Груйера, Георгия Пинхасова, Лиз Сарфати, Алекса Уэбба, Ги Ле Керрека и фильма Мартина Парра.

Почтил своим вниманием фотобиеннале и знаменитый Андреас Гурский, выпускник Дюссельдорфской художественной академии, на сегодняшний день самый дорогой фотограф в мире. Его произведение «99

центров II» было продано на аукционе Sotheby's в 2007 году за 3,3 миллиона долларов. На московской выставке были представлены несколько десятков работ художника. Среди них — «Тур де Франс», «Римини», «Пхеньян III» и другие.

Фестиваль, как обычно, был интерактивен — публика не только могла голосовать с помощью мобильных телефонов за наиболее понравившиеся работы, но и посылать на специальный сайт собственные фотографии, сделанные мобильным телефоном для участия в публичном конкурсе.

«Фотобиеннале-2008» продемонстрировало разнообразные работы как молодых, так и маститых фотографов. Конечно, за месяц невозможно показать все самое интересное, произошедшее с искусством фотографии за последний год, однако старания организаторов принесли свои плоды — фотобиеннале получилось масштабным, зрелищным, а главное, интересным, в зависимости от вкусовых предпочтений любого пришедшего на выставку.

Последняя РОЗА ВЧЕРАШНЕГО

ДНЯ

В историю искусства Тина Модотти вошла не только как модель Диего Риверы, но и как незаурядный мастер художественной фотографии

Выдающийся мексиканский художник Диего Ривера был искренним почитателем и тонким ценителем женской красоты и свое восхищение Женщиной выплескивал и в монументальных росписях, и на небольших полотнах. Женские образы в его произведениях волнующи, притягательны, загадочны, сексуальны...

В конце 1924 года Диего Ривера получил заказ на роспись Национальной школы сельского хозяйства в Чапинго. Школа помещалась в бывшем иезуитском монастыре, и, когда Ривера оказался в старой часовне и прочувствовал ее архитектуру, ему страстно захотелось по-новому расписать

стены, создать нечто, что могло бы сравниться по величию замысла с фресками Микеланджело в Сикстинской капелле или Джотто в капелле Скровеньи. Только, в отличие от старых мастеров, Ривера провозглашал не христианские идеалы, не идеалы Возрождения, а служение революции на благо процветания новой Мексики. Обыгрывая особенности интерьера старой часовни, Диего создает грандиозную картину мира, в которой природа и человек сосуществуют в гармонии, где земля рождает хлеб, а женщина — ребенка, где легко и просто уживаются образы древних культур Мексики и коммунистическая символика. Главной героиней фресок стала его беременная жена Гваделупе Марин. Вот она, в центре композиции «Освобожденная земля», возлежит — олицетворение матери-Родины — с огромным животом, в котором вынашивает новую жизнь, этакая мексиканская богиня плодородия.

Но позже на фресках «Прорастание» и «Созревание» художник изобразил уже совсем другую женщину — тонкую, изящную, очаровательную. Моделью ему послужила приехавшая недавно из Америки Тина Модотти.

В историю искусства Тина Модотти вошла не только как модель Риверы, но и как незаурядный мастер художественной фотографии. Она с удовольствием снимала работы своих друзей-мексиканцев, монументалистов, и именно благодаря ее фотографиям мир узнал о грандиозных росписях Риверы, Ороско, Сикейроса. Судьба этой яркой женщины — поразительна, она заслуживает целого исторического исследования — не даром о Модотти на Западе опубликовано несколько повестей и научных монографий. В России же о ней мало кто знает, и по вполне понятным причинам — ведь ее называли сталинской Матой Хари.

Так кто же она, эта женщина с фресок гениального мексиканца, неистового бунтаря Диего Риверы?

Модель и актриса, богемная красавица, выдающийся фотограф, пре-

данная коммунистическим идеалам фанатичка, тайная агентка, свято служащая сталинскому режиму... В жизни Тины Модотти отразились все иллюзии и противоречия, все беды и невзгоды, которые принес человечеству XX век.

Ассунта Аделаида Луидже Модотти (позже она будет называть себя коротко и просто — «Тина») родилась в 1896 году, в Удине, небольшом городе на севере Италии. Жили здесь, в основном, рабочие, влачившие жалкое, нищенское существование. Модотти, как и другие обитатели этого забытого Богом места, отчаянно нуждались. В семье росло семеро детишек — четыре девочки и три мальчика. Родители — прачка Ассунта и Джузеппе, имевший редкую по тем временам профессию автомеханика, — выбивались из сил, однако денег не хватало даже на самое необходимое. Когда Тине исполнился годик, Джузеппе, не лишенный некоторого авантюризма, унаследованного в будущем и его знаменитой дочерью, решил перебраться с семьей в Австрию — думал, может, там повезет. Однако его надежды не оправдались, и в 1905 году Модотти вернулись в Удине. Тут Джузеппе решается на весьма серьезный шаг — опять уезжает, но теперь — за океан, в Америку. Уезжает один. Вот устроюсь и перевезу тебя с детьми, обещает он растерянной жене.

Тина, которой уже десять, помогает матери — работает на ткацкой фабрике. Двенадцатичасовой рабочий день, мизерная зарплата... В ее детстве не было игр, кукол, книжек, нормальных девичьих радостей — лишь благодарность матери, ведь во многом благодаря Тининым деньгам семейству Модотти удастся хоть как-то сводить концы с концами. Однажды она возвращается домой без своего любимого платка, зато с хлебом, сыром и колбасой. «Шаль мне не нравилась, и я ее продала», — соврала девушка.

К четырнадцати годам она превращается из маленькой девочки в кра-

*Слева —
Тина Модотти.
1920-е годы*

савицу — идеальная фигура, тонкие черты лица, большие выразительные глаза. Уже тогда она сводила мужчин с ума, а в пятнадцать попала в полицию по обвинению в проституции — в католической Италии было запрещено торговать плотской любовью, зато не возбранялось нещадно эксплуатировать детский труд.

Тине, не только красивой, но и умной, живой, сообразительной, трудно в этой затхлои, нищей, ханжеской атмосфере. Она понимает — если останется, жизнь ее будет загублена.

Между тем Джузеппе Модотти, помыкавшийся некоторое время, осел в Сан-Франциско. Город, воспрянув после страшного землетрясения 1905 года, быстро развивался, появлялись рабочие места, а потому сюда устремился мощный поток иммигрантов. И среди них итальянцы занимали не последнее место. Джузеппе, подкопив за четыре года американской жизни небольшую сумму, постепенно перевозит жену и детей к себе. Наконец, приходит очередь Тины, и в 1913 году она прибывает в Америку.

Тине — всего семнадцать, но за ее плечами уже такой опыт, который имеет далеко не у каждого взрослого человека: она сама путешествовала по Европе, сама пересекла океан, проехала почти всю Америку, сама прошла все иммиграционные формальности...

Отец помог дочери устроиться на швейную фабрику. Тина быстро осваивается в этом новом для нее мире, где все возможно, где все зависит только от тебя — от сообразительности, умения трудиться и немножечко — от того, насколько к тебе благоволят фортуна.

Теперь жизнь ее меняется с невероятной быстротой. Не проходит и трех месяцев, как хорошенькая итальянка становится модисткой, а затем и моделью в большом универмаге. Бывшая швея швейной фабрики оказывается в изысканной атмосфере роскошных туалетов, изящных шляпок, дорогих ароматов, в мире холерных дам, чей день начинается в четыре вечера.

Итальянцы, недавно приехавшие из Старого Света и ныне — полноправные американцы, казалось, были полны какой-то невероятной энергией — все, что раньше дремало в них, выплескивалось на Америку мощным потоком. У них теперь было все — огромные семьи, дома, работа. А в Сан-Франциско — даже свой итальянский театр, куда вскоре пригласили и очаровательную Тину — она играла роли латиноамериканок. У Тины появились новые подруги, и одна из них познакомила ее с молодым художником и поэтом, романтиком, жаждавшим обрести славу. Звали этого пока еще никем не признанного гения Робо де Л'Абри Ричи, для друзей — просто Робо. Робо, канадский француз, родом из Орегона, в Сан-Франциско изучал искусство и увлеченно писал нагие женские тела на зеленом фоне.

Увидев темноглазую красавицу Тину, Робо сразу влюбился, да настолько, что предложил ей стать его женой. В 1915 году они начинают жить вместе, и вскоре Тина осознает, что она гораздо взрослее Робо, сохранившего в душе наивность и определенный инфантилизм, и становится для него не только женой, но и заботливой матерью.

Робо ввел Тину в круг сан-францисской богемы, познакомил со своими друзьями — такими же честолюбивыми поэтами и художниками, как он сам. Они оба были так хороши, что однажды кто-то подал мысль — а почему бы им не стать кинозвездами? Идея быстро завладела душами молодых супругов. В этой великой стране — все возможно, они обязательно добьются успеха. И Робо с Тиной рискнули уехать в Лос-Анджелес.

Шел 1918 год, в Европе полыхала война, в России — Гражданская война, но все это было так далеко от Голливуда! Там писали сценарии, снимали фильмы, там рождались звезды...

У Робо и здесь оказались знакомые, и один из них привел Тину к некоему амбициозному режиссеру, искавшему героиню для нового фильма. Тина, у которой, кроме выразительных глаз, прекрасной фигуры, роскошных во-

лос, уже был и некоторый актерский опыт, полученный на сцене сан-францисского итальянского театра, оказалась как раз то, что надо. Ее сразу же пригласили сниматься. Это был фильм «В тигровой шкуре». Затем последовало еще два фильма — «Скачки со смертью» и «Я могу понять».

Тина постепенно приобретала известность, зато у Робо дела шли не лучшим образом. Вдобавок он увлекся Мексикой. О Мексике тогда много говорили. Американские интеллектуалы мечтали посетить эту страну, в которой совсем недавно бушевала революция: армия крестьян-пеонов сбросила диктатуру Порфирио Диаса, а затем и режим генерала Уарты. В Мексике непрерывно шла борьба за власть, росло рабочее движение, и все эти драматические события сопровождались небывалым подъемом искусства. Робо влекли бунтующая, сражающаяся за свободу Мексика, ее древние храмы, от которых, как ему казалось, исходит мистический свет, и в 1922 году он отправляется в страну своей мечты. Он много путешествует, пишет, и его рисунки появляются в американских изданиях. А вскоре он начал готовиться к большой выставке своих работ и работ американских друзей в Мехико. Тина спешит к нему. Но кто мог предполагать, что именно в Мексике, его любимой Мексике, Робо настигнет смерть — в одном из селений он заразился черной оспой и умер. Тина приехала к нему за несколько дней до его смерти и успела с ним проститься. Ее боль усугубляет и то, что вскоре после смерти Робо она теряет и отца. Джузеппе Модотти, этот беспокойный авантюрист, умер в Сан-Франциско, в кругу своего многочисленного семейства, которому он все-таки сумел в Америке создать более-менее достойные условия существования.

Тина возвращается в Лос-Анджелес. Но жизнь продолжается, и рядом с ней появляется другой мужчина, совсем не похожий на мечтателя и романтика Робо. Эдвард Уэстон — так зовут нового друга Тины — познакомился с ней в одной из голливуд-

В жизни Тины Модотти отразились все иллюзии и противоречия, все беды и невзгоды, которые принес человечеству XX век

*Диего Ривера.
Автопортрет*

ских студий, в 1921 году, когда Робо был еще жив. Уэстон — уже известный фотограф-экспериментатор. Ему — тридцать семь, у него — жена, четверо детей и фотостудия, где он делает портреты и всячески экспериментирует, используя возможности фотографии. Его статьи с удовольствием печатают в фотожурналах, его знают и за пределами страны.

Уэстон — типичный представитель калифорнийской богемы, он — доста-

точно циничен, и супружеские рамки отнюдь не ограничивают его свободу. Ему очень нравится эта темноглазая итальянка с совершенными формами, он хочет снимать ее — снимать обнаженной. И Тина соглашается. Фотосессии, как и следует ожидать, заканчиваются пылким сексом. По-немногу они влюбляются друг в друга. Более того, Тина влюбляется не только в Эдварда, но и в его дело, фотографию, и усердно учится у своего любовника.

Еще в Италии она видела, как получается это маленькое чудо — фотография. У ее дяди Пьетро Модотти была небольшая фотостудия, и Тина, допущенная в святая святых — темную комнату, обожала смотреть, как на фотопластинке после определенных манипуляций проступает изображение. Это было настоящее волшебство!

Позже, когда Тина уже жила в Америке, она захаживала в студию, которую, по примеру Пьетро, ее отец открыл в Сан-Франциско. Но тогда это было просто интересно, забавно, а теперь, с Уэстоном, Тина почувствовала, что фотография дает возможность выразить себя, свое отношение к миру и может стать делом всей жизни. «От твоих последних фотографий захватывает дух! Это потрясло меня до такой степени, что мне стало даже жалко себя», — писала она Уэстону.

Хотя Уэстон и любил наслаждаться всеми прелестями бытия, но главное для него — это искусство, фотография. Ему казалось, что он ведет слишком спокойную жизнь, не способствующую творчеству, и хотелось новых, острых впечатлений. И Тина, которой передалось увлечение Робо Мексикой, уговорила Уэстона поехать в эту латиноамериканскую страну. Она готова быть его ассистентом и менеджером, а он будет оплачивать ее услуги уроками фотографии. И вот в 1923 году они приезжают в Мехико и начинают работать. Позже критики будут говорить, что Уэстону, как никому другому, удалось почувствовать удивительную красоту Мексики.

Именно в это время Тина формирует свой стиль, свой взгляд и становится настоящим мастером. Они оба полюбили эту страну красных гор, древних пирамид, старинных легенд, страну, где жили сильные, темпераментные и свободолюбивые люди. Полюбили в Мехико и их. В доме Тины и Эдварда стали собираться местные художники и литераторы. Среди них — толстяк Диего Ривера, худощавый Давид Сикейрос, Хосе Клементе Ороско. Молодые, дерзкие, в разной степени успешные, но все полные творческой энергии, они обсуждали новые тенденции в искусстве, спорили до хрипоты о новых книгах и картинах, говорили о том, что происходит в мире и в стране, и, конечно же, пили, ели, танцевали и пели, заводили романы.

На одной из таких вечеринок Диего Ривера встретил юную Фриду Кало.

«Однажды на вечеринке у Тины Диего выстрелил в граммофон и очень заинтересовал меня, несмотря на то, что я его побаивалась», — вспоминала Фрида в 1954 году. Пистолет был не только у Диего, у многих приятелей Тины в кармане, как правило, лежала эта «игрушка», и они с удовольствием порой постреливали куда придется — например, в уличные фонари, или, как Ривера, в граммофон. Вот такие друзья появились в Мехико у Тины.

Эдвард и Тина — пока вместе, но постепенно возникает нечто, что начало их разделять. Мехико для Уэстона — приключение, открытие новых творческих возможностей, новых тем для фотографий. Он приехал сюда на время, четко зная, что обязательно вернется в Сан-Франциско. У Тины же — все по-другому. Америка никогда не была ее домом. Дом она нашла тут, в Мехико. Среди новых мексиканских друзей, среди этого чистого, наивного народа, живущего в страшной нищете — нужда, убожество, бедность, которые она видела вокруг себя, всколыхнули ей душу. Она с горечью и возмущением снимает на пленку картины жизни, которые видит вокруг себя. В 1923 году она впервые участвует в рабочей демонстрации, вступает

*Диего Ривера.
«Песнь о земле
и о тех, кто
ее возделывает
и освобождает».
Фреска*

Под влиянием друзей, художников-коммунистов, эта типичная представительница американской богемы, голливудская актриса, томная красавица с бархатными глазами, любящая изысканные туалеты, превращается в настоящую революционерку

Первая выставка работ Тины, состоявшаяся в Мексике

в Антиимпериалистическую лигу. И хотя Уэстон призывает ее не идеализировать мексиканских индейцев и местных рабочих, она все больше и больше проникается их бедами, их желанием хоть что-то изменить в своей стране.

Кроме того, очаровательная Тина, которая словно излучает женственность и сексуальность, пользуется большим успехом у своих новых друзей. Вот и Диего Ривера, чувствительный к женской красоте, становится ее очередной жертвой, у них начинается бурный роман. Появление рос-

кошного обнаженного тела Тины на его фресках для Государственной сельскохозяйственной школы в Чапинго служит одной из причин развода Диего и его тогдашней жены Лупе. Лупе, сжав зубы, терпела многочисленные измены мужа, но делить восторги зрителей его фресок с какой-то другой женщиной! Это уже слишком. Лупе подала на развод, и вскоре супруги развелись.

Подобные истории не могли не раздражать Уэстона — он полагал, что законы свободной любви существуют только для него. В 1926 году, закончив серию снимков, которые он вместе с Тиной делал для книги их приятельницы, писательницы Аниты Бреннер, он уезжает из Мексики.

Тина остается одна. Она — абсолютно свободна. И ее жизнь делает новый поворот. Под влиянием друзей, художников-коммунистов, эта типичная представительница американской богемы, голливудская актриса, томная красавица с бархатными глазами, любящая изысканные туалеты, превращается в революционерку. Она перестает носить чулки, надевает крестьянские башмаки. Теперь на ней — строгая черная юбка и белая блуза, которую украшает брошь в виде серпа и молота. Не стесняясь косых взглядов, она курит вместе со своими приятелями на улицах, более того — иногда даже посещает единственный в Мехико мужской клуб «Эль Лирико», где показывают стриптиз! В 1927 году Тина вступает в Коммунистическую партию Мексики.

В это время в жизнь Тины входит новая любовь — Хулио Антонио Мелья. Известный деятель студенческого движения, один из лидеров кубинских коммунистов, «первый апостол социализма на Кубе», как его называл Фидель Кастро, бежал в 1926 году в Мексику, поскольку на родине ему грозил очередной арест.

Тина познакомилась с ним в редакции «Эль Мачете» и сразу подпала под обаяние его личности — красив, молод, пылок, умен, беспредельно предан революции... А он — он влюбился в нее, как мальчишка. Его ничто

не смущало — ни то, что она старше, ни то, что о ней говорят, ни ее обнаженное тело на фресках Риверы, ни слухи о ее многочисленных любовниках. Они — вместе, они любят друг друга, и они счастливы. Время с Мелья было лучшим в жизни Тины. Он стал ее настоящей большой любовью.

Но долгого счастья судьба ей не уготовила — 10 января 1929 года, когда они шли по одной из улиц Мехико, Мелья был застрелен наемным убийцей у нее на глазах. Последними словами Хулио стали: «Я умираю за революцию». Ему было всего 26 лет!

Тина раздавлена горем, а тут еще мексиканская пресса обвиняет ее в причастности к убийству, поскольку она знакома с неким Витторио Видали. Про этого человека, циничного авантюриста, способного на любую жестокость во имя высоких целей, ходили темные слухи — говорили, что он свободно ездит в Россию, что вхож в кабинеты Лубянки, что владеет методами черной магии. Полиция полагала, что он замешан в убийстве Мелья, и некие основания у нее были. Дело в том, что Видали давно и безнадежно любил красавицу Тину, и ревность вполне могла стать поводом для убийства. Только благодаря Диего Ривере дело было прекращено.

У Тины же не осталось ничего. Со многими прежними друзьями отношения испорчены — одни отвернулись от нее после убийства Мелья, с другими она поссорилась сама. Так, например, Ривере не могла простить, что он выполняет государственные заказы, а Ороско — то, что он содержит ночной клуб. И не зря Риверу выгнали из партии!

В декабре 1929 года в университете Мехико открылась первая персональная выставка Тины, которую организовали друзья-коммунисты. Им хотелось поддержать ее, ну, и, конечно же, ее работы заслуживали внимания публики. Пройдет лишь один год, и Тина забудет о том, что такое камера.

5 февраля 1930 года на президента Мексики было совершено покушение, и загадочная красавица-итальянка вновь попала под подозрение

Эдвард Уэстон

полиции. Тине приходится покинуть страну — ее депортировали. Видали тоже уезжает из Мексики, чтобы затем встретиться с Тиной на пути в Европу. С тех пор Тина была обречена жить в зловещей тени этого человека.

Она поехала в Москву, и тут фотография совсем ушла из ее жизни — фиксировать на пленку реальность, которая теперь ее окружала, не хотелось, а может, и не разрешалось.

Начинался последний период ее жизни, который некоторые биографы Тины называют «медленным самоубийством». Она пережила настоящую драму — сначала отказавшись от творчества, а потом — разочаровавшись в том, во что верила так свято, так искренне.

Видали познакомил Тину с приятельницей Коллонтай Еленой Стасовой, руководившей учреждением под названием Международная организация помощи борцам революции, МОПРом. Это была своеобразная организация — под прикрытием благотворительной помощи деятелям рабочего и коммунистического движения тут работали агенты сталинских спецслужб, занимавшиеся распространением коммунистическо-

го влияния и финансированием зарубежных компартий. Елена Стасова, женщина аскетического склада, безраздельно преданная Ленину и его делу, твердой рукой руководила своими подчиненными. Стасовой Тина очень понравилась, и она взяла ее на работу в свою контору. Видали рекомендовал Тину для всяческих секретных поручений — Тина знала несколько языков, а, кроме того, могла менять свой образ до неузнаваемости. И вот бывшая модель и голливудская актриса, красавица, фотохудожница, совсем недавно — подруга циника Эдварда Уэстона и мексиканских монументалистов, любителей обнаженной природы, превращается в этакую Мату Хари. Теперь она — специалист по подрывной работе за рубежами большевистской России. «Я стала другим человеком...» Для конспирации, говорит ей Видали, им следует пожениться. Что же делать? Она его не любит, да и никогда не любила, но партийная дисциплина — выше всего!

В МОПРе ей выдали советский паспорт. Теперь она — Тина Иосифовна Контрерас — ее отца Джузеппе превратили в Иосифа, а Контрерас — одна из многочисленных фамилий Видали. Зарплату ей выдавали тоже в МОПРе, причем она была по тем временам немаленькая — 140 рублей.

Тина начала ездить по Европе — передавала деньги то одной, то другой дружественной компартии, работала переводчиком и постепенно стала важным сотрудником МОПРа.

Но ей трудно, душно в Москве, где аресты становились все чаще, где набирала обороты машина сталинских репрессий, поэтому она с радостью поехала вместе с Видали — конечно же, по поручению МОПРа — в Испанию, где уже началась война. Испанские республиканцы знали Тину под именем Мария. Она работала в госпиталях, организовывала помощь раненым, трудилась вместе с солдатами Красного креста. И покинула Испанию вместе с последними защитниками республики. Сталина информировали, что агенты Коминтерна и МОПРа

не всегда оставались верны идеям коммунизма, более того, их часто перевербовывали, и он принял решение расформировать МОПР. Большинство московских коллег Тины с ужасом прислушивались по вечерам к шагам у своих дверей. Большой террор 1936—1937-х... Стасова, искреннее полюбившая Тину, передала ей, чтобы та ни в коем случае не возвращалась в Москву. Но оставаться в Европе тоже было опасно — у Сталина — везде свои люди. В США Тину не пустили, поэтому не оставалось ничего другого, как ехать в Мехико.

В 1939 году она приезжает в город, где была счастлива, где любила и была любима. Приезжает с фальшивым паспортом — ведь в свое время ее выслали из Мексики. Видали — тоже тут, и когда в 1940 году убивают Троцкого, на него вновь падают, и весьма основательные, подозрения. Тина, кажется, полностью порвала со своим мужем. После всех ее опасных приключений, после всех потерь и разочарований ей хочется спокойной жизни в стране, где она чувствовала себя, как дома. Она словно затаилась — никто точно не знает, на какие деньги она жила, чем занималась.

Вернувшись в Мексику, Тина ни разу не взяла в руки камеру. Что это было? Страх? А может, стыд? С камерой в руках она всегда была честна, свободна, открыта. Но она выгнала все это из своей жизни, из своего сердца. А без любви, свободы, без честности нет и искусства. В одном из писем Уэстону она сказала: «Я вложила слишком много искусства в свою жизнь, но, к сожалению, в ней осталось слишком мало того, что я могла бы отдать искусству».

Тина прожила еще два года, а потом ее не стало — она умерла 5 января 1942 года, при странных, загадочных обстоятельствах. Возвращалась вечером от знакомых, села в такси, попросила отвезти ее домой, а когда машина остановилась, Тина была мертва. Официальная причина смерти — сердечный приступ. Но говорили, что и тут замешан Видали — уж слишком многое Тина о нем знала,

и он всегда боялся, что наступит день, когда она решит поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями... Как-то она сказала одному из своих друзей: «Он — убийца. Он втравил меня в чудовищные преступления. Я ненавижу его. Однако должен быть с ним до последнего дня».

У ее могилы Пабло Неруда прочитал стихи, посвященные ее памяти: «...свои лепестки распускает роза / Последняя роза вчерашнего дня, новая роза». Потом эти стихи были выбиты на ее надгробье. Тине Модотти было всего сорок шесть лет, когда ее не стало.

Диего Ривера, запечатлевший облик очаровательной Тины на великолепных росписях, скончался в 1957 году, в своем любимом Мехико, окруженный любовью и почитанием сограждан. Ее подруга, жена Риверы Фрида Кало, умерла тремя годами раньше, в 1954 году. А вот злой гений Тины Витторио Видали пережил всех героев этой истории: он ушел в мир иной в 1983 году, ушел уважаемым человеком — был мэром крупного итальянского города Триеста в возрасте 83 лет.

В последнее время имя Тины Модотти все чаще появляется в газетах и журналах. Проходят выставки ее работ, на аукционах ее фотографии продаются за десятки тысяч долларов, публикуются книги воспоминаний, подробные биографии. Вспомнили о ней и в мире кино — другая знаменитая итальянка, Мадонна, захотела воплотить на экране образ своей соотечественницы. Тина Модотти становится легендой...

Не забывают и о Диего Ривере, — по-прежнему хороши его грандиозные фрески, по-прежнему его работы продаются на аукционах по бешеным ценам. А совсем недавно мы видели главных героев нашего рассказа — и обаятельного и гениального толстяка Диего, и Тину, и Фриду, и революционную Мексику начала XX века — в голливудском фильме «Фрида». □

Судьба этой яркой женщины — поразительна. На Западе о ней опубликовано несколько повестей и научных монографий. А в России Тину мало кто знает, и по вполне понятным причинам — не даром ее называли сталинской Матой Хари

АЛЛА ПУГАЧЕВА «Приглашение на закат»

Год выхода: **2008**
Жанр: **поп-музыка**

Страна: **Россия**
Лейбл: **Альфа рекордз**

Настоящие события в музыке — редкость. Но, говоря о примадоне и о ее новой работе, язык не поворачивается назвать это иначе. Огромное количество поклонников по всей стране с нетерпением ждали нового материала кумира. Тем не менее прослушивание не выявило ничего принципиально отличного от предыдущего альбома. Певица достигла апогея, и расти ей уже некуда — она настоящий профессионал, хорошо знающий свое дело. Промахи невозможны. Все выполнено в традиционном, ровном стиле. Эстрадная музыка, только немного осовремененная. Заглавной композицией выбрана «Опять метель», исполненная дуэтом с Кристиной Орбакайте. Релиз по достоинству оценят все, кто помнит и любит...

ROYAL HUNT «Collision Course... Paradox 2»

Год выхода: **2008**
Жанр: **neoclassical
Metal**

Страна: **Дания**
Лейбл: **CD-Maximum (в РФ)**

На просторах музыкального бизнеса встречаются и настоящие жемчужины. Как правило, к ним относятся сочинители своего, либо продолжатели идей великих мастеров неустаревающего прошлого. В данном случае — нечто среднее. Коллектив явно выделяется на фоне собратьев по сцене. За более чем 15-летнюю историю группа всегда узнавалась с «полноты» по голосу солиста, характерному звуку. Перед нами — долгожданная новая работа, задуманная как стилистическое продолжение сильного альбома 1997 года «Paradox». Частенько подобные мероприятия ни к чему хорошему не приводят, ибо тяжело повторить успех прошлого. Но, несмотря на нового солиста Марка Боалса (Mark Boals, экс Yngwie Malmsteen и Ring Of Fire), слушатель получает все тот же классический Royal Hunt, наполненный виртуозными клавишными пассажами, интересными композиционными находками и незабываемыми соло-партиями. Работа вышла на редкость добротной и заслуживающей внимания всех ценителей хорошей музыки. Желая послушать и посмотреть интервью с лидером группы Андре Андерсеном придется раскошелиться на digibook (полное издание).

P.S. Смена парня у микрофона отразилась на музыке минимально, и общей картины не портит.

MOBY «Last Night»

Год выхода: **2008**
Жанр: **electronic**

Страна: **США**
Лейбл: **Mute**

Электронная музыка заполонила огромное музыкальное пространство. Теперь это неотъемлемая часть современного «искусства». Moby же, на фоне собратьев по бизнесу, всегда выделялся оригинальными находками. Его альбомы разнообразны по духу, настроению, стилю. Музыкант постоянно экспериментирует, стремится придумывать что-то свое. Не идеально, зато он узнаваем. Новый диск по изначальной задумке носит ностальгический характер по дискотекам начала 1990-х. Автор попытался в час с небольшим уместить всю нью-йоркскую ночь. С первых секунд слушателя поглощает давно забытый драйв, смена настроений, ритмов, направлений, дух дружной тусовки того времени. Новый альбом не разочарует ценителей современных музыкальных стилей, оригинальных новинок и электроники.

IRONWARE «Break Out»

Год выхода: **2003**
Жанр: **мелодичное
железо**

Страна: **Швеция**
Лейбл: **CD-Maximum (в РФ)**

Прослушивая релиз, ничему не удивляешься. Но раз за продюсирование взялся титан датской рок-сцены Энди ЛаРок (Andy LaRoque) из King Diamond и Mercyful Fate, выходит, ребята не так просты, как показались на первый взгляд. Дебютная же работа традиционно призвана привлечь внимание слушателей, и, порой, отличается от демо-записи лишь отличным качеством звука и исполнения. Владение инструментами, вокал — на хорошем профессиональном уровне, не притерешься. Не то, что в далеком прошлом, когда у старых рокеров в распоряжении находилось ощутимо худшее оборудование. Технический прогресс неминуемо захлестывает и музыкальную сферу, что очевидно даже по данной работе. В музыке парней прослеживается тяготение к столпам хэви Iron Maiden и Helloween, местами со стилистической калькой. Тексты выдержаны в стандартной для направления фэнтезийно-философско-мистической тематике. Отличный релиз, но полностью вторичный. Послушать можно, а лучше подождать второй альбом, в надежде на прогресс.

ЧЕЛОВЕК →

СУЩНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ

Сергей
КАЛЕНИКИН

До настоящего времени в науке нет конкретного определения информации, хотя версий — предостаточно. Наиболее распространённым является толкование, данное ещё во второй половине прошлого столетия американским кибернетиком Н. Винером: «Информация есть информация, а не материя и не энергия». Сегодня — иные времена, иные акценты и иные понятия. Но вот с одним никак не поспоришь: Информация — вездесуща, она насквозь пронизывает своими иглами Вселенную. Информацией заполнены тела живых организмов, она же определяет их взаимоотношения с окружающими предметами и другими живыми существами. Информация — это особый мир, своя мера отношений, событий, предметов и живых существ,

составляющая сферу идеальных явлений природы и общества. И она же — носитель своего поля, представляющая объективную материальную сущность. Многие учёные считают, что космическая информация, являясь фундаментальной первоосновой и всеобщим свойством Вселенной, явилась «первичным планом» формирования жизни на Земле... Ещё Аристотель утверждал: сами по себе материя и энергия могут рассматриваться как сущности Бытия лишь в возможности. Только тогда, когда материя и энергия соединяются с формой, происходит переход бытия в действительность. Такой формой Бытия и является информация

НАЧАЛО НАЧАЛ

Наша голубая Планета — не карибский тайник. Всё — как на ладони: Земля преимущественно состоит из железа, кислорода, кремния и магния. И тут же очевиден дефицит всех биологически важных лёгких элементов. К тому же — поразительная «нехватка» редких, благородных газов, подобных гелию и неону. В целом, наша Планета выглядит весьма блёклой, бесплодной леди, бесперспективной для зарождения какой-либо жизни вообще. Но она ведь случилась! И расцвела всеми цветами. Если угодно: мы — космический артефакт! Но вопросы остались. Что вызвало перво-

Информация — это особый вид, своя мера отношений, событий, предметов и живых существ. Она же — носитель своего поля, представляющая объективную материальную сущность

начальное нарушение равновесного состояния исходной среды и, следовательно, способствовало возникновению жизни? Какие причины позволили этому неравновесию сохраниться, распространиться в пространстве и передаваться во времени?

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Смена представлений

Мнений о возникновении жизни на нашей Планете, мягко выражаясь, выше крыши. Одна из гипотез до сих пор голосит во все голоса — о привнесении жизни на Землю небесными телами — кометами, астероидами. Научная гипотеза, и ничего более. Никаких прямых доказательств существования жизни в ближайшем Космосе нет. Пока во всех найденных в самых высоких Небесах объектах органические соединения глухо молчат о какой-либо жизни. Это — не более чем продукты химических реакций, идущих в пространстве под влиянием энергии космических излучений.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез Него начало быть... И Слово стало плотью»... Так, по мнению основателя отечественной академии Информатизации, доктора физико-математических наук Ивана Юзвизина, в Священном Писании утверждается «всемогущее информационное единство Вселенной в образе ее творца Бога-информации».

Быть может, сказано несколько заумно, но как бы там ни было, а Мироздание сформировалось из какого-то Первого Начала, объединяющего информационную грань и ее материальные носители.

ДА, ДА И ЕЩЁ РАЗ — ДА!

В мировой науке имелось предостаточно попыток «скорректировать» познание тайн Природы.

В своей книге «Воспоминания» академик А.Д. Сахаров замечает: «С многоликими моделями связана ещё одна интригующая воображение возможность, вернее, мечта. Может быть, высокоорганизованный разум, развивающийся миллиарды миллиардов лет в течение цикла, находит способ передать в закодированном виде какую-то самую ценную часть имеющейся у него информации своим наследникам в следующем цикле, отделенных от данного цикла во времени периодом сверх-

плотного состояния?.. Эта возможность, конечно, совершенно фантастична, и я не решался писать о ней в научных статьях, но на страницах этой книги дал себе волю».

Речь идёт об информационном поле. При определённых условиях для некоторых учёных открываются своего рода космические каналы, которые помогают им решить ту или иную задачу.

— То есть вам открывается тот канал, который ваше сознание «связывает» с Банком данных, — поясняет российский физик-теоретик, один из разработчиков новой теории физического вакуума, директор Международного центра Физики Вакуума Геннадий Шипов. — Я имею в виду тонкоматериальный мир, первичное поле, где хранится информация буквально обо всём. И это — опять-таки некий Божественный план, или, как часто нынче утверждается, информационное поле. Его можно назвать и Святым Духом.

Это некое сверхсознание, как бы часть Божественного присутствия. Первое, что создает Абсолютное Ничто, — Банк данных, где сосредоточены все законы, отношения, нормы, направления, что известно заранее и предназначено на все времена. В силу тех или иных причин человеческое сознание, преодолевая какие-то барьеры, прорывается к Банку данных и — напрямую — получает знания, информацию, важнейшие для человеческого Бытия сведения. Скажем, всем известно, что Ампер и Фарадей не получили специального образования, Вольт учился в школе иезуитского ордена, Джоуль был пивоваром, Коперник, Гельмгольц и Майер — врачами, Авогадро, Лавуазье, Ферма, Хаббл — юристами...

— А вы, Геннадий Иванович, выходили на связь — контакт с Банком данных?

— Думаю, да. Я находился в состоянии эйфории. Это нечто неземное. Несколько лет назад английский физик-теоретик Роберт Пенроуз опубликовал книгу «Новое мышление Всевышнего». В этом труде он проанализировал, откуда появляется но-

вое знание. Данный анализ он провёл с позиций строгой современной математики и физики. Вывод, сделанный им, был совершенно невероятен для такого человека, как он. Пенроуз отметил: «Мы можем понять доказательства теорем и законов, но мы можем понять, откуда берётся новое знание — сами теоремы и законы, только в том случае, если предположим, что есть банк данных, где собраны все сведения в полном объёме и обо всём. И остаётся только непонятным, как — откуда — каким образом это знание попадает в головы учёных».

Я думаю, что любой эзотерик мог бы объяснить, в результате чего это получается. Если какой-то учёный пришёл к какой-то мысли, это значит, что ему было позволено получить это знание. И если какие-то научные знания испытывают затруднения в своем появлении, это означает — либо сейчас не будет возможности это понять, либо это знание для человечества преждевременно. Пенроуз как раз и говорит, что открытия не делаются логическим путём. Напротив, шаг открытия — нелогичен. Только после того, как сделан переход на новый уровень сознания, идут процессы, позволяющие установить связь нового уровня со старым.

Таким образом, мы получили совершенно новую картину Мира, которая, заметьте, имеет восемь уровней реальности. Со школьной скамьи нам говорилось: структура Мира состоит из элементарных частиц, газов, жидкостей и твёрдых тел. Но эти четыре уровня лишь образуют грубый материальный мир, изучением которого и занята современная физика. Но вот выяснилось: есть и другие уровни. Пятый — первичные торсионные поля с весьма необычными свойствами. Они появляются во всех точках Вселенной и мгновенно накрывают её всю разом — для них нет понятия распространения или скорости. Далее идут ещё три уровня — вакуумный, уровень первичного вакуума и Абсолютного Ничто, или — Абсолютное Всё, что я отношу к миру Высшей реальности.

В целом, наша Планета выглядит весьма блёклой, бесплодной леди, бесперспективной для зарождения какой-либо жизни. Но она ведь случилась! И расцвела всеми цветами. Если угодно: мы — космический артефакт!

Все уровни, о которых я говорил, неустойчивы. Они возникают и исчезают из того, что я назвал вакуумом или первичным вакуумом. Если рассматривать уровни Мира Высшей Реальности, то самый стабильный, наиболее устойчивый из них — Абсолютное Ничто, или Абсолютное Всё — Верховная сила, порождающая планы вакуумов. Иначе говоря — основа основ реальности! И без каких-либо натяжек Абсолютному Ничто можно придать статус Творца или Создателя, ибо с него всё начинается.

По мнению Геннадия Шипова, вакуум не является мёртвой областью. Он — живой, всё время — в действии: из него рождаются частицы. Вакуум напоминает что-то вроде пены кипящего бульона. Вакуумный бульон — своего рода информационная матрица, в которой идут процессы рождения и уничтожения материи.

Возможно, информационное пространство сформировалось в вакууме, являющемся материальным уже в силу своей однородности, единства, длительности и других свойств. Но как в вакууме появился некий первичный зачаток — вектор, исходное начало, именуемое учёными Первич-

ным информационным алгоритмом, в чём изначально было заложено всё многообразие и все противоречия будущей жизни?

Для самой жизни необходим толчок, который мог бы дать первичному белку свойства, отсутствующие у неорганической материи. Тогда и может свершиться качественный скачок от неживого к живому. От бытия к бытию...

ТРИЕДИНСТВО БЫТИЯ

— Материальные структуры, включая и биологические, за миллиарды лет прошли явный путь эволюции от праатома водорода до трансурановых элементов таблицы Менделеева, от разреженного в космических безднах вещества до скоплений галактик и сверхгалактик и, наконец, от живой

переходе от традиционной двуединой картины мира (материя и дух) к триединству нашего Бытия (материя, дух и информация). При этом информация возводится в ранг базовой сущности Мира.

Для иллюстрации сказанного приведу пару фактов, которые легко увязываются в логику И.О. Возьмём разительное несоответствие между информационной ёмкостью отдельной живой клетки и упорно приписываемой ей биофизиками способностью быть своеобразной голограммой всего организма. То есть хранить в себе всю гигантскую информацию о данной особи, включая, например, такую сверхсложную структуру, как мозг человека. На самом же деле «информационный портрет» некогда возникшего генотипа сохраняется уже вечно в Информационном отображении и тиражируется затем с его помощью поистине с фантастической точностью.

Это означает, что при передаче из поколения в поколение строжайшей генетической инструкции не происходит накопления ошибок, абсолютно неизбежных при индивидуальном копировании мириадом генетических матриц. Похоже, всё же существует единая матрица, действующая во все времена и повсеместно. Находясь в ИО, она служит не только вечным хранителем генотипа, но и гарантом его бесконечного тиражирования в благоприятных условиях. Все земные формы жизни произошли из общей праклетки. И во всем необозримом живом царстве действует единый генетический код.

Одна из загадок естествознания — явление асимметрии и преобладания «правого» над «левым» (или наоборот). Это относится как к неживой, так и к живой природе. Теперь можно объяснить всё это с единой позиции просто как чистую случайность, закреплённую и тиражированную затем посредством ИО.

Особую группу явлений составляют примеры экстрасенсорного контакта — безошибочная диагностика по фотографии не только живых, но и умерших. По-видимому, экстрасенсы способны вступать в прямой

контакт с персональными ИО других людей.

Уже доказано: информация, однажды воспринятая белковой молекулой, не может уже ее покинуть. Больше скажу: учёные утверждают — живая клетка, родившаяся когда-то во Вселенной, автоматически тиражируется затем повсюду, где есть соответствующие условия, не считаясь с расстоянием и временем.

Какова бы ни была ведущая причина образования жизни на Земле, но информационные процессы оказались тесно связанными со всеми её материальными и энергетическими процессами. Я знаю многих учёных, утверждающих, что Информация породила и нашу Планету. То есть «засланная» нам космическая программа заявила о себе в качестве «первичного плана» формирования Земли и последующей на ней жизни...

МЫ — ПРИШЕЛЬЦЫ?

То, что Homo sapiens — существо на двух ногах, уже никто не оспаривает. Все прочие определения семейства Людей — крайне противоречивы. Человек — не только сложное, интеллектное явление, но и некое особое существо на Земле.

Ни один вид животного мира почему-то не смог генетически, информационно перестроиться за столь короткий срок, какой понадобился человеку, чтобы изменить свой образ жизни. Почему наш организм работает именно так? Каким образом извилистый путь эволюции привёл к появлению Homo sapiens? Как возникли язык, письмо, разум, который, по утверждению многих учёных, — в прямой связи с космическими процессами?

И что поразительно: уже при своём дебюте наш вид поделился на расы! Парадоксально, но факт: негроид, монголоид и европоид, при всех их значительных антропологических различиях, являют собой единый генотип!

Как объяснить, что все расы нового вида sapiens практически одновременно появляются на трёх материках?

Всё говорит о том, что Африка, Азия и Европа подверглись подлинному нашествию уже поделённого на расы «современного человека»!

Выходит, всё это как-то или кем-то управлялось? Ну, не сама же по себе вдруг, словно по мановению волшебной палочки, возникла информационная колыбель Жизни!

И ПОСЛЕ СМЕРТИ — ЖИЗНЬ, НО ИНФОРМАЦИОННАЯ

— Информация — идеальная грань действительности, — говорит директор Института нормальной физиологии, академик РАМН Константин Судаков. — По этим вопросам в отечественной научной литературе появлялись лишь редкие публикации. Вопросы информационных отношений в живых организмах и их взаимодействия с явлениями окружающей среды — общества было «поручено» изучать психофизиологии. Изучайте. Но всё это делается не очень складно — так себе. Прямо скажу: информационные процессы в живых организмах длительное время оставались в тени или полностью игнорировались.

Этот негативизм, полагаю, связан и с тем, что информационные процессы в значительной степени отражают идеальную сущность объектов неживой и живой природы. Во времена безраздельного господства в физиологии и психологии материалистических тенденций эти явления полностью исключались из сферы научных исследований. А ведь ещё Аристотель полагал: сами по себе материя и энергия могут рассматриваться как сущности Бытия лишь в возможности. Только тогда, когда материя и энергия соединяются с формой, происходит переход Бытия в действительность. Такой формой Бытия и является информация.

Заглянем в себя — в информационные дела, происходящие в нашем организме. Человеческое тело состоит из известного количества атомов,

В силу тех или иных причин, человеческое сознание, преодолевая какие-то барьеры, прорывается к Банку данных и — напрямую — получает информацию, важнейшие для человеческого Бытия сведения

клетки до сложнейших организмов, включая человека, — говорит доктор технических наук Аскольд Силин.

Вопрос: почему происходит подобное усложнение материи, и способно ли оно возникать естественно, то есть без вмешательства Божества? Можно поставить вопрос и по-другому: служит ли производителем всей мировой информации сама материя?

Информация, как думается, обязана сохраняться вечно, независимо от разрушения, уничтожения или смерти её материального прототипа. Но где и как? Дадим пока лишь самый общий ответ: в ИО — информационном отображении, присущем любой реалии. Так мы делаем следующий принципиальный шаг при

число которых достигает порядка 10²⁷. Перейдя на язык образной логики, скажем так: некоторые из них, скорее всего, возникли ещё в глубине звёзд (вероятно, вновь будут сиять в их сияниях). В сосудах человека циркулируют жидкости, подобные водам первичного океана, давшего начало Жизни. Ткани, органы человека и функции его мозга в своём развитии до и после рождения индивида повторяют его освобождение из животного царства, совершают «восхождение» до человека и затем продолжают своё совершенствование.

И вот ещё что. Оказывается, человек примерно во столько же раз больше атома водорода, во сколько раз Солнце больше человека, то есть человек как бы является средним геометрическим между звездами и атомами, причем это соотношение приблизительно соблюдается как для масс (в граммах), так и для размеров (в сантиметрах).

Если в неорганической среде происходит круговорот веществ и энергий, то в мире живых существ наблюдается ещё и круговорот информации. Так и есть: Жизнь — это непрерывное движение, постоянное самообновление. У здорового человека ежедневно погибает 20 миллиардов эритроцитов, 10 миллиардов тромбоцитов и пять миллиардов лейкоцитов. А костная ткань примерно каждые три года рассасывается и заменяется новой. Даже нейроны за счёт роста отростков или, наоборот, отмирания некоторых из них, постоянно перестраиваются. Различные формы жизнедеятельности направлены на снижение неустойчивости — энтропии.

Деление клеток — пример избавления от молекулярной неустойчивости. Удовлетворение любой потребности тоже направлено на снижение энтропии. К этим же процессам можно отнести информационную игру генетических признаков, при которой рождение мужских и женских особей ведёт к разнообразию индивидов, но это информационное действие направлено не только на размножение, но и на создание — творческую изобретательность в её любых формах.

— Живое и неживое — едино, — поясняет академик К.Судаков. — Общность, единство живой и неживой природы состоит, во-первых, в том, что всё живое и неживое тела образуются из одних и тех же атомов химических элементов. Во-вторых, в живой и неживой природе действует закон сохранения энергии. Неживая природа передает энергию живой природе.

Нередко приходится слышать: за время своей эволюции человек как-то себя растратил — мутирует, деградирует.

— Таких данных нет, — продолжает академик Судаков. — Наоборот, человек как вид прогрессирует в адаптивном развитии. Взять хотя бы наш мозг. Он изменился, и весьма существенно. Изменился не по весу, не по количеству извилин, а по своей химической организации. Молекулярные отношения в мозге современного человека стали иными, чем они были тысячу или тысячи лет назад. А коли отношения химических белковых молекул меняются, то меняются и свойства, пластичность мозга. Поэтому современный человек способен перерабатывать несравнимо большие массивы информации, чем наши далёкие предки. Неандерталец непременно погиб бы в нашем суматошном мире. Причем химическая эволюция мозга продолжается, и, видимо, с причём на будущее. Совершенствование человека происходит и по другой линии — он может хранить всё большие объёмы информации. Нет никаких оснований говорить о деградации человечества.

— А что означает человеческая смерть — с точки зрения информационной?

— Строго по-научному на этот вопрос ответить очень трудно. Моё же частное мнение таково: смерть — переход в другое качественное состояние. Как мне представляется, с биологической смертью конец существования человека не наступает. Видимо, его информационная сущность сохраняется. И чем больше человек вносит позитивного, возвышенного, полезного в информационные сферы, тем сильнее эта часть выраже-

на — тем крепче и отчётливее след человека. Он сохраняется как в памяти людей, в истории человеческого общества, так и, по-видимому, в неуловимой пока информационной организации функциональных систем Космического уровня.

В мозге человека есть аппарат сознания, предвидения оценки результатов деятельности различных функциональных систем. Такой же аппарат должен быть в Больших системах Космического уровня. Если признать наличие такого механизма, то становится очевидным, что информационная деятельность человечества обогащает этот механизм, который, в свою очередь, программирует деятельность человечества и каждого индивида. Вот и получается, что в создании и обогащении этого механизма и заключается сущность человеческого предназначения.

— Выходит, человек и человеческие популяции отражают «закодированные» космические матрицы?

— В какой-то степени, да. Рассуждая о динамических стереотипах, академик Иван Павлов говорил об «отпечатках действительности», то есть в нашем мозге строятся матрицы, определяющие нашу психическую и поведенческую деятельность.

А знаем ли мы, что есть мозг? Да, верно: он заботится о том, чтобы мы чувствовали и двигались, осуществляет внутреннюю регуляцию, обеспечивает продолжение рода и адаптацию.

Английские нейрофизиологи, проанализировав обширные статистические данные, пришли к выводу: с середины XIX до середины XX века средний мозг у людей увеличился. У мужчин он вырос с 1372 до 1424 граммов, а у женщин — с 1242 до 1265 граммов. По этим же данным выявилась и неожиданная особенность — в XIX веке вес мозга у женщин практически не увеличился, а затем очень быстро темпы его роста сравнялись с темпами роста веса мозга у мужчин и составляют примерно 0,6 грамма в год.

Есть научная гипотеза, утверждающая, что мозг человека хранит каждый бит информации не в оди-

ночных, пространственно локализованных ячейках нейронов, а в виде одиночной пространственной волны, заполняющей весь его объём. Именно поэтому повреждение одного или нескольких участков мозга не вызывает полного исчезновения какой-либо функции — особенно восприятия. С позиций голографии любая потребность и сигнализация о ней выступает в качестве опорной волны, а сигнализация об удовлетворении потребности — в качестве предметной волны. Взаимодействие этих волн осуществляется на голографических экранах мозга.

Академик Наталья Бехтерева как-то заметила: «Я сорок лет изучаю мозг, но не могу понять, что это! Человеческий мозг — это 14 миллиардов нейронов — клеток, из которых работают лишь пять-восемь процентов! В моем понимании, мозг человека — некое устройство, настроенное на приём информации...»

...«Для нас, физиологов мозга, никакой сенсации в этом нет, — писал академик П. Анохин. — Мы знаем, что возможности мозга в его молекулярных связях безграничны. Часто говорят: мозг содержит 14 миллиардов клеток. И это широкую публику удивляет. Действительно, клеток много, но это — не диво. Самое важное, что эти 14 миллиардов клеток так построены, что каждая клетка на своей мембране имеет тысячу контактов с другими клетками. И более того, каждый из этой тысячи контактов может отразить еще тысячу разных химических реакций.

Теперь можно представить себе, какое количество возможных пластичных комбинаций может получить мозг при столкновении с внешними условиями, с окружающей средой...»

Представить такое — дело простое. 14 миллиардов клеток построены так, что каждая клетка на своей мембране имеет тысячу контактов с другими клетками. Это уж слишком. Четырнадцать миллиардов нейронов. Теоретически, каждый человек способен хранить в уме сведения, накопленные всем родом людским! Впечатляет! □

К

Дмитрий ШЕВЧЕНКО

УБАНЫ:

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Фото
Владимира
АНОСОВА

Давно замечено: редко кто из приезжих, когда спрашиваешь, с чем у вас ассоциируется тот или иной уголок России, не обнаруживает склонности рассуждать стереотипами — каким-то странным их симбиозом из советских и постсоветских штампов. Краснодарский край — не исключение. Ну, море, ну, житница России, казаки,

безусловно. А с недавних пор — еще «игры, которые мы заслужили вместе с тобой». Все.

Но где же кубанские вина, которые теперь охотно покупают в Европе? Где же воспетый еще в «Мцыри» переднеазиатский леопард, популяцию которого начали восстанавливать в окрестностях Сочи?

Где в сознании россиян затерялся единственный в России высокогорный биосферный Кавказский заповедник, включенный в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, наряду с Гавайскими островами, Ниагарским водопадом и горой Килиманджаро?

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Отечество

Краснодарский край — это край больших интересов и больших возможностей. Край конфликтов и противоречий. Третий по численности населения, после Москвы и Санкт-Петербурга, регион страны, в котором проживают представители более ста национальностей.

Редко где еще на просторах России встретишь расположенные рядом поселения ассирийцев, адыгейские аулы и казачьи станицы. Не везде найдешь деревни старообрядцев, где до сих пор нет телевизоров, и где дома освещает тусклое мерцание керосиновых свечей, притом, что весь этот невероятный аскетизм — в каком-то полчасе езды от морского побережья с шумными набережными и дискотеками.

Так уж сложилось исторически и географически, что после распада Союза у нашей страны осталось не так много «окон в Европу». Петр I, оказавшись он в современной России, немало бы удивился географии отечественного доступа к Атлантическому океану — почти как в его время и даже меньше, если исключить Прибалтику. Чем не ирония судьбы без легкого пара межконтинентальных океанических лайнеров: мечтали некогда о Босфоре с Дарданеллами, но сегодня даже Крым — и тот доступен только по загранпаспорту.

Вполне логично, что на оставшийся у России кусочек Черного моря еще в начале 90-х годов обратились пристальные взоры. В те годы здесь можно было рассмотреть разве что жалкие развалины санаториев и пан-

сионатов, а те, что не развалились, работали, в лучшем случае, по инерции, за счет бросовых профсоюзных путевок. Россияне тогда еще думали, что Анталья — это, должно быть, древнегреческая богиня, и продолжали по привычке ездить в Анапу и Сочи.

Привычка закончилась весьма скоро, и в Краснодарском крае наступил новый этап его развития, на сей раз никак не связанный с курортами и сельским хозяйством. Портовый бизнес, перевалка нефти, химикатов, сталепродукта — всего того непрезентабельного ассортимента, за который можно было получать твердую валюту. В то время, как все остальное дышало на ладан.

С джинном, выпущенным из бутылки, всегда так: никогда не загонишь обратно. Вот и транспортники с портовиками, смекнувшие, что гонять через Краснодарский край на экспорт сырье и полуфабрикаты куда выгоднее, чем через Украину, пришли в регион, похоже, всерьез и надолго. С конца 90-х началась реализация на шумевших проектов — Каспийского трубопроводного консорциума с перекачкой каспийской нефти в Новороссийск, «Голубого потока» с прокладкой по дну Черного моря газопровода в Турцию. Тогда же заложили первый камень порта по перевалке нефтехимии в Порт-Кавказе, на берегу Керченского пролива, где в прошлом году произошла целая серия беспрецедентных кораблекрушений с весьма плачевными для окружающей среды и местного населения последствиями.

Но в те дни о последствиях думать как-то было не принято. Какие там последствия, когда вокруг такая вольница!

Сочи! Бывшая всесоюзная здравница сегодня купается в иных лучах славы. Сегодня мало кто вспоминает, что когда-то принимать мацестинские сероводородные ванны приезжали люди из многих стран мира. Зато маячит Олимпиада-2014. Такое впечатление, что вокруг этой перспективы сегодня вертится вся жизнь кубанцев, будь они хоть высокими чиновниками,

хоть простыми крестьянами. В общественном транспорте приходится слышать: «Молодежь, уступите место старикам! У нас скоро Олимпиада будет, а вы такие невоспитанные...».

В местечке Мысхако, под Новороссийском, заложили виноградники лучших в мире сортов. Чубуки самолетами завозили из Испании, Франции и Италии. Для чего? Чтобы к 2014 году получить первые партии элитных красных вин. Кубанские сыроделы первыми в Росии стали осваивать производство сыров с плесенью — хотят стать официальными поставщиками Олимпиады. Любой уголок Кубани хочет отщипнуть от «праздника жизни» свой кусочек: где-то заявляют, что освоят новейшие строительные технологии, «чтобы принимать участие в возведении в Сочи спортивных объектов», где-то, как в случае с сыроделами, намере-

ваются наладить с олимпийским городом постоянные торговые отношения, где-то надеются на новые дороги и газопроводы.

Вообще, как сказал один высокопоставленный федеральный чиновник, это очень по-русски: в стране, семьдесят процентов которой занимает вечная мерзлота, проводить зимнюю Олимпиаду в субтропиках. Красная Поляна — небольшой горный поселок, в котором предполагается разместить большую часть спортивных сооружений для зимних видов спорта, — место удивительное. Оно такое же противоречивое, как и сама жизнь на Кубани. В огородах местных жителей растут пальмы и созревает киви, а на окрестных горах зимой лежат пятиметровые сугробы. С горнолыжными трассами и элитными отелями соседствуют заповедные уголки, где до сих пор можно встретить стада кавказских зубров, горных козлов-туров, увидеть рысь и медведя.

Здесь же, в районе Красной Поляны, собираются построить первый в мире питомник по разведению и ак-

климатизации в местных условиях леопардов. Этого красивого зверя даже хотят сделать символом Олимпиады-2014.

Задумка такая: отловить в Иране и Туркмении нескольких самцов и самок, получить от них потомство и выпускать молодых леопардов по мере взросления в естественную природную среду. Вольеры займут огромную площадь — такую, чтобы нарождающемуся молодняку хватило для комфортного овладения охотничьими навыками (для чего в вольеры предполагается запускать подсадных животных). В общем, автор «Мицыри» был бы, наверное, в восторге.

Еще нужен повод для восторга? Пожалуйста: в прошлом году почти каждый тринадцатый россиянин предпочел отдых на Черноморском побережье Краснодарского края. Отчасти благодаря той же Олимпиаде: как только стало известно, что Сочи избран местом проведения игр, многие предпочли съездить туда, пока цены на отдых в «летней столице» не взлетели до небес.

Да, отдых у Черного моря сегодня не самое дешевое удовольствие — прошли времена профсоюзов и льготных путевок. Зато и развалин на побережье уже почти нигде не найти. Много изменилось. Сегодня вся прибрежная полоса — одна большая стройка-перестройка. Как грибы после дождя, растут диковинные гольф-поля, все чаще мелькают непривычные для русского глаза вывески «SPA-hotel».

И вот что отраднее: соотечественникам с каждым годом все больше предлагается пассивный отдых. Все меньше людей, приезжающих в Краснодарский край на отдых, хотят посвятить все дни драгоценного отдыха лежанию на пляже. Теперь россиянам подавай экзотику, развлечения с приключениями. Кстати, именно за этим, а отнюдь не за гамаком, едут на заморские курорты наши соотечественники. Рынок курортных услуг отреагировал на такие запросы соответствующими предложениями.

Интересуетесь военной историей? Пожалуйста, к вашим услугам — реконструированный подземный ко-

мандный пункт под Новороссийском, известный тем, что там во время боев за Малую землю располагался политотдел Леонида Брежнева. За него, при желании, можно поднять чарку-другую элитного вина — бункер давно приспособила для своих нужд одна известная агрофирма.

Желаете побывать в роли Жака Ива Кусто? К вашим услугам — десяток разновидностей подводных экскурсий. Хотите прочувствовать сельскую экзотику — пакуйте чемоданы и мчитесь в этнографическую деревню, где живут старообрядцы. И не приведи вас Бог взять с собой спиртное или сигареты! Это вам не политотдел Леонида Ильича. Лучше приготовьтесь к тому, что неделю или даже больше вам придется жить в весьма аскетических условиях, ухаживать за скотиной и огородом, а при необходимости, — и поститься.

Одним словом, пришло время ломать стереотипы и расширять горизонты, даже если они — в границах своей же собственной страны. И почему бы не начать с берегов Кубани? □

Максим
СЕВРЮКОВ-
КИСТЕРЕВ

СЕМЬ

СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ

Вы любите полежать на диване, сытно поесть и злитесь, когда жена переключает с футбола на очередной сериал? Соседа просто на дух не переносите: и как ему удастся покупать уже второй «лексус» на скромную зарплату преподавателя? Или, может, считаете себя самым умным, красивым, сильным и смелым?.. Вас можно поздравить — ведь несколько веков назад за подобные мысли колесовали, вешали, бросали в кипящее масло и даже разрывали на части. А в приговоре Святой Инквизиции значилось: «Совершил смертный грех»

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Свобода от известного

Отправной точкой философии «смертного греха» стал IV век. Именно тогда монах Эвагрий Понтийский изложил «Учение о восьми греховных помыслах».

Он начал с того, что разделил все помыслы на два вида: простые и греховные. Превращение в последние происходит тогда, когда на мысль «наслаивается» страсть. Это, по мнению Эвагрия, возводит между Богом и Человеком непреодолимое препятствие. Нечестивые помыслы затмевают движение по пути веры и ведут к гибели души.

Монах полагал, что существуют восемь основных грехов: Чревоугодие, Блуд, Сребролюбие, Печаль, Гнев, Уныние, Тщеславие и Гордость. Борьбась с ними Эвагрий предлагал при помощи воспитания в себе бесстрастия. На этом пути, судя по всему, сам монах достиг не слишком впечат-

ляющих результатов. По свидетельству современников, Эвагрий был очень горд. После смерти его прокляли и признали еретиком — за приверженность неофициальным учениям.

Казалось, «учение о восьми греховных помыслах» кануло в лету. Но не тут-то было. В VI веке папа Григорий Великий на основе размышлений Эвагрия составил собственный список, почти не отличающийся от оригинала. Лишь «печаль» была заменена на «зависть», а «тщеславие» понтифик объединил с «гордостью». В результате, получилось семь «смертных грехов».

Почему именно эта цифра? Ответ, вероятно, стоит искать в глубокой древности. Например, египтяне считали семерку символом вечной жизни, числом бога Осириса. В Древней Греции именно в седьмой день месяца родился Аполлон. В мифах и ле-

Слева:

Иероним Босх.

«Семь смертных грехов»

Фрагмент:

«Наказание семи смертных грехов»

Внизу:

Питер

Брейгель.

«Семь смертных грехов»

Иероним Босх.
 Стол со сценами, изображающими семь смертных грехов и «четыре последние вещи» (Смерть, Страшный суд, Ад и Рай)

гендах можно найти семь Гесперид, семь врат, семь циклопов и семь залов, через которые нужно пройти мертвому, чтобы обрести покой. Семь — число таинственное, оно является самым важным в магии. Говорят, седьмой сын седьмого отца непременно будет обладать сверхъестественными способностями.

Эта цифра есть и в Библии. Достаточно вспомнить, что Бог шесть дней творил Мир, а на седьмой — отдыхал. В христианстве существуют Семь Таинств и семь даров Святого Духа. Согласно «Апокалипсису», человечество ожидают семь чаш гнева Божьего, которые прольют на Землю опять же семь ангелов...

Впрочем, некоторые ученые предполагают, что причина популярности этого числа кроется в нашей генетической памяти. На начальном этапе эволюции Солнечной системы интервалы между максимальной активностью звезды были кратны семи годам. Именно эта информация была заложена в человеческих генах, что и сказалось впоследствии на стремлении все сводить к семерке.

Неудивительно, что и «смертных грехов» стало семь.

Наибольшее распространение концепция «семигреховности» получила после трудов Фомы Аквинского, в XIII веке. Примерно в то же время папой Иннокентием III был

создан особый церковный суд — «Инквизиция». Основной задачей этой организации было определение, является ли обвиняемый виновным в ереси, то есть в сознательном уклонении от догматов веры и искажении религиозного учения. В дальнейшем функции Инквизиции существенно расширились. Ее члены прославились тем, что умело выводили на чистую воду колдунов, ведьм и прочую «бесовщину».

В конце XVI века семь смертных грехов решено было распределить между главными демонами Ада — Архидьяволами. Люциферу, посмевшему когда-то бросить вызов Богу, отдали во власть Гордыню. Мамон управлял Скупостью, Асмодей — Распутством. Сатана «полюбил» Гнев, Вельзевул — Чревоугодие, Левиафан — Зависть, а вот Бельфегору досталась Лень. Всего же в Аду, по мнению средневековых мистиков, было десять Архидьяволов, ведавших легионами демонов. Считалось, что остальные трое главных чертей помогают своим собратьям в нелегком труде оболъщения.

В противовес «демоническим искушениям» существовал список Семи Добродетелей. Гордыня исцелялась Смирением, Жадность — Щедростью, Зависть — Любовью, Гнев — Добротой, Распутство — Воздержанием, Чревоугодие — Умеренностью, а Лень — Усердием. Фома Аквинский в свое время среди Добродетелей особенно выделял Веру, Надежду и Любовь.

Для каждого из смертных грехов были придуманы особые казни. Даже сегодня один только их перечень может навсегда отбить охоту грешить. Например, Гордыня — самый страшный из грехов — наказывалась колесованием. Жертве дробили кости, привязывали к большому колесу и оставляли умирать. Завистников бросали в ледяную воду, ленивых — в яму со змеями. Распутников отправляли на костер, жадных — варили в кипящем масле. Тех, кто постоянно гневался, попросту разрывали на части, а любителей поесть заставляли вкушать далеко не изы-

канные яства — крыс и жаб. Фантазии средневековых палачей нынче позавидовал бы любой режиссер фильма ужасов...

К слову сказать, семь смертных грехов на протяжении столетий будоражили воображение не только ревностных христиан, но и филосо-

Иероним Босх.
 «Семь смертных грехов»
 Фрагмент:
 «Тщеславие»

Отправной точкой философии «смертного греха» стал IV век. Именно тогда монах Эвагрий Понтийский изложил «Учение о восьми греховных помыслах»

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Свобода от известного

Иероним Босх.
«Семь смертных грехов»
Фрагмент:
«Невоздержанность»

фов, поэтов, художников. Этой темы касался Джеффри Чосер в своих «Кентерберийских рассказах», Кристофер Марло в «Докторе Фаустусе» и многие другие.

Интересный подход — у Данте в «Божественной комедии». Поэт делил грехи на группы. Одни он поместил на высший уровень — поближе к Раю, а другие, наоборот, на низший — у врат Ада. В зависимости от их угрозы Любви.

Например, Гордыню, Зависть и Гнев Данте считал губительными для бессмертной души. Их место — низший уровень. Алчность, Чревоугодие

Интересный подход у Данте — в «Божественной комедии». Поэт делил грехи на группы. Одни он поместил на высший уровень — поближе к Раю, а другие, наоборот, на низший — у врат Ада. В зависимости от их угрозы Любви

и Похоть — менее опасны. Они могут находиться поближе к Раю. А вот Лень занимала промежуточное положение.

Особое место занимает картина «Семь смертных грехов» одного из самых загадочных художников Возрождения — Иеронима Босха. В центре полотна — всевидящее око Господа, наблюдающего за грешным человечеством. По краям — изображения смертного ложа, Страшного суда, Рая и Ада. Голландец наглядно показал, что ожидает тех, кто потворствовал своим страстям и умер, не раскаявшись.

Впрочем, и в наше время к сюжету о семи смертных грехах обращаются довольно часто. Достаточно вспомнить фильм «Семь», вышедший на мировые экраны в 1995 году. Лихо закрученный сюжет триллера повествует о серии ритуальных убийств. Все жертвы отягощены одним из семи смертных грехов. За это неуловимый маньяк жестоко их карает, руководствуясь собственными понятиями о справедливости. Голливудский фильм далек от стандартного

Иероним Босх.
«Семь смертных грехов»
Фрагмент:
«Зависть»

«хеппи-энда». Главный герой, детектив Миллз, дает волю своему гневу, тем самым завершая чудовищное «произведение» безумного убийцы...

Так что же — спасения нет? Ведь человек грешит каждый день. Правда, чаще всего — в помыслах. Попробуйте завести тетрадку и записывать туда все, что думали с утра до вечера. Уже к концу недели станет ясно: жизнь пора менять. А если прочитать перечень «социальных грехов», утвержденный Ватиканом в марте этого года, то можно сразу же отправляться в геенну огненную.

Новый список «греховности», в дополнение к старому, был составлен с учетом нарастающей глобализации. Контроль рождаемости, наркомания, эксперименты в области генетики, загрязнение окружающей

7
Некоторые ученые предполагают, что причина популярности числа «7» кроется в нашей генетической памяти. На начальном этапе эволюции Солнечной системы интервалы между максимальной активностью звезды были кратны семи годам, и именно эта информация была заложена в человеческих генах, что и сказалось на стремлении все сводить впоследствии к семерке

среды, увеличение имущественного расслоения, чрезмерное богатство и действия, приводящие других к бедности, — отныне все это официально объявлено «социальными грехами». Так что, ученых с овечкой Долли ожидает Ад. Если, конечно, не раскаются.

Впрочем, подобные нововведения католиков никак не повлияли на процесс искупления. И «социальные» и «смертные» грехи прощаются. Но лишь в том случае, если человек раскаялся, исповедовался и встал на путь Семи Добродетелей. Борьба с искушениями в одиноч-

Контроль рождаемости, эксперименты в области генетики, загрязнение окружающей среды, чрезмерное богатство и действия, приводящие других к бедности, — отныне все это официально объявлено «социальными грехами»

ку очень сложно, предупреждают священнослужители. Необходима помощь Церкви. Значит ли это, что все, кто не исповедует христианство, после смерти попадут в Ад?

Ничего подобного, заявляют ученые. Дело — не в религии и философских доктринах, а... в обычной химии! Испанский биолог Джон Медина уверен: сопротивляться грехам бесполезно, поскольку в наших поступках — отголоски животных инстинктов. Они до сих пор живут в человеческом сознании.

В своем труде «Ген и семь смертных грехов» Медина фактически оправдывает греховодников.

Например, Лень, по мнению ученого, всего лишь программа, записанная в генах каждого человека. Работает она по принципу «будильника», составляя каждому расписание для жизнедеятельности организма. Ленившись, пишет Джон Медина, время от времени необходимо. Истории известны случаи, когда гениальная мысль или решение приходили в голову тогда, когда мы полностью отрешались от напряженной работы. Да и вообще: те, кто умеет правильно бездельничать, многого достигают в жизни. Ведь Лень помогает неторопливо все обдумать и сохранять жизненные силы.

Чревоугодие испанский ученый оправдывает тем, что этот грех не приносит вреда никому, кроме самого любителя поесть. К тому же «наедаться впрок» свойственно природе человека, который всего лишь сравнительно недавно (по меркам истории) получил доступ к рынкам и супермаркетам.

Еще один смертный грех — Гнев — тоже записан в генах. Это

подтверждено исследованиями ученых-биологов с братьями-близнецами. Было обнаружено, что если один из братьев злобен и агрессивен, то другой тоже обладает подобными качествами. Природа не просто так наградила нас способностью гневаться и впадать в ярость. Эти процессы необходимы для защиты собственной жизни.

Алчность — навязчивая идея приумножения собственного богатства любыми средствами. В основе этого греха лежат два фактора — страх и беспокойство. Доктор Медина считает, что за скупость и жадность отвечают сразу пять участков головного мозга. Последние исследования ученых подтвердили эти предположения. Было замечено, что у выигравших крупную сумму денег усиливается приток крови к «нуклеусу аккумулятору». Вероятно, в этой зоне головного мозга находится своеобразный «центр алчности». Впрочем, заключает Джон Медина, нет ничего зазорного в том, что человек не хочет делиться нажитым. В конце концов, на собиранье «презренного металла» некоторые тратят лучшие годы жизни...

В некотором роде Зависть полезна. Ведь в ней заложен элемент мотивации, толкающий человека на новые свершения. Отчасти именно «гену зависти» цивилизация обязана своим прогрессом. Так что, завидуйте. Но завидуйте исключительно в положительном ключе, предупреждает испанский ученый.

Гордыня — доказательство банального чувства неполноценности. Грех, из-за которого любимый ангел Бога взбунтовался и был низвергнут с небес, считается самым тяжким. Но Джон Медина уверен: «корень зла» кроется в одном из генов — CaMKII. Он возбуждает амбиции и надменность и ведет к гибели души. Известно, был ли такой ген у Люцифера, но люди, которые себя очень чтят и любят, чаще всего безобидны. Они высокомерно могут сделать доброе дело и долго гордиться собственным барским поступком.

W.F. (Bill) Judd
«Семь смертных грехов»

Поддаться искушению и начать грешить, или, наоборот, побороть в себе демонов — эту проблему сегодня каждый решает для себя сам

По мнению испанского доктора, причина Похоти — действие почти тридцати различных биохимических процессов, сотни генов и нескольких отделов головного мозга. Сексуальная активность сопоставима с работой небольшого НИИ. Главная задача этого «института» — продолжение рода, передача собственных генов следующему поколению. Природу мало волнует, как именно это будет сделано, а значит, сопротивляться «смертному греху» незначительно...

Справедливости ради стоит отметить, что исследования испанского ученого Джона Медины вызвали множество споров. Некоторые укоряют его за то, что он низводит человека до уровня животного. Другие прямо указывают на некую «притянутость» — человеческий мозг и гены до сих пор таят в себе массу загадок. Как бы то ни было,

поддаться искушению и начать грешить, или, наоборот, побороть демонов — эту проблему сегодня каждый решает для себя сам. История показала, что пытки и казни «смертным грехам» — не помеха. Но тем, кто предпочитает «греховничать с размахом», не стоит обольщаться, что Бог все стерпит и простит. «Вечный грех» — хула на Святого Духа — не искупается даже тысячами лет мучений в Аду. Поэтому, прежде чем потакать собственным порокам и слабостям, вспомните известную поговорку: «Семь раз отмерь — один отрежь». □

Эрмитаж

«Я входил в Эрмитаж, как в хранилище человеческого гения. В Эрмитаже я впервые, еще юношей, почувствовал счастье быть человеком. И понял, как человек может быть велик и хорош...» — писал Константин Паустовский. И действитель-

но, в нашей стране, да и вообще на Земле, не так много мест, где можно понять, «как человек ... велик и хорош». В Эрмитаже, в стенах которого представлена история культуры от древнейших времен до наших дней, — можно

Ирина ГОЛУБЕВА

А начинался этот один из самых значительных, самых крупных музеев мира при правлении императрицы Екатерины II.

В 1764 году некий берлинский коммерсант Иоганн Гоцковский предложил русской короне купить у него 225 картин европейских мастеров. Эти полотна — в основном, голландских и фламандских художников — Гоцковский собирал для Фридриха Великого, короля Прусского и одного из самых просвещенных монархов того времени. У Фридриха, в его дворце

Сан-Суси, уже была прекрасная коллекция картин художников XVIII века — Буше, Ватто, Шардена и других, но ему очень хотелось иметь и работы старых мастеров. Однако после Семилетней войны с Россией, Австрией и Францией Фридрих испытывал серьезные финансовые трудности и не мог позволить себе столь дорогостоящие приобретения. Гоцковский, оказавшийся на грани банкротства, обратился к русскому послу Владимиру Долгорукому — может, Екатерина выкупит у него картины? И

Екатерина, правившая к тому времени Россией уже два года, решает купить эти полотна — так она демонстрирует всей Европе свое превосходство над прусским монархом. Пусть у нее будут картины — ведь у всех европейских правителей есть свои коллекции и галереи, вот и у нее будет свой музей, решает молодая и амбициозная императрица. Картины, и правда, оказались хороши, эти полотна Рембрандта, Халса, Стена, и царица украшает ими стены Зимнего дворца. Но Зимний дворец —

огромный, и картин, чтобы весь его заполнить, не хватает. Тогда Екатерина дает указание своим людям покупать продававшиеся за границей художественные ценности и даже целые коллекции.

В те времена лучшие произведения искусства можно было купить в Париже. Послом России во Франции служил князь Дмитрий Голицын, интеллигент, светский человек, вхожий в лучшие салоны французской столицы. Он приобрел для своей царицы полотна Греза и Шардена, а также,

Ж.Б.Валлен-Деламот. Малый Эрмитаж, Северный павильон

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Музеи мира

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Музеи мира

Ф.Б.Растрелли.
Главная лестница
Зимнего дворца

в 1766 году, знаменитое полотно Рембрандта «Возвращение блудного сына». В том же 1766 году Голицын познакомил Екатерину с Дени Дидро и Фальконе, которые стали ее лучшими советчиками в трудном деле собирания музея. И когда Дидро решил продать свою библиотеку, Екатерина ее тут же купила. А когда решила создать памятник своему великому предшественнику Петру I, пригласила в Петербург Фальконе.

В 1769 году Екатерине крупно повезло — она приобрела коллекцию графа Генриха фон Брюля, канцлера Августа III Саксонского. Брюлю очень хотелось, чтобы его коллекция была не хуже, чем у Августа, но своих денег ему не хватало, и потому он без зазрения совести использовал государственную казну. После смерти этого страстного коллекционера его собрание

Вот и у нее будет свой музей, — решила молодая и амбициозная императрица Екатерина

было выставлено на торги — наследникам срочно потребовались деньги, чтобы оплатить долги канцлера. Так Екатерина стала собственницей еще четырех картин Рембрандта и пяти — Рубенса, нескольких пейзажей Рейсдаля и других голландских и фламандских художников, а также полотен Веронезе и Тициана. Здесь были и современные работы — например, «Затруднительное предложение» Ватто и виды Дрездена кисти Беллотто, которые настолько понравились Екатерине, что она даже пригласила итальянца в Петербург. Однако тот, решив, что Петербург расположен где-то далеко на севере, и ему там будет холодно, отказался и уехал в Варшаву.

Коллекция обошлась царице в 180 тысяч гульденов. Она состояла из более 600 картин, 1076 рисунков, заботливо помещенных в 14 альбо-

мов с кожаными переплетами, и замечательного собрания гравюр.

Следующим грандиозным приобретением Екатерины стала коллекция французского банкира Пьера Кроза, самая значительная среди частных коллекций Франции начала XVIII века. Кроза жил в Париже, на улице Ришелье. Его дом знали все — тут собирались художники, меценаты, здесь был центр художественной жизни столицы. Сам банкир умер в 1740 году, а его племянник Барок Тьер, унаследовав коллекцию дяди, увеличил ее, приобретя несколько замечательных полотен, среди которых была знаменитая рембрандтовская «Даная». В 1770 году умер и Тьер, и коллекцию выставили на продажу. Дидро, услышав эту новость, по его собственным словам, «взорвался, как вулкан» — это собрание, конечно же, должна купить его сиятельная подруга Екатерина! В результате, после долгих консультаций с другом Дидро, известным знатоком искусства, женеви́ским банкиром и коллекционером Франсуа Троншеном, русская императрица купила 500 из 659 картин Кроза за 460 тысяч ливров. В качестве благодарности за ценные советы она отплатила Троншену шкурки соболей на пальто. А в Эрмитаже появились «Даная» Рембрандта и еще восемь полотен гениального голландца, шесть картин Ван Дейка, несколько эскизов Рубенса, «Святое семейство» Рафаэля, «Юдифь» Джорджоне и «Оплакивание Христа» Веронезе.

Не всегда удача сопутствовала эмиссарам государыни — так, купленные Голицыным в 1771 году в Гааге картины голландских мастеров погибли при кораблекрушении в Финском заливе. Однако в целом коллекция императрицы неуклонно пополнялась.

Озаботилась Екатерина и о достойном размещении своего собрания. В 1764 она повелевает построить рядом с Зимним новое здание. И вот, по проекту архитектора Ж.Б. Вален-Деламота, сооружается соединенный с дворцом крытой галереей пави-

Рембрандт
Харменс
ван Рейн.
Даная

льон, который так поначалу и называли — Ламотов павильон. Позже в обиход вошло другое название — Малый Эрмитаж (Эрмитаж по-французски — «приют отшельника»). Екатерина любила принимать здесь своих друзей, в совершенно неофициальной обстановке, «без галстуков» и даже без слуг.

В 1774 году был издан первый каталог Эрмитажа, в котором описыва-

лись уже 2800 картин. В 1779 году Екатерина купила коллекцию бывшего премьер-министра Англии лорда Роберта Уолпола — 98 работ, полотна Рубенса, Йорданса, Ван Дейка и других, а в 1781 году — коллекцию графа Бодуэна из 119 работ. Кроме картин, Екатерина собирала гравюры, рисунки, монеты, медали, изделия из камня — все знали ее любовь к геммам и дарили ей резные камни,

а также произведения прикладного искусства.

Собрание требовало все большего пространства, и в 1771 году начинается строительство по проекту архитектора Ю.М.Фельтена Большого Эрмитажа, соединенного с Малым крытым переходом. Затем Джакомо Кваренги построил Эрмитажный театр, который с Большим и Малым Эрмитажами составил на набережной Невы замечательный архитектурный ансамбль.

В одном из писем, датированном 1790 годом (за шесть лет до смерти императрицы) Екатерина говорила своему доверенному лицу и комиссионеру Фридриху Мельхиору Гриму, что может поздравить себя с обладанием коллекцией, превосходящей все собрания монархов ее времени. «Мой музей в Эрмитаже, — писала она, — состоит, не считая картин, лоджий Рафаэля, из 36 тысяч книг, четырех комнат, наполненных книгами и гравюрами, 10 тысячами резных камней, приблизительно 10 тысячами рисунков и собрания естественнонаучного, заполняющего две большие залы». При этом императрица забыла упомянуть коллекцию монет и медалей — 16 тысяч единиц хранения.

Коллекцию Екатерины пополняли и ее преемники на российском

Камея
Гонзага

Екатерина говорила, что может поздравить себя с обладанием коллекцией, превосходящей все собрания монархов ее времени

троне, однако таких советников, как у их великой предшественницы, у них не было, и не всегда их приобретения были на уровне великих произведений искусства, собранных Екатериной.

Наверное, наиболее важным вкладом в царское собрание была коллекция шедевров живописи, принадлежавшая жене Наполеона Жозефине Богарне и купленная Александром I.

Тогда же Жозефина в качестве подарка преподнесла русскому царю камею Гонзага — один из самых знаменитых экспонатов сегодняшнего Эрмитажа. Камея эта когда-то принадлежала известнейшему ценителю и меценату XVI века герцогу Гонзага, и хотя потом сменила множество хозяев, была названа его именем. Камея была сделана руками александрийских мастеров 3 в. до н.э., а изобра-

*К.И. Росси.
Военная галерея
1812 года.
Зимний дворец*

жены на ней царь Египта Птолемей и его супруга Арсиноя.

В 1837 году эрмитажное собрание оказалось под угрозой полного уничтожения: 17 декабря в Зимнем дворце вспыхнул пожар, пламя уже перекидывалось на здания Эрмитажа, и только благодаря мужеству гвардейцев сокровища удалось спасти. Крышу постоянно поливали водой, а переходы, окна и дверные проемы закладывали кирпичом, сооружая между Зимним и музейными помещениями разделяющую стену.

Пожар бушевал три дня, но, к счастью, Эрмитаж уцелел. После пожара Николай I перестроил Зимний и придал ему прежний блеск, а также решил расширить музейные поме-

благо Эрмитажа, но и делал ужасные вещи — так, он продал 1220 полотен, которые ему не нравились, приказал расплавить несколько золотых и серебряных сервизов Екатерины — их заменили сервизами в стиле, который устраивал его, Николая. А однажды велел уничтожить и знаменитую скульптуру Вольтера работы Гудона — «Истребить эту старую обезьяну!», кричал он. К счастью, придворные спрятали Вольтера в библиотеке Эрмитажа, куда царь никогда не заходил, а потом передали ее вместе с книгами в Публичную библиотеку.

Между тем, в Европе крупнейшие собрания правящих домов открывали свои двери для посетителей. Лувр уже стал народным музеем, Дрезден-

Эрмитажу на протяжении всей его истории угрожали не только пожары и толпы революционных матросов, но и деятельность властей, стоявших у руля государства. В 1928—32 годах за рубеж ушло множество произведений искусства, среди которых были настоящие шедевры

щения за счет возведения Нового Эрмитажа. Новый Эрмитаж, или «Музеум», был искусно спланирован — его построили между Малым и Старым Эрмитажами. Фасады украсили статуями поэтов и ученых разных времен, и могучие атланты (скульптор А.И. Терещенев) до сих пор «держат небо на каменных руках». В 1852 году сюда переместили все самые лучшие, самые ценные вещи из царского собрания. Император много внимания уделял новому музею, сам выбирал картины и порядок их развешивания, сформировал галерею антиков. Еще в первые годы правления царя в Крыму были найдены произведения скифского искусства, и он решил, что они должны украсить его музей. Правда, надо сказать, что Николай не только совершал поступки во

ская галерея тоже была доступна посетителям, в 1819 году публичным музеем стал и Прадо, в 1824 году Лондонская галерея получает титул Национальной. А в 1852 году общедоступным музеем объявлен и Эрмитаж.

Торжественное открытие состоялось 5 февраля. В Эрмитажном театре показывали спектакль, прямо в музейных залах накрыли столы. Конечно же, первыми посетителями музея стали особо приглашенные, да и потом в Эрмитаж было не так-то просто попасть — пропуска-билеты выдавались в специальной конторе при министерстве императорского двора, при этом требовалась рекомендация от известного в стране лица, и в музей допускались только во фраках или парадных мундирах.

Паоло Веронезе.
Оплакивание
Христа

По-настоящему доступным Эрмитаж стал лишь в 1863 году, при императоре Александре II. Музей пользовался огромной популярностью — к 1914 году число посетителей за год достигало цифры в 180 тысяч!

А собрание продолжало пополняться. Событием в истории музея стали покупка картины «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи из собрания миланского семейства Литта, картины Рафаэля «Мадонна Конетабиле», купленной у графа Констабиле в Перудже, приобретение фрески Фра Анджелико во Флоренции. В 1914 году в собрание вошла еще одна картина Леонардо «Мадонна Бенуа».

Особое место в истории музея занимает приобретение в 1910 году коллекции знаменитого русского географа, путешественника П.П. Семёнова-Тянь-Шаньского произведений

голландской и фламандской школ. Ученый собирал коллекцию на протяжении почти пятидесяти лет, и всегда думал о том, что настанет день, когда он сможет передать ее Эрмитажу. Эти картины были оставлены у коллекционера пожизненно и вошли окончательно в собрание Эрмитажа уже после революции.

В начале Первой мировой войны залы Эрмитажа опустели — большая часть его сокровищ в целях сохранности была вывезена в Москву. В августе 1917, по приказу Временного правительства, было вывезено практически все, что еще оставалось в музее. Эрмитажные экспонаты разместили в Кремле, Историческом музее и Оружейной палате. Коллекции вернулись домой только в ноябре 1920 года, когда отгремели революционные войны, по решению Совета Народных комиссаров. Многие горячие головы настаивали тогда на том, чтобы оставить все в Москве, и только из-за того, что в столице не оказалось достаточно площадей, Эрмитаж получил назад свое достояние.

К счастью, эрмитажное собрание, благодаря эвакуации основных ценностей, пережило октябрь 1917 года почти без потерь, при штурме Зимнего пострадало лишь то, что было непосредственно в самом дворце.

После революции 1917 года в правительстве победившего пролетариата вопросами культуры было поручено заниматься А. В. Луначарскому, писателю, философу, жившему многие годы в Европе и хорошо разбиравшемуся в искусстве. Луначарскому в помощь дали Григория Ятаманова, Бернгарда Мандельбаума и Ларису Рейснер (эстету Луначарскому нравились хорошенькие женщины), им предписывалось сосредоточить свои усилия на дворцах и музеях. Уже 18 ноября Луначарский подписывает декрет об охране Зимнего, в котором приказано организовать работы по приемке и описи имущества «бывшего дворцового ведомства», а также организовать розыск и возвращение предметов, пропавших из дворца во время взятия Зимнего. А еще пред-

стояло решить сложнейшую задачу — организовать совместную работу по сохранению произведений искусства представителей победившего класса и буржуазных ученых. В музее были учреждены три новых органа управления: Совет, состоявший из трех хранителей и директора, Общее собрание, в которое входили члены Совета плюс «весь остальной образованный обслуживающий персонал и представители молодых служителей», и Исполнительный комитет, состоявший из директора, двух человек из старших научных сотрудников, и трех — из младших научных сотрудников. Директор Эрмитажа граф Дмитрий Толстой говорил, что особенно хорошо работает именно этот комитет — благодаря входящему в него швейцару Щастневу, мастеру по сглаживанию противоречий.

В июне 1918 года Ятаманов предоставил Толстому отпуск. Граф, полный решимости вскоре вернуться и снова занять свое место в кресле директора Эрмитажа, поехал на Украину, где у него было имение. Там он узнал о гибели царской семьи, и потрясенный известием, решил больше не иметь никакого дела с людьми, творящими подобное злодеяние. Он письменно известил сослуживцев, что больше в Петроград не вернется. Это решение далось ему непросто — Толстой был предан Эрмитажу, много сил отдал сохранению и изучению его коллекций, честно служил музею и Родине, однако, как истинный интеллигент и благородный, чистый человек, иначе поступить не мог.

В послереволюционные годы идет активная национализация имущества русских аристократов, и в собрание Эрмитажа вливаются частные коллекции Строгановых, Шереметевых, Юсуповых, Шуваловых... При этом, конечно же, согласия владельцев на такие щедрые подарки народу никто не спрашивает. Позднее в Эрмитаж поступили картины из собраний Морозова и Щукина — это были замечательные работы импрессионистов из московского музея Нового Западного искусства, закрытого в 1948 году.

Рафаэль Санти.
Святое
семейство

Собранию Эрмитажа на протяжении всей его истории угрожали не только пожары и толпы революционных матросов, но и деятельность тех или иных властей, стоявших у руля государства. Огромный урон коллекциям был нанесен в 1928—1932 годах, когда за рубеж ушло множество великолепных произведений искусства, среди которых были настоящие шедевры...

Весной 1930 года сотрудница музея Татьяна Чернавина получила от тогдашнего директора Эрмитажа Леонида Оболенского необычное указание: ей предписывалось после закрытия музея снять со стены картину «Благовещение» Яна Ван Эйка и передать ее представителю Народного комиссариата по иностранным делам. Затем она должна была изменить развеску картин так, чтобы на

Рембрандт
Харменс
ван Рейн.
Возвращение
блудного сына

Джорджоне.
Юдифь

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Музеи мира

принимает постановление, по которому торговля из рук музейных работников переходит к чиновникам Наркомата внешней торговли, возглавляемого Анастасом Микояном. Поначалу продавали только конфискованные после 1917 года у «буржуев» ценности, но вскоре добрались и до основных музейных фондов. Конечно же, музейщики сопротивлялись, но государственная машина умела бороться с непокорными. Сергей Тройницкий, директор Эрмитажа с 1918 года, за свои протесты был снят с поста, а потом и арестован. Теперь Эрмитажем руководили партийные функционеры, а хранители требовались лишь для того, чтобы отобрать для заграничных ценителей прекрасного наиболее ценные экспонаты.

Искусство стало удобной разменной монетой. Так, например, когда нужно было договориться об объединении сил в борьбе с англичанами и американцами за бакинскую нефть, большевики договариваются с иракским нефтяным магнатом и страстным коллекционером Галустом Гюльбенкяном: тот им — помощь, а русские в благодарность — возможность приобрести несколько картин из Эрмитажа. И сегодня в лиссабонском музее Гюльбенкяна можно увидеть рубен-

В 1941 году, когда началась самая страшная война в истории России, Эрмитаж выстоял. Его художественная жизнь продолжалась, несмотря на голод и холод блокады

стене не было пустого места. Задавать какие-либо вопросы было запрещено. Шла распродажа музейных ценностей...

В стране началась индустриализация. Валюта была необходима для покупки за границей тракторов, станков. И вот уже при подготовке первого пятилетнего плана Совнарком

советский «Портрет Елены Фоурмен», рембрандтовскую «Афину Палладу», статую Дианы Гудона, французское серебро XVIII века и другие первоклассные вещи, ранее украшавшие Эрмитаж.

Однако главным «ценителем» и покупателем эрмитажных сокровищ стал министр финансов США Эндрю

Меллон. Кстати, то «Благовещение» Ван Эйка, которое снимала со стены Татьяна Чернавина, было продано именно Меллону, а еще — картины Рафаэля «Мадонна Альба» и «Святой Георгий», «Поклонение волхвов» Боттичелли, «Венера перед зеркалом» Тициана, «Портрет папы Иннокентия X» Веласкеса, лучшие полотна Халса «Портрет молодого человека» и «Портрет офицера», и другие шедевры мировой живописи, перечислять которые так больно... Чем было вызвано решение продать картины Меллону? Тут ясности нет, хотя ровно через год после того, как Эрмитаж лишился этих картин, США официально признали Советский Союз и установили дипломатические отношения. Кстати, когда пресса пронохала о невероятных приобретениях Меллона в России, и в газетах появились скандальные публикации, Меллон тут же подарил свое собрание народу! Своему, американскому. И сейчас эти картины украшают вашингтонскую Национальную галерею.

Чтобы представить, какой урон был нанесен в эти годы эрмитажному собранию, достаточно открыть путеводитель Бедекера по России, изданный в 1914 году. Там, в разделе, посвященном Эрмитажу, приводится список 56 самых ценных картин музея. Девять из них были проданы.

После 1935 года эти позорные акты разбазаривания шедевров постепенно прекратились — даже Сталину стало ясно, что денег они приносят не так уж много. Ну, и тогда большой лицемер и лицедей, разыграв роль спасителя художественного достояния страны, прекращает распродажи музейных ценностей. Он даже лично отвечает на письмо Иосифа Орбели, вскоре ставшего директором Эрмитажа, в котором тот слезно просит не продавать золото Сасанидов. Ответ Сталина с просьбой не волноваться, мол, все будет хорошо, торжественно доставляется в музей курьером НКВД. Это был сигнал, который все поняли правильно. Больше эрмитажным сокровищам никто не угрожал...

В 1941 году началась самая страшная война в истории России. С 8 сентября и до 27 января 1944 года, около 900 дней, Ленинград был в блокаде. Погибла примерно треть населения, но сам город выстоял. Выстоял и Эрмитаж.

Уже в первый день войны, 22 июня, тогдашний директор Эрмитажа Иосиф Орбели распорядился снять со стен 40 наиболее ценных картин и поместить их в специальные бронированные подвальные помещения. Там хранились драгоценности и скифское золото. На следующий день началась подготовка к эвакуации. Шесть дней и шесть ночей без отдыха сотрудники упаковывали экспонаты музея. Лучшая, ценнейшая часть коллекции была вывезена на Урал, подальше от боев, в Свердловск (ныне — Екатеринбург).

Оставшиеся сокровища спрятали в подвалах.

За время блокады в здания великолепного архитектурного комплекса попало 32 снаряда и две бомбы. Все окна были разбиты, но защитники Эрмитажа заделали их фанерой. Сотрудники музея, среди них Орбели, Антонина Изергина, его будущая жена, Борис Пиотровский (директор музея в 1964—1990 годах) и многие другие, оставались с Эрмитажем все долгие дни блокады. Они жили прямо там, в музейных подвалах, вместе со своими семьями. Александр Никольский, тоже обитатель бомбоубежища, все свободное время делал зарисовки, и в декабре 1941 года там же, в подвале, состоялось открытие выставки его работ — художественная жизнь в Эрмитаже продолжалась, несмотря на голод и холод блокады!

В 1942 году в Эрмитаже открылся небольшой госпиталь для выздоравливающих. Его разместили в помещениях Малого Эрмитажа. Здесь проходили реабилитацию защитники и сотрудники ленинградских музеев. Многие были так истощены, что уже ничто не могло их спасти, и потому подвал под библиотекой был превращен в морг.

Сразу же после войны в музее начались восстановительные работы.

И уже в 1945 году все коллекции были возвращены обратно, а 8 ноября 1945 года первые 69 музейных залов открыли свои двери для посетителей.

За послевоенные годы музей еще более расширил свои площади и увеличил коллекцию.

Сегодня Эрмитаж — настоящий музей-дворец. Пройдя сложный путь от закрытого собрания российских императоров до одного из крупнейших музеев мира, он хранит в своих залах более двух миллионов семисот тысяч памятников культуры и произведений искусства, созданных за всю историю существования человечества. Музей занимает пять зданий, его собрание размещено в более трехстах пятидесяти залах.

Сегодня Эрмитаж — настоящий музей-дворец: он хранит в своих залах более двух миллионов 700 тысяч памятников культуры и произведений искусства

Сотрудники музея ведут огромную научную работу, участвуют в международном культурном обмене — устраивают выставки и сотрудничают с крупнейшими музеями мира. Иногда в газетах появляются сенсационные материалы о кражах — все, как и в других собраниях Европы и Америки такого уровня. Жизнь идет, многое меняется и в нашей стране, и вокруг нее, но что-то остается постоянным — так же, как и много лет назад, смотрят на мир и на нас творения великих мастеров прошлого, так же крепко держат небо могучие Атланты на каменных руках, и так же длинна очередь у входа в Эрмитаж — очередь людей, стремящихся прикоснуться в Прекрасному, созданному нашими великими предками, жаждающих «почувствовать счастье быть человеком»... □

*А.И. Штакен-штейндер.
Зал Леонардо да Винчи.
Старый
(или Большой)
Эрмитаж
1858*

Иллюстрация Романа Львова

Наталья Семеновна Резникова родилась в Чите в 1911 году и во время гражданской войны была увезена родителями в Китай, где окончила школу и получила в дальнейшем хорошее образование, благодаря чему овладела китайским, английским и французским языками. Живя в Харбине и Шанхае, она внимательно следила за современной русской литературой, и ее умные рецензии на прозаические и стихотворные произведения появлялись почти во всех русских

изданиях, выходящих в Китае, прежде всего — в журнале «Рубеж». Вслед за рецензиями она начала писать рассказы, которые с удовольствием печатали в журналах. В конце 1930-х годов в Харбине вышли сборник ее рассказов «Раба Афродиты» и роман «Покоренная».

С началом Второй мировой войны писательница перебирается в США. Здесь она вскоре вышла замуж за одного из самых известных русских скульпторов Глеба Владимировича Дерюжинского, автора

скульптурных портретов Н.Рериха, С.Рахманинова, Р.Тагора, президента Ф.Д.Рузвельта и других. После смерти мужа Наталья Семеновна активно пропагандировала его творчество, но, пережив его почти на четверть века, ничего существенного сама уже не написала. Осталась лишь рукопись неоконченного романа. В России ее произведения никогда не печатались.

Мы впервые публикуем два рассказа из сборника **Наталии РЕЗНИКОВОЙ**

ЦЕНОЙ ЖИЗНИ

Вечером улицы манили Елену. Она любила ходить одна, разглядывать лица прохожих, заглядывать в освещенные занавешенные окна, стараясь угадать, что за ними, проникнуть в чужие жизни.

Она подолгу думала о людях, которые живут там, за каменными стенами. По рисунку гардин, по цвету абажуров старалась узнать вкусы и судьбу обитателей этих домов. Она думала о чужих драмах, о чужом счастье, чтобы не думать о себе, чтоб позабыть о том, что каждый вздох приближает ее к концу, к смерти, к вечному покою.

Неровные толчки, которыми билось в груди сердце, частые обмороки, боль в боку, общая слабость и особенно сердечная тоска яснее, чем диагнозы врачей, говорили ей о том, что жить осталось недолго, что каждая минута может быть последней.

Вдыхая прохладный воздух поздней осени, Елена просто и почти примитивно думала о том, что ее не станет, а все в мире останется по-прежнему.

му, — так же каждую осень будут пламенеть виноградные листья, обвивающие ее беседку в саду, так же будет нестись жизнь, и только какое-нибудь письмо, не застав ее, останется печально лежать нераспечатанным. Платон Осипович и тогда не изменит своей корректности и не вскрыет письма, адресованного мертвой.

Елена старалась представить себе свой красивый, уютный дом, вещи, которые она так любила, без нее... тогда, когда она умрет. Она представляла, как будут лежать в ящике ее туалета разные мелочи — белые лайковые перчатки, которые она надела только однажды в день свадьбы, и которые давно уже пожелтели, корсет — без косточки, который не стоило починять, но было жаль выбросить, оборванные кружева от маски, старые письма, что писали ей еще тогда, когда она была девочкой, фотографии матери, локон и рубашечка умершей девятимесячной крошки, какие-то ленточки, увядшие цветы, коробочки от духов, записные книжки с забытыми адресами, датами, номерами библиотечных книг, — весь этот никому не нужный, но дорогой сердцу хлам, который можно найти в туалете каждой женщины.

Она представляла себе, как бережно выдвинет этот ящик Платон, ее муж, и, не поняв тайного смысла вещей, почтительно закроет ящик на ключ... Точно так же не понимал он ее души.

Оберегал ее, но никогда не пытался коснуться ее, проникнуть в ее тайники.

За восемнадцать лет их супружества выросла между ними высокая стена. Его сдержанность и корректность навсегда заставили ее замкнуться... В их семейной жизни не было ни пламени, ни нежности.

И ее мучила мысль о том, что ничья горячая щека не прикоснется к дорогим мехам, которые она так любила носить, что ничья слеза не упадет на кружева и шелк ее белья... Она не оставит после себя ничего, кроме груди неуловимо пахнущих духами и телом вещей и глухого, сдержанного горя Платона.

И когда она думала об этом, тоска об умершей дочери, о малютке, которая тыкалась носиком в ее грудь и сладковато и горько пахла молоком, а теперь была бы тоненькой розовой девушкой, вспыхивала в ней с новой силой, и она широко открывала глаза, чтобы сдержать слезы, готовые вылиться... И оттого глаза ее становились похожими на две чаши, до краев наполненные нежной фиалковой влагой.

И она утешала себя мыслью о том, что тихо шелестят листья на кладбище, и хорошо лежать там под бугорком земли, уравнивающим всех в горести и радости.

В этот вечер на Главной улице была особенная толкотня, гудели автомобили, торопливо шли люди... Фонари отражались в асфальте, ярко освещенные витрины магазинов создавали впечатление суетной праздности... У громкоговорителя стояли молодые люди в заломленных шляпах и бросали вслед прохожим хлесткие, пошлые замечания...

В вышине, на темном бархате неба, уже мигали звезды, но их никто не видел, — они были слишком высоко, а тут глаза слепил яркий свет электрических ламп.

И вдруг среди этой чуждой толпы Елена увидела одно лицо... Глаза, которые заглянули в душу, раскрыли ее до дна, коснулись сердца, — глаза, которые нельзя было забыть...

В жизни это так обычно — расставаться, терять самое дорогое...

Двое людей прошли мимо друг друга, они только чуть замедлили шаг...

Но от этой встречи Елена сохранила в душе замороженность, сладкую, неосознанную надежду на что-то, а высокий незнакомец унес с собой образ стройной дамы, закутанной в меха, с усталым бледным лицом, с широко раскрытыми, похожими на фиалки глазами.

С этого вечера лицо незнакомца преследовало Елену, оно посещало ее в снах, в часы бодрствования... Но напрасно выходила она вечером на улицу с робкой надеждой встретить его... Как девочка, трепетала она, и сердце ее падало при виде каждого прохожего, походившего на него обликом, но его она не встречала...

Три дня спустя она вернулась со своей одинокой прогулки, осмысленной ожиданием, усталая, встревоженная, жаждущая шума, людей, музыки. Она открыла своим ключом дверь и, не раздеваясь, в пальто, прошла в кабинет мужа.

Еще из гостиной она услышала голоса, — знакомый, чуть резкий и сухой, голос Платона и чей-то чужой — мягкий, неторопливый баритон.

Остановившись у портьера, она прислушалась.

— Уверяю вас, что предложение наше очень выгодно...

— Я не спорю, только не хочу торопиться. Я должен все обдумать, детально разобраться в этом вопросе... Недели через две...

— Через две недели меня здесь уже не будет, если вы хотите заключить с нами сделку, вы должны решать скорее, на днях я должен быть на Манилле.

— Кто это? — удивилась Елена.

Этот голос так не походил на голоса немолодых, лысых коммерсантов, с которыми имел дела Платон Осипович, что Елена не в силах была преодолеть любопытства и, отодвинув гардину, переступила порог кабинета.

Платон Осипович ничем не выразил своего удивления. Он и его собеседник встали.

— Входи, Елена, — пригласил он мягко, заметив ее колебание, — это — Борис Александрович Строганов, — а это моя жена.

Елена протянула узкую руку и подняла глаза. Кровь тут же прилила к ее лбу, к щекам. Так иногда пламя камина бросает отблеск на лицо человека и преобразует его...

Не могло быть никаких сомнений: сверкающие жизнью глаза, которые пылливо смотрели на нее, смуглое тонкое лицо, черные густые волосы. Это был он — тот, который, проходя, заглянул в ее душу и покорила ее.

Румянец, заливший ее лицо, медленно потухал. Она стояла перед ним бледная, с выбившимися из-под шляпы короткими черными локонами, на лице ее сияли фиалковые, словно очарованные нездешними снами, глаза.

Строганов нахмурил смело раскинутые брови и сказал, выпуская ее беспомощную руку из своей:

— Где я мог вас видеть? Я помню ваше лицо...

Что-то мелькнуло в ее глазах, но она уже притушила взгляд тяжелыми веками с длинными, тронутыми тушью, ресницами.

— Вы давно здесь? — спросила она безразлично.

— С неделю, — ответил он, отметив про себя: «Совсем не красива и не молода. Почему я так встревожился?»

— Если вы свободны, поужинаем у нас, за сигарой мы еще потолкуем о деле, — предложил Платон Осипович и задумчиво провел рукой по шапке темных, освещенных сединой, волос, украдкой наблюдая за обоими.

— Благодарю, — ответил Строганов, немного помолчав, — но так как у меня уже есть ложа в театре, — и сегодня премьеры, — я предлагаю вам поехать на «Сильву», а после поужинать в ресторане.

— Я согласна, — с не свойственной ей поспешностью ответила Елена, вопросительно взглянув на мужа.

Платон Осипович утвердительно кивнул головой.

— Тогда разрешите мне поехать переодеться, — встал с кресла Строганов. — Итак, я вас жду, моя ложа — седьмая.

Поклонившись, стремительный и веселый, он вышел.

Елена, в сопровождении мужа, вошла в залитое светом фойе театра. Они опоздали — спектакль уже начался. Стенное зеркало отразило ее высокую элегантную фигуру в черном бархатном платье с глубоким вырезом, к которому был приколот лиловый, как ее глаза, огромный аметист. Все внутри нее дрожало, и ей казалось, что она, как туго натянутая струна, которая звучит при каждом прикосновении. Лицо ее от этой волнующей настроенности преобразилось, помолодело, стало таинственным и влекущим.

— Елочка, — сказал Платон Осипович, — я видел тебя такой только один раз, много лет назад... В тот вечер я сделал тебе предложение... Когда ты такая, перед тобой нельзя устоять.

Но она едва слушала его, не хотела слушать. Не слушала она и своего сердца, которое дало ей передышку.

Строганов сидел в ложе. Елена угадала его нетерпение по тому, как он встал, уловила по сжатым губам, вскинутым бровям, холодному блеску глаз. Волна материнской нежности прошла по ее телу, и оттого пожатие ее руки показалось ему интимным, горячим.

Странная власть исходила от этой женщины, она кружила Борису голову. Ее запрокинутое на спинку стула трагически-бледное лицо, обрамленное черными крыльями волос, ее рука, лежавшая на бархатном барьере ложи, сводили его с ума. Он хотел только одного — остаться с ней вдвоем в этой полутьме, наполненной мелодиями, сжать ее руки, прикоснуться к панцирю ее черного платья.

«Наваждение!» — подумал он с беспокойством, но тут же опять отдался магической силе, которую излучала Елена, и которая заставляла его видеть в целом театре, во всей вселенной, только ее лицо.

В своей лихорадке ни он, ни она почти не слушали оперетту.

В ресторане, куда они поехали после окончания, народу было мало. Строганов заранее заказал ужин, и на столе их уже ждали и замороженное шампанское, и закуски.

Платон Осипович говорил со Строгановым об экспорте бобов, и холодное, чисто выбритое лицо его казалось высеченным из камня, настолько оно было непроницаемо.

Вскоре в ресторан вошел незнакомый Елене мужчина и, пройдя мимо их столика, поклонился Платону Осиповичу.

— А вот кого мне надо! — сказал он, вставая, точно обрадовавшись. — Простите, я на несколько минут вас покину!

Оркестр играл медлительный английский вальс, свет был притушен и лился из красных, вделанных в стены, трубок. Танцевали всего две пары.

— Вы не танцуете? — спросил Строганов и коснулся ее руки. От этого прикосновения по телу Елены пробежал огонь.

— Нет, — ответила она одними губами.

— Мне кажется, — сказал Строганов, — что я знаю вас много лет, и вся моя жизнь была только жаждой... жаждой вас.

Она вздрогнула, подняла на него свои тяжелые веки, и он потонул в головокружительной глубине фиалково-синих озер.

Сердце вдруг замерло у нее в груди, и она ощутила знакомый холод в руках и ногах.

«Так мало осталось до смерти! — пронеслось у нее в сознании. — Ведь это — последняя надежда на счастье, на любовь...»

Кровь снова прилила к щекам, и она, испуганная и ободренная предупреждением, которое шепнуло усталое жить сердце, сказала вслух, точно во сне, почти шепотом, делая большие паузы:

— Тогда, когда я увидела вас... в первый раз... я знала... вы, вы единственный на свете... Знала — это судьба!

— Я хочу тебя! — прошептал он и до боли сжал запястья ее рук, беспомощно лежавших на столе.

— Это как наваждение, как солнечный удар!.. Неужели это бывает?

— Бывает! Молчи!..

Оркестр смолк, и пары, слитые в одно музыкой, распались. Платон Осипович вернулся к их столику.

— Ты устала, Елена? — спросил он, заботливо глядя на жену. — Нет ли у тебя жара? Твои глаза блеснут, как в лихорадке.

— Это от шампанского, — ответила она своим глухим низким голосом.

— Напрасно пила. Ты ведь знаешь, что тебе нельзя пить.

— Ничего, — возразила Елена и тут же потухла.

Через два дня Елена вошла в кабинет мужа. В походке ее была решимость, в глазах — блеск, который бывает у людей, одержимых безумием.

— Платон, я пришла говорить с тобой, — начала она и, не садясь, оперлась об угол письменного стола, за которым он сидел.

— Быть может, мы отложим до другого раза? — предложил Платон Осипович, предчувствуя бурю и желая дать ей улечься.

— Нет! Я буду говорить сейчас... Я не могу, я не хочу откладывать!.. — Красные пятна выступили на ее бледных щеках. — Платон, я пришла сказать тебе, что я ухожу от тебя... завтра я уезжаю!..

Она отвернулась, чтобы не видеть, но все же увидела, как Платон Осипович побледнел и сгорбился. Но голос его прозвучал твердо, как обычно, когда он спросил:

— С кем?

— Зачем ты притворяешься? Ты же знаешь! Ты не мог не видеть!.. Я не могла скрывать. Я люблю Бориса!

Он встал и стоял перед нею, худой, сильный, с оснеженными висками, и только глаза его потемнели и сузились, словно от боли.

И Елена опять опустила глаза, чтобы не ослабнуть, не поддаться жалости, и стала говорить быстро, лихорадочно, боясь, что ее перебыют.

— Я знаю, мне не к лицу говорить о любви!.. Это почти смешно... Опасный возраст, последние вспышки уходящей молодости... Но я знаю, это не то. Я пробовала бороться, но это — как наваждение. Я не думала, что так бывает в жизни!.. И потом, Платон, мне так мало осталось жить! Я знаю, я скоро умру... И я не могу, не могу отказаться от него, от этой любви. Ты только пойми, ведь каждую минуту, может быть, завтра, я могу умереть, но прежде я должна утолить свою жажду счастья. Я всегда ждала чего-то прекрасного, может быть, страшного и романтического... Я не виновата, Платон, что оно пришло так поздно... И не старайся меня переубедить... Все равно, я не смогу без него...

Она закрыла лицо руками, и он видел, как дрожат ее бледные, нежные, совсем девичьи руки. Он подошел к ней вплотную, положил руки на ее плечи.

— Не делай этого, Елочка!.. Ты не знаешь, как я люблю тебя, я никогда не говорил тебе об этом... Доверься мне, забудь, что я муж... думай, что я — старший брат, опытный, умный. Не уезжай... Верь, эта любовь не принесет тебе счастья, она сократит твою жизнь. Он небогат, — ты привыкла к роскоши... Тебе — уже сорок лет, ему — всего тридцать два...

Она высвободилась от него, отняла руки от лица и сказала жестко:

— Оставь свою арифметику, она не поможет... слишком поздно. Я ухожу, я решила... Я люблю его, а потом... есть поезд, под который можно броситься... Умереть никогда не поздно! Зачем говорить!..

— Елена, я дам тебе полную свободу, я примирюсь с твоей изменой, но останься, пощади меня, если не хочешь щадить себя!

— Платон! — воскликнула она с тоской. — Что ты говоришь? Разве я могу изменять? Я могу разлюбить, уйти, но лицемерить, но лгать — нет!

— Когда вы едете? — спросил он, помолчав и вполне овладев собой.

— Завтра. Билеты уже заказаны. — Она повернулась спиной и направилась к двери, но тут же обернулась и почти простонала: — Прости меня, Платон. Не могу!..

— Иди! — прошептал он тихо, и она вышла.

В спальне на кровати лежали вынутые из шкафа платья, на полу стоял открытый трюк.

Нет, эта растерзанная комната и Платон!.. Это было выше ее сил. Опустившись на край кровати, она зарыдала.

В эту минуту в спальню вошел Платон Осипович.

— Не плачь, — сказал он мягко, — помни, что я всегда готов помочь тебе, что все здесь останется без перемен, и когда бы ты ни захотела, ты можешь вернуться в наш дом, в свой дом.

Елена прижалась головой к его руке. Так долго он был ее опорой, ее защитой в жизни. В первый раз почувствовала, что без его опоры будет страшно. А он продолжал, уже сдержанней, стараясь подавить дрожь в голосе:

— Я сегодня же открою тебе текущий счет в банке, чтобы ты не брала у него, чтоб у тебя были свои деньги на прихоти, на мелочи, которые ты так любишь... — И, не дав ей времени ответить, Платон Осипович вышел.

Елена долго сидела на постели, с пустой душой, в которой были и стыд, и жалость, и другие чувства, в которых она не хотела себе признаться.

Телефонный звонок прервал ее мысли.

— Все хорошо? — раздался встревоженный молодой голос. — Каюта заказана. Я жду тебя на вокзале, завтра в 8.36. Не опоздай! Что ты делаешь?

— Укладываюсь. Не беспокойся!

— Так до завтра, любимая!

Она повесила трубку. Страха больше не было. Склонившись над трюком, складывая чулки со стрелками, маленькие платочки с инициалами, любимый японский халат, в который она куталась в длинные, одинокие вечера, она больше ни о чем не жалела.

И единственное чувство, которое она теперь испытывала, было нетерпение, страстное желание, чтобы поскорей прошли мучительные часы, отдающие ее от счастья, от молодого ясного лица с пылающими глазами, от рук, которые сжимали ее в своих объятиях так горячо и властно.

Два месяца пролетели, как летит над полями радостная, звонкая песнь. Казалось немислимым, что люди могут быть так безмятежно счастливы. Это был гимн любви двух людей, после долгих поисков нашедших друг друга. Они не могли наглядеться друг на друга, не могли наговориться.

— Понимаешь, — говорил Борис, — на свете есть только ты и я. В нашей близости, в нашей любви — весь смысл жизни. Ни одну женщину никто не любил сильнее, чем я люблю тебя, потому что тебе я принадлежу безраздельно. Все мои мысли, вся моя кровь принадлежат тебе. Ты — это я, а я — это ты!

В ответ она только краснела, молодо и жарко, как тогда, после их первой встречи.

Елена старалась скрывать от него с каждым днем усиливающуюся слабость, сжатие сердца, причиняющие страдание, головокружение, доводившие ее почти до обмороков.

Он знал, что она больна, по синякам, кольцами обводившим ее глаза, по тому, как задыхалась она при ходьбе, по тому, как неровно билось ее сердце у его груди, когда он прижимал ее к себе.

Но он не хотел верить в опасность, не хотел показывать ей своей тревоги, своей смертельной тоски, только не позволял ей ходить по лестнице и носил ее, словно шутя, на руках вверх и вниз.

С каждым разом он чувствовал, что она становилась все легче, и ему иногда казалось, что она тает, словно восковая кукла на солнце.

От того, что над их любовью, как сторож, стояла смерть, их чувство становилось все напряженнее, все глубже, все острее. Они не говорили о разлуке, но в смехе их иногда дрожали слезы, и в глазах обоих сквозила тревога, которую они тщательно друг от друга скрывали.

И Елена таяла от яркого южного солнца, от любви, от счастья, которого не могло выдержать ее больное сердце.

В этот день солнце жгло особенно беспощадно, не было уголка, в который оно бы не проникло.

Вся комната Елены была залита горячими желтыми лучами, и ей казалось, что солнце пробирается в ее тело, обжигает огнем сердце, бьется в руках и висках раскаленной лавой.

Она покачнулась... В глазах пронеслись красные, черные, зеленые круги... Борис подхватил ее, на руках принес на кровать, положил на желтое атласное покрывало.

Черные крылья волос лежали вокруг лица, покрывавшегося мутной голубой тенью, ногти на беспомощно свесившихся руках посинели.

Маленький доктор в золотых очках сделал два впрыскивания камфоры и сказал строго:

— Полный покой!.. Ее надо беречь... И это солнце!.. Увезите ее поскорее отсюда, если она оправится от этого припадка. — И он с сомнением покачал лысой большой головой.

Борис остался около постели и не выпускал ее запястье, ловя пульс. Пульса почти не было, но постепенно артерия начала наполняться, и он почувствовал удары, сначала — слабые, потом — более сильные. Он увидел, как стала подниматься грудь под сеткой кружев, и рот чуть дрогнул в улыбке, которую он так любил на ее лице.

Страх потерять ее навсегда наполнил его невыносимым ужасом. Он задыхался от невыразимой нежности, от бессильной тревоги. Слезы хлынули из глаз и потекли безудержно.

Елена шевельнулась, полуоткрыла глаза, протянула к нему бессильную руку, чтобы успокоить, ободрить.

— Ничего!.. Мне уже хорошо, совсем хорошо. Ты испугался?.. Ничего! Это бывало уже раньше.

Борис стал целовать ее руки, шею, глаза. Он говорил захлебываясь, торопясь высказать скорее всю любовь свою:

— Любимая, ты так побледнела!.. Я подумал... О, нет, я не пережил бы этого. Я так люблю тебя! Ты должна поправиться, слышишь?.. Завтра же мы уедем с тобой, ты отдохнешь от жары, окрепнешь. Я не могу без тебя, понимаешь, этого нельзя выразить словами.

— Ничего!.. — вздохнула она. — Умереть?.. Нет, мне не страшно! Ты дал мне счастье, я узнала, что значит счастье. И теперь не плачь, поцелуй меня, родной!

Он приник к ее губам. Как к живительному, утоляющему жажду источнику.

— Если я умру, ты должен жить, — шепнула она, слабея.

— Я не хочу жить без тебя!..

Она отвернула лицо к стене, слеза, скатившись, запуталась в волосах.

— Ты не должна думать о смерти! Доктор сказал... Покой и холод. Я увезу тебя на север. Ты не можешь меня оставить! Мы будем еще долго счастливы!..

— На север? Да, хорошо, — заметалась Елена. Мысли ее путались, она снова потеряла сознание. Но через минуту пришла в себя и неестественно высоким звонким голосом попросила:

— Отодвинь штору, Борис!

Он вздрогнул и, бросившись к окну, отодвинул гардину. В окно заглянуло небо, усыпанное крупными южными звездами.

— Звезды!.. — прошептала она, как в бреду. — Слишком много счастья для моего сердца!.. Борис... единственный!..

Елена приподнялась на кровати, руки ее взметнулись, словно хватая воздух. Вскрикнув жалобно, она упала на бок.

Сердце остановилось. Фиалковые озера глаз таинственно и неподвижно глядели вдаль, туда, откуда нет возврата.

— Он говорит по-французски?

— Как француз. Но никакого смирения, — покачала она головой. — Пойдите, взгляните на него, он лежит в седьмой палате. А мне пора, надо больных кормить. — Она вскочила и выкатилась из комнаты.

Я вышла тоже и направилась по коридору к указанной палате. Из полуоткрытой двери доносился стон. Я остановилась, но, видимо, мои шаги были услышаны, слабый детский голос позвал:

— Ама!

Я вошла.

Жанно лежал на спине, одеяло покрывало только ноги, а вся верхняя половина тела была забинтована. Его широко открытые черные глаза блестели.

— Пить, — прошептали сухие губы по-французски.

Я взяла с ночного столика стеклянный чайник и дала ему несколько капель. Он улыбнулся и закрыл глаза. Прямые, как щетки, длинные ресницы бросили темную тень на бледные, с желтизной, щеки.

— Тебе больно? — спросила я, положив руку ему на лоб.

— Мне сделали укол, — объяснил он, открыв и снова закрыв глаза.

Я безмолвно опустила на стул, стоящий рядом с его постелью, и тихонько гладила его жесткие, как конский хвост, прямые волосы. В этом правильном, еще по-детски округлом лице не было ничего типично китайского. Разве что иссиня-черные, смело раскинутые брови и кожа, той идеальной глянцевитой гладкости и янтарной чистоты, какая свойственна лишь азиатам.

— Мамап, — прошептал он, словно во сне, — вы, как Мамап...

Я сидела возле него до тех пор, пока он не уснул.

На следующий день, в полдень, я пошла навестить Жанно. В залитой солнцем палате он лежал так же неподвижно, как накануне, и напоминал мне попавшую в клетку пичугу.

— Добрый день, Жанно, ты меня не забыл? — спросила я, подходя к постели.

— Нет, — ответил он серьезно. Но выражение его лица не изменилось.

— Я принесла тебе шоколадку, хочешь?

Он отрицательно покачал головой.

— Я есть хочу, про меня все забыли.

— Не может быть! Почему ты не позвонишь и не попросишь вызвать сестру Анжелу, ты ведь ее знаешь?

— Звонок отрезали, — ответил мальчик, отвернув от меня голову, — сестра Анжела сама ножницами его срезала...

Я взглянула на стену: действительно, возле кровати болтался лишь обнаженный провод.

— Ты, наверное, шалил?

— Нет... Я, — он поколебался, — звонил долго: нажал и держал палец на кнопке. Никто не шел, а я все держал. Потом прибежала ама-Дениз, рассердилась и нажаловалась. Сестра Анжела тогда сказала: «Теперь жди, пока о тебе не вспомнят, а будешь шуметь — никто не придет совсем!»

— Это так, чтобы тебя напугать. Да и я ведь тут поблизости.

— Вы тоже не шли, — сказал он с упреком.

Я взяла его за руку. Рука была широкая, крепкая, под ногтями — черная кайма.

— Что вы тут делаете? — спросил он.

— Поправляюсь...

— Вы, как мама, — опять задумчиво повторил он. — Вы — тоже французенка?

— Нет, я — русская. Но я жила во Франции.

ПОЛУКРОВКА

Жанно привезли в госпиталь св. Терезы утром, а вечером положили на операционный стол: операция пересадки кожи прошла удачно.

Это мне рассказала сестра Анжела, забежавшая в мою палату перед обедом. Она пришла прямо из операционной, рукава ее просторной монашеской одежды были еще засучены, полные отвисшие щеки, подвязанные белой косынкой, горели от возбуждения. Пухлой рукой, в темных пятнах веснушек, поправила она сползшие на кончик утинового лоснящегося носа очки в железной оправе, вздохнула и присела на кончик стула. Я видела, что она утомлена, но торопится поделиться со мной историей нового пациента — Жанно.

Я узнала, что ему — только десять лет, что он сын богатого фабриканта Чжан-Фу и француженки (последнее обстоятельство особенно волновало старую монахиню), что живут они в провинции, вблизи Шанхая, и прислали мальчика одного на операцию, так как ожог на его груди не заживал и гноился.

— Они — католики, и вполне доверяют нашей монастырской больнице и доктору Клермон. К тому же мадам находится в ожидании прибавления семейства, а Чжан-Фу не может оставить фабрики.

— Но сам мальчик? Он боялся?

— Жанно? Это настоящий чертенок — гордый и упрямый. Ни одной жалобы, ни одного вопроса. Зубы сжал, кулаки сжал и молчит. Только попросил: «Пожалуйста, поскорее!»

В эту минуту в комнату, с подносом в руках, вошла Дениз, сухонькая, скуластая китаянка, с точно такими же, как у Жанно, жесткими прямыми волосами. Она выглядела необычайно угрюмой.

— А ты говорил, что тебя забыли, вот и завтрак принесли, — упрекнула я Жанно и тут же заметила, что лицо его стало злым.

Дениз поставила поднос на столик и подошла к мальчику с чашкой бульона в руках.

— Я не хочу есть из твоих рук, — сказал ей Жанно на своем безукоризненном французском языке.

Она что-то ответила ему по-китайски и поднесла ложку с бульоном к его сжатым губам. Он резко отвернул голову, и содержимое ложки вылилось на бинты.

Дениз прикрикнула на него по-китайски и замерла над его постелью, видимо, не зная, как быть. Жанно словно не понимал, упрямо храня молчание.

— Я накормлю его, — вмешалась я и взяла из рук Дениз чашку.

— Очень плохой мальчик, — бросила ама на ломаном французском и вышла.

— Грязная китаянка, — проворчал Жанно ей вслед и стал жадно есть. Я молча его кормила, но он игнорировал мое недовольство. Кончив есть, он вздохнул устало и попросил:

— Не уходите.

— Ты плохо себя ведешь, — покачала я головой. — Наверное, потому тебя и обварили, что ты был дерзким и непослушным.

— Нет, — возразил он, — просто я бежал по коридору и столкнулся с нашей амой, она несла миску с бульоном, ну, и весь кипяток на меня опрокинула. Сюда, — показал он на грудь.

— Ты очень кричал?

— Я не помню.

Мы опять замолчали. Он не по-детски задумался, а я ясно представила себе большой китайский дом за высокой оградой, окруженный садом, где задумчиво зеленеют пихты, бьют в камнях искусственные ключи, где разбиты в тенистых аллеях красные пагоды-беседки с причудливо изогнутыми крышами, тончайшим ажуром непревзойденного китайского мастерства. Перед моими глазами встал угрюмый дом с темными длинными коридорами, внутренними лестницами, парадными комнатами, где на стенах висят красные атласные панно, с иероглифами благоденствия и счастья, шелковые ткани, по которым тушью ажурно и тонко вырисованы озера, пагоды, лотосы. Курительные приборы из нефрита на низких круглых столиках, тяжелые вазы, рисованные от руки, может быть, столетия назад. Там паутина не снята ленивой прислугой, там пахнет сладковато и душно опиумом, пробивающимся из щелей нижних комнат, где живут старики... Там, скучная, бесцельно бродит хрупкая светловолосая французженка, отяжелевшая от беременности, с беспомощно опущенными нежными руками.

Я увидела ясно тот момент, когда неповоротливая ама, на маленьких забинтованных ножках, в ватных штанах и атласной курме, несла особо приготовленный на пару, золотистый куриный бульон, от которого шел густой пар, потому что в доме было холодно. Мне казалось, я слышу ее возглас в ту минуту, когда Жанно попал ей под ноги, и миска вылетела у нее из рук. Я слышала даже, как всплеснула руками женщина с большим животом и упала в обморок вместо того, чтобы оказать нужную помощь сыну... Как страшно было ей, должно быть, отпускать его одного в госпиталь.

— Я обещал маме, — вдруг сказал мальчик, словно подслушав мои мысли, — что не буду плакать. Мама говорит, что мужчины не плачут. Я ни разу не заплакал.

— Я знаю, Жанно, — не могла я не улыбнуться. — Надо написать об этом маме.

— Да, но нет карандаша.

— Когда можно будет тебе встать, я дам. Но разве ты умеешь писать?

— Да, мама сама меня учит.

— А иероглифы ты знаешь?

Он посмотрел на меня уголком глаза. Белки у него были совершенно голубые.

— Знаю. Ко мне учитель ходит. Мама говорит, что все надо знать. Когда я вырасту, — продолжал он мечтательно, — я возьму маму, и мы уедем во Францию.

— А как же папа?

— Он останется в Китае, — коротко ответил Жанно.

Он явно избегал говорить об отце. Он не хотел признать себя китайцем. Или это мне показалось?

Я хорошо помню то весеннее утро, когда он в первый раз встал с постели и прибежал ко мне, еще некрепкий в ногах, еще с забинтованной грудью, но уже одетый: в синих штанишках и бархатной курточке. Он оказался крупнее, чем я думала, и вовсе не походил на полукровка, — самый обыкновенный европейский мальчик, только не по годам развитой и несколько дикий. Дикость чувствовалась во взгляде — чуть исподлобья, в блеске белоснежных острых зубов, в горячем румянце, часто вспыхивавшем на смуглых щеках.

В тот день он очень надоел беготней и шалостями всему персоналу больницы. Он был так счастлив, что может двигаться, что не мог умерить прыти своих маленьких ног, резкости мальчишеского звонкого голоса. Чтобы спасти его от неминуемой неприятности, я решила взять его с собой гулять, и кстати, купить марки и отправить письма. Жанно очень обрадовался. Закусив губу, превозмогая боль, он натянул пальто, не застегивающееся из-за большой повязки на груди, и, вцепившись в мою руку, вышел со мной из госпиталя.

Госпиталь был расположен в предместьях Шанхая, среди китайского бедного поселка. Из десятка жалких фанз вылезли погреться на солнышке все старики и дети. Усевшись у края пыльной дороги, старая китаянка, с собранными на макушке жидкими прядками седых волос, искала на себе насекомых. Вокруг прыгали китайчата всех возрастов, одетые в отрепье, босые, с обнаженными в парше головами. По дороге гуляли китаянки помоложе, у некоторых на руках были годовалые дети, с нарумяненными, как яблочко, щеками. Мы прошли мимо них, мимо фанз и плетней, где сушилось белье и одежда. Мы шли к единственной, имеющейся в этих краях лавке. Продавец в засаленном черном халате стоял за прилавком, спрятав руки в рукава одежды, и с восточным равнодушием слушал мои объяснения, не давая себе труда их понять. Жанно тоже и не думал мне помочь. Только тогда, когда я вытасила письмо и показала пальцами, сколько и какой стоимости мне нужно марок, купец важно кивнул мне и не спеша стал доставать просимое. Пока я получала сдачу и наклеивала марки, нас окружила целая толпа китаянок и детей. Они бесцеремонно рассматривали меня и Жанно, перебрасывались какими-то замечаниями, видимо, на наш счет, и даже посмеивались. Мы бросили письма в стоявшую поблизости тумбу и пошли назад. Толпа последовала за нами.

— Те не знаешь, что они хотят от нас? — спросила я Жанно.

— Это всегда так, — ответил он загадочно.

— Что вам надо? — спросила я по-английски и остановилась. Китаянки тоже остановились, но ничего не ответили. Их было около десяти, и мне по-

казалось, что у всех у них какой-то особенно дикий, враждебный вид. Испытывая странную неловкость и тревогу, я повторила вопрос по-французски. Раздался смех. Я нахмурилась.

— Уходите, — крикнула я по-китайски единственное слово, которое знала.

Они отступили, продолжая посмеиваться, и вдруг одна из китайнок, лучше всех одетая и самая молодая, приблизилась еще ближе и спросила на ломаном французском языке:

— Мадам сын?

Я не успела ответить, как услышала ответ Жанно, меня удививший:

— Да.

Первый взрыв смеха заставил меня вздрогнуть. Хохотали все, даже дети, а одна из китайнок, в грязной рваной курме, протянула руку к Жанно и коснулась скрюченными от работы пальцами его волос.— Китаец, — сказала она уверенно.

— Китаец, — повторил хор остальных, и опять все дружно захохотали.

Я не успела осознать случившегося, как Жанно выпустил мою руку и бегом побежал к госпиталю. Я побежала за ним. Эта дико гоготавшая толпа вселила и в меня чувство животного ужаса.

Когда я оказалась за белой оградой, под защитой госпитального сада, то вздохнула с облегчением, но Жанно нигде не было видно. Целый день он точно избегал меня, и когда я зашла к нему, чтобы пожелать спокойной ночи, мы ни слова не сказали друг другу о происшедшем.

Наступил апрель. Приближалось наше прощание с Жанно. За ним должны были приехать в этот день вечером. Я нашла его в саду, на скамейке. Он сидел один, как нахохленная птичка, а солнце сияло, и распускались розы. Я погладила его жесткие черные волосы.

— Рад, что возвращаешься домой?

— Нет. Опять братья будут дразнить, мама — плакать.

— Разве у тебя есть братья? Почему ты мне никогда не рассказывал?

— Это папины дети. Они — злые. Пойдем гулять, — потянул он меня за рукав.

Вероятно, он подразумевал детей отца от первого брака с китайкой. Мне стало его мучительно жалко и захотелось его развлечь.

— Ты ни разу не видел морских свинок и белых мышей? — спросила я. — Пойдем посмотрим.

Забыв обо всем, Жанно запрыгал вокруг меня, и мы направились в глубь сада, где были владения сестры Клементины, наблюдавшей за зверьками для опытов и за оранжереей.

Сестра Клементина была китайка. Уже сорок лет, как она приняла постриг. Однако и в монастыре сохранила преданность земле, которая ее взрастила, и на которую так похожа была она сама: буровато-коричневая, в глубоких бороздах морщин, невозмутимая и покорная. Клементина смотрела на мир сквозь щелочки своих раскосых глаз, в которых светилась извечная земная мудрость. Было ей около семидесяти, но все свободное от молитв время она проводила за работой: вскапывала грядки, подрезала розы и азалии, поливала, полола... Говорила она по-французски прекрасно, как и все сестры монастыря, но в ней было что-то не поддающееся учету, таинственное, глубоко чуждое всему европейскому...

Возле клеток со зверьями сестры Клементины не было, и мы с Жанно долго и пристально рассматривали белых крыс, которые, цепляясь розовыми коготками за решетку клетки, показывали нам розовые голые брюшки, любовались пушистыми кроликами, с глазами страдальцев за правду и длинными ушками бархатных игрушек, удивлялись сонной лени тупых морских свинок, забившихся в сено.

Сестра Клементина подошла к нам неслышно в своих войлочных туфлях. Я заметила, что оживление на лице Жанно потухло.

— Чей это мальчик? — спросила она после того, как мы поздоровались.

— Это Жанно, — чуть подтолкнула я его вперед.

— Пойдем обратно, — прошептал он и по-детски дернул меня за рукав.

— Он хоть и дикареньш, — продолжала я, не обращая внимания на его просьбу, — но смелый мальчик. Он прожил в госпитале три недели совсем один.

Сестра Клементина внимательно его рассматривала. Жанно упрямо глядел на пыльные носки своих ботинок.

Подняв за подбородок лицо мальчика, она что-то спросила его по-китайски.

Жанно поднял на нее глаза: их глаза встретились, во взгляде мальчика я прочла вражду.

— Я не разговариваю по-китайски, — сказал Жанно, отчетливо артикулируя каждое слово.

Она первая отвела глаза, чуть оттолкнула мальчика за плечи и сказала, обращаясь ко мне, бесстрастным тусклым голосом:

— Я хорошо знаю Чжан-Фу — его отца, наши земли находятся рядом. Чжан-Фу я помню мальчиком. Но я не понимаю, — повернулась она к Жанно, — почему ты не признаешь себя китайцем?

Лицо Жанно залил румянец, на глазах выступили слезы. Подняв высоко голову, он сказал очень громко, очень твердо:

— Я — не китаец. Я — как мама. Я — француз.— И, круто повернувшись, побежал от нас.

Я побежала за ним, догнала, обняла за плечи. Но он оттолкнул меня, лицо его было все в слезах.

— Уйдите! — крикнул он с отчаянием. — Вы тоже смеетесь надо мной, потому что я — полукровка! □

Последняя любовь

ИМПЕРАТОРА

На придворном балу в Зимнем дворце она взяла с подноса бокал оранжада и мечтательно произнесла, обращаясь к императорской чете: — Как только мои дочери, великие княжны, подрастут, я привезу их в Петербург и стану давать балы... Государыня промолчала и повернулась к ней спиной. Государь-император Александр III произнес в ответ ледяным тоном всего лишь

одну короткую фразу: — На вашем месте я бы заперся в монастыре, вместо того, чтобы давать балы.

Бокал выпал из рук княгини Юрьевской, и осколки со звоном разлетелись по сияющему паркету. Она побледнела, покачнулась, но тут же взяла себя в руки, коротко присела в реверансе и покинула бал. В карете она дала волю жгучим слезам

обиды. Если бы судьба была к ней более благосклонна, если бы она не овдовела так внезапно и трагично десять лет тому назад, эти император с императрицей так и остались бы лишь «высочествами», ее пасынком и падчерицей, а она... Она была бы государыней-императрицей Екатериной Михайловной, первой по-настоящему русской императрицей.

Известно, что рождение Александра в 1818 году привлекло к себе особое внимание всего русского общества. Отец его, великий князь Николай Павлович, третий сын императора Павла I, занимал в то время более чем скромное положение и даже не помышлял о престоле. Однако, поскольку оба старших брата не имели наследников, в лице его сына род Романовых получил долгожданное продолжение.

В детстве Александр отличался живостью, быстротой и сообразительностью. Воспитатели отмечали в нем сердечность, чувствительность, веселый

нрав, хорошие манеры и красивую внешность. Но вместе с тем признавали, что цесаревичу недостает настойчивости в достижении цели, он легко пасует перед трудностями, не имеет характера и воли.

Еще одной отличительной чертой Александра была чрезмерная влюбчивость, при этом любое, даже мимолетное увлечение он воспринимал с полной серьезностью и склонен был считать его «любовью всей жизни».

В двадцатилетнем возрасте Александр действительно пережил очень сильное любовное увлечение. Предметом его страсти стала фрейлина Ольга Калиновская, полька по происхождению, которая, по отзывам современников, вовсе не отличалась красотой, но обладала вкрадчивостью и нежностью. Он уже готов был отказаться от трона, чтобы жениться на ней. Такого мезальянса его родители допустить не могли — и не допустили. Ольгу срочно выдали замуж за польского аристократа, а Александра отправили в длительное заграничное путешествие.

Отличительной чертой Александра была чрезмерная влюбчивость, при этом любое, даже мимолетное увлечение он воспринимал с полной серьезностью и склонен был считать его «любовью всей жизни»

*Александр II,
княгиня Юржевская
и их дети*

Если бы брак английской королевы с ее кузеном не был решенным уже делом, кто знает, какой могла бы быть мировая история...

В конце апреля 1838 года Александр отправился в дальний путь, одной из целей которого, кстати, был поиск подходящей невесты при каком-нибудь европейском дворе. Он посетил Скандинавию, Австрию, объехал все итальянские и германские государства.

А в марте 1839 года наследник остановился на ночлег в маленьком, окруженном садами и парками Дармштадте, где по его маршруту остановка вовсе не была предусмотрена. Специально для цесаревича был снят отель, так как Александр, сильно утомленный визитами к многочисленным германским князьям, категорически отказался ночевать в замке герцога Гессенского. Но от судьбы, как известно, не уйдешь.

Вечером цесаревич отправился послушать оперу, и здесь его встретила вся герцогская семья. Дочь герцога Мария, которой было тогда всего 15 лет, буквально сразила Александра своей красотой и грацией. После представления он принял приглашение к ужину, много разговаривал, смеялся и, вместо того, чтобы спешить с отъездом, согласился завтракать у герцога.

Отправляясь спать, Александр сказал сопровождавшим его адъютантам: — Вот о ком я мечтал всю жизнь. Я женюсь только на ней.

Он тут же написал отцу и матери, прося у них позволения сделать предложение юной принцессе Гессенской.

Сказать, что родители цесаревича были ошеломлены — значит, ничего не сказать. Из всех более или менее подходящих кандидатур на роль жены наследника русского престола Александр умудрился выбрать наименее подходящую. Происхождение принцессы Марии было сомнительным: ее мать, к тому времени уже покойная, длительное время состояла в почти открытой любовной связи с бароном де Гранси, швейцарцем французского происхождения, который был шталмейстером герцога Дармштадского.

Правда, сам герцог признал Марию своей дочерью, но за девушкой прочно укрепилось нелестное прозвище «признанной принцессы». Император Николай ответил сыну довольно уклончиво, рекомендуя продол-

жать намеченное путешествие, и только потом серьезно думать о предложении руки и сердца... не обязательно принцессе Дармштадтской.

Пылкий и импульсивный, Александр обратился уже непосредственно к матери, зная о том влиянии, которое она имела на властного и непреклонного царственного супруга:

«Милая Мама, что мне до тайн принцессы Марии! Я люблю ее, и я скорее откажусь от трона, чем от нее. Я женюсь только на ней, вот мое решение!»

Это уже было серьезно. Полетели секретные письма от Императора Николая I к сопровождавшему цесаревича в зарубежной поездке графу Орлову.

Но, пока шла переписка, пока родители Александра пытались найти какой-то выход из сложившегося деликатного положения, сам он, как ни в чем не бывало, продолжил свое «турне» и, оказавшись в Англии, сразил наповал юную королеву Викторию. Если бы брак английской королевы с ее кузеном, герцогом Альбертом Саксен-Кобург-Готским не был уже делом решенным, кто знает, какой могла бы быть мировая история...

Принцесса из Дармштадта долго и терпеливо ждала своего Прекрасного Принца и дождалась... Императорский двор принял ее, отдавая должное красоте и прекрасным душевным качествам принцессы

Оба были молоды, хороши собой, весна кружила головы всем, а не только августейшим особам... В общем, о принцессе Марии Александр почти забыл и вспомнил только тогда, когда получил очередное письмо от родителей с предложением вернуться в Россию и окончательно определиться с выбором невесты.

23 июня цесаревич вернулся в Петербург, где подтвердил свое решение жениться на принцессе Дармштадтской или вообще отказаться от короны. Пока родители пытались найти достойное решение проблемы, Александр заводил один скоропалительный роман за другим, благо недостатка в хороших фрейлинах при русском дворе никогда не было. Опасаясь повторения истории с Ольгой Калиновской, император и императрица, наконец, сдались — Мария все-таки была принцессой.

В марте 1840 года Александр поехал за своей невестой в Дармштадт, а в декабре того же года Мария была крещена по православному обряду и стала великой княжной Марией Алексеевной. Венчание состоялось 16 апреля 1841 года. Принцесса из Дармштадта долго и терпеливо ждала своего Прекрасного Принца и дождалась... Императорский двор принял ее, отдавая должное красоте и прекрасным душевным качествам принцессы.

Император Николай при жизни полностью заслонял и подавлял своей личностью сына, тот всегда оставался лишь послушным исполнителем воли своего родителя. Но 18 февраля 1855 года Николай скоропостижно скончался, и уже на другой день Александр взошел на престол. 26 августа в Успенском соборе Москвы произошла коронация. По случаю праздника Александр на три года отменил рекрутскую повинность, простил недоимки, амнистировал или облегчил участь большого числа преступников, в том числе декабристов. Оставшимся в живых участникам восстания были возвращены имения и титулы.

К моменту вступления Александра II на престол супруга родила ему шестерых детей, всего же она рожала восемь раз. После сорока императрица стала страдать острыми сердечными приступами. Как и следовало ожи-

дать, частые беременности и роды подорвали ее и без того хрупкое здоровье, к тому же она с трудом переносила суровый петербургский климат. Наконец, врачи вынесли свой вердикт: императрица больше не может иметь детей, очередная беременность просто сведет ее в могилу.

Тогда это означало только одно: прекращение супружеских отношений. Физическая сторона близости мало волновала императрицу: сильным темпераментом она никогда не отличалась. Но последовавшее слишком скорое полное охлаждение к ней императора нанесло ей тяжелую душевную травму. Гордая, она молча страдала, продолжая сохранять чувство благодарности к человеку, подарившему ей свою первую любовь и сделавшему из нее, незначительной принцессы, императрицу-повелительницу всея Руси.

Подобно своему отцу, Александр в сорок лет оказался соломенным вдовцом. Одну за другой он сменил нескольких любовниц. Все это были безупречные красавицы, но они не могли заполнить пустоты, которая как-то незаметно возникла вокруг императора.

Роман сменялся романом, увлечение — увлечением. Одно время казалось даже, что он захвачен серьезным чувством. Александр увлекся молодой двадцатилетней девушкой, столь же замечательной своим умом, как и красотой, княжной Александрой Сергеевной Долгорукой. Ясность ее ума и твердость характера часто заставляли Александра II настойчиво следовать по избранному им пути решительных преобразований. При дворе ее полушутя-полусерьезно называли «Великой мадемуазелью». Влияние княжны Долгорукой на императора оказалось столь сильным, что он был вынужден выдать ее замуж за старого генерала Альбединского, назначив его Варшавским губернатором.

В апреле 1865 года Александр перенес жестокий удар и как человек, и как император. В Ницце от спинномозгового менингита умер его старший сын Николай — юноша, которому только что исполнился 21 год, успешно завершивший образование, нашедший себе невесту, намеревавшийся начать государственную деятельность в качестве помощника и будущего преемника своего отца. Новым наследником престола был объявлен второй сын императора, великий князь Александр Александрович. И по способностям, и по образованию он откровенно не соответствовал своему высокому назначению, поэтому император не мог не испытывать тревоги за будущее России.

Наиболее тяжело смерть великого князя Николая сказалась на императрице. Она любила его особенно, занималась его образованием, неизменно приглашала на вечера в свою гостиную. Между матерью и сыном была глубокая внутренняя связь. После того, как сын скончался у нее на руках, императрица замкнулась в своем горе, здоровье ее еще более пошатнулось.

Но судьба была к ней безжалостна. Если она сумела убедить себя, что физические измены мужа — это просто досадная неизбежность, то страх за его жизнь преследовал ее постоянно. В молодости Александру предсказали, что ему предстоит пережить шесть покушений, а погибнет он в результате седьмого. Меньше чем через год после смерти старшего сына предсказание начало сбываться.

4 апреля 1866 года Александр, закончив обычную прогулку по Летнему саду, вышел за ворота, чтобы сесть в коляску. Неожиданно к нему подошел молодой человек, выхватил револьвер и направил прямо в грудь. Нападение было столь неожиданным, что должно было окончиться трагически, но стоявший неподалеку картузник Осип Комиссаров успел ударить убийцу по руке, и пуля пролетела мимо. Жандармы схватили покушавшегося и подвели к экипажу императора.

— Ты — поляк? — прежде всего спросил Александр.

— Русский, — ответил террорист.

— Почему же ты стрелял в меня? — удивился император.

— Ты обманул народ, — отвечал тот, — обещал ему землю, а не дал.

Вскоре выяснилось, что революционера звали Дмитрий Каракозов. Он был членом «Московского кружка», одного из осколков разгромленной прежде

«Земли и воли» Чернышевского. Кружок состоял из учащихся и студентов, готовившихся к насильственному перевороту и активно пропагандировавших социалистическое учение. Каракозова приговорили к казни через повешенье.

Императрица слегла от пережитого волнения, а император... Император успокоился, встретившись со своей новой возлюбленной, которая пока еще не стала его любовницей, хотя и отвечала взаимностью на чувства венценосного воздыхателя. Звали девушку Екатериной Долгорукой, она принадлежала к одному из знатнейших княжеских родов России и была моложе императора всего-навсего... на тридцать с лишним лет.

Это началось весной 1865 года. Прогуливаясь в Летнем саду, Александр заметил молодую девушку, грациозную, модно одетую, с румянцем во всю щеку, с большими лучистыми глазами. Император знал ее давно, с 1857 года, когда она была еще совсем девочкой, и запомнил озорные темные глаза и роскошную косу. Теперь, очарованный ее свежей красотой, он начал ухаживать

Гордая, императрица страдала молча, продолжая сохранять чувство благодарности к человеку, подарившему ей свою первую любовь и сделавшему из нее, незначительной принцессы, императрицу — повелительницу Всея Руси

за ней, увлекаясь все больше и больше. Ему удалось постепенно пробудить встречные чувства, но отношения влюбленных долгое время оставались платоническими, им нужно было пройти через многие испытания, прежде чем их влечение превратилось в всепоглощающую страсть. Покушение на императора стало одним из таких испытаний...

В ночь с первое на второе июня в Петергофе, в павильоне «Бабигон», состоялось первое любовное свидание. Расставаясь со своей возлюбленной, Александр дал клятву, что женится на ней сразу, как только станет свободен.

При дворе, естественно, вскоре узнали о новом романе императора, но сначала расценили его как очередное увлечение. Всерьез об увлечении Александра II княжной Долгорукой заговорили в салонах и дворцах Петербурга только в 1867 году. К этому времени царь-реформатор был уже крайне измучен и утомлен властью и, по словам приближенных к нему лиц, «переставал быть царем, как только заканчивал прием своих министров и снимал парадный мундир». Двадцатилетняя княжна покоряла юной свежестью, кротостью и вкрадчивостью манер, за которыми таилась нежная, впечатлительная натура.

При дворе она появлялась редко — лишь по случаю больших выходов и придворных балов. В свете слыла весьма хорошенькой: невысокого роста, ладная, с великолепным цветом лица, приятным оттенком русых волос, придающих мягкость ее чуть высоковатому надменному лбу.

Скоро в поведении императора стали находить все больше странностей. Его милость к устроителям балов в честь фаворитки, его невероятная терпимость к разведенным дамам, которые особенно часто появлялись при дворе в отсутствие государыни, будоражили город. Как по мановению волшебной палочки, стало расти число разводов, в близких к трону кругах шумели скандалы.

*Императрица
Мария
Алексеевна*

— Такое нынче время, — сетовал император и... узаконивал внебрачные связи.

Окружение императора считало, что роман с княжной Долгорукой — очередная «галантная блажь» монарха, даже самые приближенные к императору лица не предполагали серьезного оборота дела. Никто не одобрял эту связь — ни общество (авторитет императрицы в глазах света был чрезвычайно велик, ее жалели, втихомолку осуждали императора и громко роптали на княжну), ни родственники княжны...

В мае 1867 года император с двумя сыновьями — Александром и Владимиром — прибыл на Всемирную выставку в Париж, где их встречал Наполеон III. Александр поселился в Елисейском дворце в тех же апартаментах, которые в 1814 году занимал Александр I. В честь высокого гостя в Тюильри был дан бал и спектакль в Опере, а затем последовало посещение выставки.

Увы, французское общество было враждебно настроено по отношению к России. При появлении Александра на улицах Парижа часто раздавались

Княжна Долгорукая слыла хорошенькой: невысокого роста, ладная, с великолепным цветом лица, приятным оттенком русых волос, придающих мягкость ее чуть высоковатому надменному лбу

дерзкие демонстративные крики: «Да здравствует Польша!» Польские эмигранты то и дело устраивали демонстрации.

25 мая в честь русского государя был устроен смотр войск. По его завершении Александр, Наполеон и свиты обоих императоров неспешно и торжественно поехали к городу через Булонский лес. Оба императора сидели в открытой коляске, как вдруг раздался выстрел. Пуля угодила в лошадь французского шталмейстера. Террориста схватили. Им оказался польский эмигрант Антон Березовский.

Второе покушение подействовало на Александра удручающе. Все знаки сожаления и симпатии, все старания французского императора и императрицы Евгении не смогли рассеять его дурного настроения. Оно еще более усугублялось из-за неудачных переговоров: несмотря на внешнюю любезность, Наполеон отказался пересматривать условия унижительного Парижского мирного договора 1856 года, согласно которому России запрещалось держать флот на Черном море.

Но был и положительный момент: узнав о покушении, Екатерина Долгорукая примчалась в Париж, чтобы быть рядом со своим возлюбленным. Ей уже было глубоко безразлично как мнение общества, так и недовольство родных. Александр возвратился в Петербург с твердым намерением больше никогда не расставаться со своей возлюбленной. Помимо большой, официальной семьи, он как бы обзавелся второй, «малой».

В сентябре 1872 года княжна Екатерина сообщила императору, что беременна. В положенный срок она родила мальчика, которого назвали Георгием. На следующий год родилась дочь Ольга. Еще через год Александр специальным указом пожаловал своим внебрачным детям титул светлейших князей Юрьевских.

Государыня узнала обо всем от самого императора. Что императрица думала по этому поводу, можно только гадать. Даже в самые тяжелые часы жизни она никому и словом не обмолвилась о связи мужа.

Через десять лет Екатерина Долгорукая тайно переселилась в Зимний дворец. Княжна заняла небольшие покои прямо над покоями государыни. Последней часто приходилось слышать над головой крики и шаги детей. Иногда это случалось в то время, когда государыня совершала свой туалет. Мария Александровна резко менялась в лице, однако редкостным усилием воли тут же подавляла пронзавшую ее боль. Для присутствующих, служанок

или парикмахера, она находила естественное объяснение странных звуков. В 1878 году княжна Долгорукая родила здесь вторую дочь, Екатерину.

Тем временем покушения на Александра делались все более дерзкими. Третья попытка убить его была предпринята 20 апреля 1879 года. В десятом часу утра государь совершал свою обычную прогулку: он шел по Миллионной, Зимней канавке и Мойке, а потом повернул на площадь Гвардейского штаба. Навстречу ему попался высокий молодой человек в чиновничьей фуражке. Разминувшись с ним, Александр обернулся и увидел в руках незнакомца револьвер. Мгновенно сообразив, в чем дело, он бросился бежать зигзагами в сторону Певческого моста. Убийца кинулся следом, стреляя на ходу. Прежде чем его схватили, он успел выстрелить пять раз, но не попал ни разу. Стрелявшим оказался бывший студент Петербургского университета, 33-летний Александр Соловьев. Он тоже был повешен. А в августе смертный приговор императору вынес Исполнительный комитет «Народной воли». С этого момента охота за Александром приняла крайне жесткие формы.

В декабре 1879 года террористы устроили взрыв на пути следования царского поезда из Ливадии в Москву. По ошибке они подорвали бомбу не под императорским поездом, а под тем, на котором следовала царская свита. Сам Александр остался невредим, но понимал, что с каждым новым покушением шансов на спасение становится все меньше. Петербург был слишком велик, и полиция не могла гарантировать безопасности всем членам императорской семьи за пределами их дворцов.

Великие князья просили государя переселиться в Гатчину, но Александр наотрез отказался покинуть столицу и изменить маршруты своих ежедневных

В молодости Александру предсказали, что ему предстоит пережить шесть покушений, а в результате седьмого он погибнет. Меньше чем через год после смерти старшего сына это предсказание начало сбываться

прогулок и воскресные парады войск гвардии. Дальнейшие события показали, что и во дворце император уже не мог чувствовать себя в безопасности.

5 февраля 1880 года в шесть с половиной часов вечера, когда Александр, окруженный семьей, беседовал в своих апартаментах с приехавшим в Петербург братом императрицы, принцем Александром Гессенским, раздался страшный удар: дрогнули стены, потухли огни, запах, горький и душный, наполнил дворец. Александр понял, что это очередное покушение. Первым его движением было бежать в комнаты Екатерины Долгорукой. К счастью, та была жива и столкнулась с ним на лестнице.

Что же произошло? Несколько пудов динамита, оказывается, было взорвано под помещением главного караула. Террористы надеялись, что взрыв разрушит царскую столовую, где как раз в это время должен был обедать император со своими родственниками. К досаде революционеров, государь опоздал к обеду на полчаса. Впрочем, взрыв все равно не одолел крепкой

перед Божьим соизволением! Велите собираться, завтра поутру мне надо быть в Каннах, отсюда — в Санкт-Петербург, хватит, засиделась у моря. Хочу умереть дома, в своей постели, на родной земле, под родными облаками. Вы знаете, нигде нет такого высокого неба, как в России, и таких теплых и мягких облаков! — Тень мечтательной улыбки коснулась бескровных губ государыни. — Скажите его величеству, что я завещаю похоронить меня в простом белом платье, без короны на голове и прочих царских регалий. Там, под теплыми и мягкими облаками, мы все равны перед Царем Небесным, в Вечности нет различий чина. Вы скажете, милый доктор?

Свою жизнь и жизнь государства император готов был положить к ногам единственной женщины, к ногам княжны Долгорукой. Никто не знал, что после коронации Екатерины император намеревался отречься от престола и уехать за границу, чтобы прожить остаток жизни с любимой женщиной, не стесненным высоким долгом и обязанностями монарха

В августе 1879 года смертный приговор императору вынес исполнительный комитет «Народной воли». С этого момента охота за Александром приняла крайне жесткие формы

дворцовой постройки, опустился только пол столовой, попадала мебель и лопнули стекла.

Император отнесся и к этому покушению стоически. Зато императрицу пришлось срочно увозить на Лазурный берег, к солнцу и теплу. На сей раз ее здоровью был, по-видимому, нанесен самый сокрушительный удар, от которого она так и не оправилась...

Осенью лейб-медик Боткин, сопровождавший императрицу и неотлучно находившийся при ней, осмелился заговорить о том, о чем ее ближайшее окружение предпочитало вообще не заговаривать.

— Смею настоятельно просить ваше императорское величество не возвращаться на зиму в Санкт-Петербург и вообще — в среднюю полосу России. В крайнем случае — Крым. Для ваших изнуренных легких и сердца, ослабевшего от нагрузок, климат Санкт-Петербурга губителен, смею уверить! Ваша вилла во Флоренции давно готова и ожидает вас. Да и новый дворец в окрестностях Ливадии — весь к услугам вашего императорского...

— Скажите, Сергей Петрович, — внезапно перебила врача императрица, — удержать меня здесь, вдали от России, вас просил государь? Он не хочет, чтобы я возвращалась?

Тонкие, исхудавшие пальцы смертельно больной женщины нервно барабанили по подоконнику высокого итальянского окна виллы, выходившего прямо на морское побережье.

— Никто не смел бы удерживать ваше императорское величество здесь, в Ницце, против вашей августейшей воли. Но государь, только неустанно беспокоясь о бесценном здоровье вашего величества, настоятельно просил бы вас...

— Бросьте эти реверансы, Сергей Петрович! От моего бесценного здоровья остались крохотные капли, а от августейшей воли — одно смирение

Вместо ответа лейб-медик лишь почтительно прижал к губам маленькую горячую ладонь с прожилками вен и лихорадочно бьющимся пульсом...

Императрица вернулась в Санкт-Петербург в безнадежном состоянии. В Зимнем дворце даже устроили герметически закрывающуюся камеру, в которой государыня должна была часами принимать ингаляции, но с наступлением теплых дней больная уже не смогла переехать даже в Царское Село. Туда уехал один император, но все знали, что с ним — княжна Долгорукая и их дети.

— Я сама умоляла государя уехать, — лежа на смертном одре, выгораживала мужа императрица, — свежий воздух и отдых пойдут ему на пользу.

Александр навещал жену почти каждый день, все чаще заставая ее в полудреме и болезненных галлюцинациях. 21 мая императрица была совсем слаба. Александр II захотел провести ночь в городе, однако Боткин заверил его в том, что дни Марии Александровны еще не сочтены. Но именно этой ночью, пока весь дом спал, она тихо умерла.

Погребение состоялось согласно принятому церемониалу, но без торжественности, что неприятно поразило весь двор, да и всю Россию тоже.

А через месяц по городу поползли новые слухи. Будто бы «добрый и сердечный государь» даровал княжне Долгорукой титул светлейшей княгини Юрьевской. Дыма без огня не бывает, и эти слухи были действительно правдивы, хотя представляли собой лишь верхушку айсберга.

4 июля в Царском Селе император вызвал к себе графа Адлерберга и объявил о своем решении венчаться.

— Княжна многим пожертвовала ради меня, — сказал он. — От этой связи родились дети, и, наконец, сделать это мне велит чувство долга.

Граф растерялся. В первую минуту он не находил слов, способных убедить императора. Он принялся умолять государя отказаться от решения, в противном же случае — отречься от престола.

*Князя
Юрьевские*

Напрасно рисовал негодующий граф последствия рокового поступка, напрасно пугал падением престижа, грозил возмущением и даже презрением общества. Свою жизнь, жизнь государства император готов был положить к ногам единственной женщины, к ногам княжны Долгорукой, то есть — княгини Юрьевской.

— Венчание назначено на послезавтра, — произнес он.

Через два дня Александр II венчался с княжной Долгорукой. Обряд совершился в походной церкви, размещенной в одном из залов Большого Царскосельского дворца. Получивший строгие указания священник трижды повторил, что венчается не просто «раб Божий Александр», а государь-император. Александр хотел таким образом достойно отблагодарить Екатерину за четырнадцать лет терпеливого ожидания и любви. В тот же день Александр II подписал в сенате акт, извещающий о вступлении его в

Александр скончался, как ему и предсказывали, в результате седьмого покушения на его жизнь. Сделав для России больше, чем все его предки после Петра Великого, он не заслужил ни любви современников, ни благодарности потомков

морганатический брак с княжной Долгорукой с предоставлением ей титула светлости и имени княгини Юрьевской. То же имя и титул получили дети: сын Георгий, восьми лет, и дочери — Ольга, семи лет, и Екатерина, двух лет, со всеми правами законных детей, следуя статьям Свода законов Российской империи.

И только после этого государь пригласил к себе наследника-цесаревича с супругой, чтобы объявить им о случившемся. Сказала свое слово и Екатерина:

— Император пожелал сделать меня своей супругой, я вполне счастлива и никогда не позволю себе выйти из своей скромной роли.

Наследник и цесаревна стояли, как громом пораженные, не в силах что-либо произнести.

На прощание император пригласил их в Крым, куда намеревался отбыть через четыре дня со своей новой семьей.

По возвращении из Крыма княгиня Юрьевская начала готовиться к коронации. Она уже заказала в Париже мантию, и многие приближенные государя видели шифр для фрейлин Екатерины III, придуманный им самим.

Но никто не знал, что после коронации Екатерины император намеревался отречься от престола и уехать за границу, чтобы прожить остаток жизни рядом с любимой женщиной, не стесненным высоким долгом и обременительными обязанностями монарха. Сама Екатерина тоже об этом не подозревала.

А на улицах Петербурга, между тем, нередки стали «подозрительные личности» — в широкополой мятой шляпе, в темных очках, с длинными волосами, всклокоченной бородой и непременным пледом поверх изношенного пальто. Ходили слухи, что карманы их напичканы бомбами. Им даже прозвище придумали — «бомбисты».

Теперь уже император появлялся в городе не иначе, как мчась во всю прыть в закрытой карете, окруженной эскортом казаков. Он словно убежал

от недовольства петербургского света, от капризов молодой супруги, от самого себя, наконец, потому что в минуты прозрения ясно видел, что его не одобряют ни люди, ни Бог.

Катастрофа произошла у набережной Екатерининского канала, 1 марта 1881 года, когда ничем не примечательный молодой человек швырнул в карету императора какой-то сверток. Страшный взрыв бомбы убил мальчика-разносчика, случайно проходившего со своей корзиной, и разрушил карету императора. Привлеченный видом несчастного, Александр II вышел. Он встал у перил набережной и прислонился к ним. В это время двое полицейских схватили какого-то человека. Император окликнул их и приказал подвести его к себе.

— Оставьте, — обратился он к полицейским.

— Это ты бросил бомбу? — спросил император и укоризненно добавил, сильно картавя: — Хогош, хогош!

Подведенный выхватил из-за пазухи снаряд и бросил его под ноги царя... Через несколько часов Александр скончался от потери крови, не приходя в сознание. Скончался в результате седьмого покушения на его жизнь.

Похороны состоялись ровно через неделю после убийства. Раздались глухие выстрелы пушек, послышался погребальный гул колоколов, поскакали на конях в разные стороны церемониймейстеры и ординарцы. Траурная колесница везла гроб Александра II, покрытый золотой парчой. Существовала сентиментальная легенда, будто бы в нем лежали отрезанные княгиней Юрьевской ее чудные волосы...

Вот так оборвалось царствование Александра II. Сделав для России больше, чем все его предки после Петра Великого, он не заслужил за это ни любви современников, ни благодарности потомков.

Оправившись от горя, княгиня Юрьевская выехала с детьми во Францию. Поселилась она в Ницце, не нуждаясь в средствах, ибо была достойно обеспечена императором еще при его жизни. Иногда княгиня приезжала в Россию. Поначалу молодая императорская чета была внимательна и участлива к ней. Но шло время, все менялось, изменилось и отношение ко вдове императора. Тогда и произошла та унижительная для княгини сцена на дворцовом балу.

На следующий же день княгиня Юрьевская покинула Россию и больше никогда не возвращалась. Она пережила своего мужа, императора Александра II, на... тридцать с небольшим лет и умерла в 1922 году в полном забвении.

Печальный конец одной из самых прекрасных историй любви... □

*Убийство
Александра II
1 марта 1881 г.*

ПРЕДСМЕРТНОЕ признание

Окончание. Начало в № 5, 2008

Глава 11

Шейну понадобилось целых полчаса и три рюмки коньяка, прежде чем боль за левым ухом слегка утихла, и он почувствовал себя в состоянии обсуждать с Уиллом Джентри обстоятельства смерти Джаспера Грота.

Когда рыжий детектив без стука распахнул дверь, шеф был в своем кабинете один. Подняв голову от заваленного бумагами стола, Джентри проворчал:

— Еще полчаса, Майк, и я бы послал за тобой своих ребят.

— С какой стати? — Шейн осторожно уселся на стул с прямой спинкой рядом со столом Джентри.

— Из-за Джаспера Грота, вот с какой! Из-за его связей с Хоули. Я хочу знать все, и на этот раз — без уверток.

— Конечно, Уилл. — Шейн откинулся на спинку стула, сцепив руки на затылке, чтобы хоть как-то облегчить боль. — Только сначала расскажи подробнее, что известно тебе, а уж тогда я выложу все остальное.

— Нам известно чертовски мало. У нас есть таксист, который вчера около восьми вечера посадил к себе в машину Грота у его дома и доставил к поместью Хоули. Поперек подъездной дорожки была натянута цепь, поэтому такси не могло подъехать к дому. Грот вышел из машины, и с этого момента его больше никто не видел. А уж эти Хоули! — Джентри сердито фыркнул. — Компания сумасбродов! Старуха спокойно заявляет, что не знала и знать не желает никакого Грота. И это после того, как он несколько дней ухаживал за ее сыном на плоту и был последним, кто видел его живым. Что это за мать, спрашивается?!

— Насколько я понял из сегодняшнего разговора, она никак не может смириться с тем, что Грот и Каннингем выжили, а ее сын — нет.

— Ну и что? Ладно бы, только она, а тут еще эта Беатрис...

— Да, действительно, — с серьезным видом поддакнул Шейн, но его глаза насмешливо блеснули.

— Она признает, что просила Грота встретиться с ней вчера вечером около ее дома, но не говорит — зачем. И вообще невозможно понять, что у нее на уме — все эти идиотские смешки...

— Ну, ладно, — перебил его Шейн. — Значит, Грота пристукнули после того, как он вышел из машины, но до того, как его видел кто-нибудь из Хоули...

— Если верить их словам.

— Вот-вот, если верить их словам.

— А как насчет этой самой миссис Уоллес, которая сегодня утром заявила к Гротам? Миссис Грот говорит, она утверждала, что ей вчера позвонил Джаспер и договорился о встрече... обещал дать какую-то информацию о ее муже, который пропал год назад. Тебе что-нибудь об этом известно? Насколько я понимаю, миссис Грот посылала ее к тебе для консультации...

— Так-то оно так, — вздохнул Шейн, — но я знаю об этом не больше твоего. — Коротко пересказав ему историю, услышанную утром от миссис Уоллес, он продолжил: — Самое вероятное, что Альберт Хоули что-то знал об исчезновении Уоллеса и перед смертью все рассказал Гроту. Тот собирался передать это миссис Уоллес сегодня утром, но не успел — его стукнули по голове и бросили в залив.

— И где-то неподалеку от дома Хоули, скорее всего там, где он должен был встретиться с Беатрис, — подчеркнул Джентри.

Шейн кивнул.

— Тут есть еще один аспект, Уилл. Ты читал сегодняшнюю «Ньюс»? Я имею в виду статью о дневнике Грота, который они собираются опубликовать. Там говорится, что это будет подробный, чуть ли не поминутный отчет о времени, проведенном на спасательном плоту. Вполне логично предположить, что Грот также записал слово в слово и то, что сказал ему перед смертью Альберт Хоули. Выходит, если кто-то убил Грота, чтобы тот не смог рассказать миссис Уоллес правду о ее муже, он должен был испытать настоящий шок, когда прочел в газете, что дневник Грота будет напечатан полностью.

— И кто бы это ни был, теперь он начнет охотиться за дневником, — подхватил Джентри.

— Про который известно, что он находится у Джоэла Кросса, репортера «Ньюс». Кстати, Уилл, ты не говорил с ним по этому поводу?

— С Джоэлом Кроссом? — Джентри раскурил сигару и с наслаждением принялся к голубому дымку. — Нет. А зачем?

— Насколько мне известно, сегодня кто-то обыскивал его номер в отеле... и, как мне кажется, искал именно дневник. — Шейн встал и пожал плечами. — Вот и все, Уилл. Как и обещал, я выложил все, что знаю. — С этими словами он направился к двери.

— Ну-ка, Майк, стой, — окликнул его Джентри.

Шейн остановился и осторожно повернул голову, словно боялся, что она отвалится.

— Если предположить, что Альберт Хоули рассказал Гроту об исчезновении Леона Уоллеса что-то такое, что могло ударить по всему семейству... не мог ли он попытаться их шантажировать?

— Я же не знал Грота. Но, судя по тому, что о нем рассказывают его жена и Люси, мне кажется, все обстоит как раз наоборот. Он был своего рода религиозным фанатиком. Из таких, кто, несмотря ни на что, будет говорить только правду, и ничего, кроме правды.

— Что дает семейству Хоули тот же мотив для его убийства, как если бы он их шантажировал?

— Да, — медленно кивнул Шейн. — Если только они не знали, что он уже договорился о публикации своего дневника. — Он задумался и неожиданно вскинул брови. — Слушай, Уилл, у меня возникла еще одна идея! Допустим, некто, нечистый на руку, знал о содержании дневника и хотел этим воспользоваться, чтобы шантажировать Хоули, но не мог осуществить это, пока Грот был жив. Но теперь, когда Грот мертв, он, имея в своем распоряжении дневник, может запросто начать это дело.

— А кто еще знал, что в дневнике? — сразу насторожился Джентри.

— Например, Джоэл Кросс. Вчера он его прочел. На твоём месте я бы проверил, что он делал вчера вечером около восьми. — Шейн снова повернулся к двери, и на этот раз Джентри не стал его останавливать.

Когда через полчаса Шейн вошел в свою контору, Люси Гамильтон подняла голову и недоброльно посмотрела на него.

— Несколько минут назад тебе звонила какая-то женщина и, когда я сказала, что тебя нет, потребовала, чтобы я дала ей твой домашний адрес.

Шейн взъерошил волосы и усмехнулся.

— И кто же была эта леди?

— Сомневаюсь, что это была леди. — Люси презрительно поджала губы. — Когда я спросила, кто говорит, она начала по-идиотски хихикать и отказалась представиться.

— Полагаю, ты сообщила этой «очаровательной леди» все, что она хотела знать?

— Название твоего отеля. Ты ведь как-то сказал, что, если позвонит женщина, я не должна отказывать в такой информации.

— Просто восхитительно, — буркнул Шейн. — Крепко теперь моему бару достанется. Больше никто не звонил?

Люси отрицательно покачала головой, и в этот момент зазвонил телефон. Она подняла трубку и с преувеличенной любезностью сказала:

— Майкл Шейн, расследования... одну минуту, я узнаю, на месте ли он. — Прикрыв трубку ладонью, она повернулась к Шейну. — Еще одна. Но эта не хихикает. Держу пари, такая запросто способна проглотить одного моего знакомого рыжего детектива.

— Миссис Мередит? — усмехнулся тот.

— Какой вы догадливый, мистер Шейн, — ядовито улыбнулась Люси.

— Я поговорю из кабинета. — Пройдя к себе, Шейн снял трубку. — Алло?

— Майкл... это Мэти. — Возникла короткая пауза. — Как ваша голова?

— Лучше, но... все еще неважно.

— Какая жалость, — сочувственно промурлыкала она. — Тут у меня как раз под рукой потрясающее средство от головной боли. Мой собственный рецепт.

— В отеле «Бискейн»?

— Номер 1200-А.

— Через десять минут, — ответил Шейн и положил трубку.

Он вышел в приемную и под уничтожающим прицелом карих глаз Люси снял шляпу с вешалки.

— Да уж, готова поспорить, что у нее есть рецепт от головной боли. Смесь абсента и бенедиктина и... и полный набор соблазнительных поз.

— Цыц! — засмеялся Шейн. — Тебе вредно подслушивать мои личные разговоры, я ведь уже предупреждал. — Он осторожно натянул шляпу на пульсирующую от боли голову и вышел.

Глава 12

Когда миссис Мередит встретила Шейна на пороге своего номера, на ней был серый атласный халат, подчеркивавший стройную фигуру, распущенные курчавые волосы придавали ей более молодой вид. Сжав обеими руками ладонь детектива, она мягко потянула его за собой в комнату.

Шейн подошел к низкому столику перед диваном, на котором стояли ведро со льдом, бутылка бурбона, маленькая чашка с чайной ложкой, два высоких бокала, наполненных колотым льдом, и широкая ваза с букетом мяты. Чашка была наполнена растертыми листьями мяты, залитыми какой-то тягучей жидкостью, судя по запаху — смесью бурбона и сахара.

Миссис Мередит уселась на диван.

— Это и есть то самое средство от головной боли, которое я вам так расхваливала. — Щедро плеснув в бокалы сладкой смеси, она долила их до краев неразбавленным виски и усмехнулась, заметив удивленное выражение на лице Шейна. — В этом заключается секрет настоящего мятного джулепа — никогда не бойтесь, что переборщите с виски.

Шейн принялся к запаху мяты, медленно глотнул сладковатого напитка и, откинувшись в глубоком кресле, вытянул ноги.

— Это единственный цивилизованный способ пить виски. Миссис Мередит, вы отлично умеете лечить головную боль.

— Спасибо, — кивнула она с таким видом, словно принимала его слова не как откровенную лесть, а как вполне заслуженную похвалу. — Кстати, у вас не возникло каких-нибудь идей насчет того, кто наградил вас головной болью?

— Означает ли это, что вы решили поверить в мою историю?

— Разумеется, у меня и в мыслях не было, что вы сами себя стукнули по голове в номере Джозла Кросса.

— Он сказал вам, где дневник, или о том, что в этом дневнике?

— Он вообще отказался обсуждать эту тему. Мистер Кросс показался мне совершенно несносным молодым человеком.

— А вы не объяснили ему, почему вас интересует этот дневник? Или почему вам так важно знать точное время смерти Альберта Хоули?

— Конечно, нет. Чем меньше людей знает об этом, тем лучше.

— У вас не сложилось впечатления, что он знает или каким-то образом догадался, какое значение имеет этот дневник для вас? — поинтересовался Шейн, особо подчеркнув последнее слово.

— Об этом человеке очень трудно составить какое-то впечатление, — холодно парировала она. — Вы думаете, он знает?

— Скорее всего, нет, — покачал головой Шейн. — Тем более, если учесть, что условия завещания Эзры Хоули не предназначались для широкой огласки... Маловероятно, чтобы многие знали, что вы все еще наследница Альберта, хотя развелись с ним незадолго до его призыва в армию.

— Наверное, — с безразличным видом согласилась Мэти Мередит.

— Разумеется, случай весьма нетипичный. Честно говоря, именно это чертовски заинтересовало меня с самого начала. Оно просто не имело смысла... по крайней мере, до сегодняшнего дня, но теперь... теперь я начинаю понимать, как такая женщина, как вы, могла с легкостью вертеть таким человеком, как Хоули.

— Альберт любил меня, — тихо проговорила Мэти.

— В том-то все и дело. Этого достаточно для того, чтобы изменить условия завещания, по которому вы можете унаследовать все его состояние даже после развода и нового замужества.

— Альберт был очень щедрым человеком. У него больше не было никого, кому бы он хотел оставить деньги... — спокойно пояснила она и добавила: — А свою семью он ненавидел.

— Как он относился к Леону Уоллесу?

Миссис Мередит осторожно наклонилась вперед, чтобы поставить бокал на стол, и Шейн заметил, что ее рука слегка дрожит. Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами и медленно спросила:

— А что вы знаете о Леоне Уоллесе?

— Не так уж много. Он работал садовником в поместье Хоули, когда вы решили поехать в Рино и развестись с мужем. Я знаю, что он исчез вскоре после того, как написал своей жене довольно странное письмо, в которое были вложены десять тысяч наличными, и в котором он просил ее не волноваться и не пытаться его разыскивать. Вдобавок, каждые три месяца она получала еще по тысяче, но уже без сопроводительных писем, просто деньги в обычном конверте, отправленном из Майами.

Мэти спокойно выдержала его взгляд.

— Однако, Майк, вы даром времени не теряете.

— Я — детектив, — напомнил он ей. — Но вы не ответили на мой вопрос.

— На какой?

— Что вы знаете о Леоне Уоллесе?

— Сейчас гораздо больше, чем пару минут назад, — бесстрастно ответила миссис Мередит. — Я вообще ничего не знала о его странном исчезновении.

— Возможно. Но я подозреваю, что ваш бывший муж знал об этом все.

— Почему вы так думаете?

— Потому что вчера вечером Джаспер Грот позвонил миссис Уоллес по междугородному и сказал, что, если сегодня утром она приедет в Майами, он расскажет ей о муже.

— Понятно. Вы намекаете на то, что Альберт что-то рассказал ему о Леоне Уоллесе на спасательном плоту.

— И на то, что вчера вечером Грота убили, чтобы не дать ему встретиться с миссис Уоллес и заткнуть ему рот.

Нахмурившись, она посмотрела на него и тряхнула головой.

— Вы намекаете, что его убил кто-то из Хоули... или кто-то, нанятый ими, чтобы скрыть подлинную дату смерти Альберта?

— Кто знал, что эта дата имеет такое важное значение? — напористо спросил Шейн. — Судя по всему, они не знали условий завещания Эзры, пока их сегодня утром не зачитал Гастингс. Вы-то, конечно, их знали, — спокойно добавил он. — Иначе не рванули бы в Майами, чтобы заявить о своих правах на наследство.

— Думаю, они тоже были в курсе. В конце концов, мистер Гастингс — семейный адвокат Хоули.

— Мы несколько отвлеклись от Леона Уоллеса, — напомнил ей Шейн. — Насколько хорошо вы его знали, пока были замужем за Альбертом и жили там?

— Я пытаюсь вспомнить, но мне просто ничего не приходит в голову. — Миссис Мередит пожала плечами. — В поместье был садовник — и это все.

Шейн подумал, что она почти наверняка лжет.

— Кстати, мистер Мередит приехал вместе с вами? — небрежно спросил он.

— Нет. — Она явно была обеспокоена столь неожиданным вопросом.

— Где вы живете?

— Не понимаю, какое это имеет отношение к делу?

— Чем занимается ваш муж? Как его зовут? Когда и где вы познакомились? Что он за человек? — продолжал обстреливать ее вопросами Шейн.

Не ответив ни на один из них, миссис Мередит взяла бокал и, спрятав лицо за листочками мяты, осушила его до дна.

— Мне нужны ответы на эти вопросы. — Шейн потянулся, продолжая сверлить ее взглядом. — Одного человека уже убили. Если я и дальше буду заниматься этим проклятым делом, мне нужно знать, во что я ввязываюсь. Не желаю рисковать своей головой.

Мэти томно откинулась на спинку дивана, положив ногу на ногу.

— Может быть, вы объясните, каким образом вы рискуете своей головой?

— Тем, что беру вас в клиенты. Тем, что пытаюсь доказать, что ваш бывший муж был еще жив, когда умер его дядя.

— А какое отношение к этому имеет моя личная жизнь?

— Пока еще не знаю. Но не могу закрыть глаза на одно странное совпадение — таинственное исчезновение Леона Уоллеса произошло как раз в то время, когда вы уехали из Майами в Рино оформлять развод.

— Фамилия моего мужа — Мередит, а не Уоллес, — холодно отрезала она. — И зовут его Теодор, а не Леон. И уверяю вас, мистер Шейн, он никогда не работал садовником. Надеюсь, такой ответ вас устраивает?

— Нет, — грубовато произнес Шейн. — Известны случаи, когда мужья исчезали и меняли фамилии перед тем, как... снова жениться и завести семью под вымышленным именем.

— Однако! — Она резко выпрямилась, с негодованием глядя на него. — Я и садовник!

— А что? Я никогда не видел Уоллеса, но, насколько понимаю, он был профессионалом своего дела! Может быть, он был писанным красавцем? По-вашему, женщины никогда не влюблялись в садовников своих мужей... или в шоферов, или в лакеев?

— Уж не думаете ли вы, что я дала ему десять тысяч долларов, чтобы успокоить его жену? — ледяным тоном поинтересовалась Мэти. — Или что Альберт заплатил мне, чтобы я могла развестись с ним и сбежать с его садовником?

— Понятия не имею, откуда взялись эти деньги. Тем не менее я по-прежнему настаиваю на том, чтобы увидеться с вашим нынешним мужем.

— Нет, Майкл, этого не будет! У вас с ним нет ничего общего. — Мэти облокотилась на валик дивана и соблазнительно улыбнулась. — Кстати, как ваша голова?

— Я совсем о ней забыл, — буркнул Шейн.

— Значит, мое лекарство подействовало, — промурлыкала она, похлопывая рукой по сиденью дивана. — Садитесь поближе. Вы мне нравитесь, Майкл. Я тоже могу вам понравиться. Налейте себе еще виски и присаживайтесь рядом.

Шейн вздохнул и неохотно покачал головой.

— Если я выпью еще хоть один бокал вашего зелья, то уже никогда не выйду из этой комнаты.

— А зачем вам уходить?

— Я должен встретиться с одной дамой. В настоящий момент она ждет меня в моем отеле, и мне надо быть трезвым, чтобы с ней справиться.

— Еще одна дама? Дорогой мой, и это когда у вас есть я?

— В общем-то, это тоже деловая встреча.

— Разве удовольствие не важнее? Кроме того, ведь я ваша клиентка. Вы еще не забыли?

— Дело в том, что эта дама — ваша свояченица, — усмехнулся Шейн.

— Беатрис?! — изумленно выдохнула Мэти. — Вы и Беатрис! Господи! Вы ее когда-нибудь видели?

— Сегодня утром в ее спальне у нас состоялась продолжительная беседа на личные темы, — стараясь сохранять серьезное выражение лица, ответил Шейн. — Все это сопровождалось распитием бутылки виски, которую она там прятала.

— Представляю, что это была за сцена. И этого достаточно, чтобы вы поехали к ней, а не остались со мной?

— Дело в том, что именно она вчера вечером назначила Джасперу Гроту встречу у своего дома.

— Так это она его убила?

— Не знаю. Если не она, то не сомневаюсь, что она знает, кто это сделал. Надеюсь, мне удастся на какое-то время удержать ее от выпивки, и Беатрис все расскажет. Так что, мне лучше успеть домой до того, как она выхлестает мой бар и вырубится.

Он повернулся, чтобы уйти, и как раз в этот момент кто-то постучал в дверь номера. Шейн остановился и повернулся к Мэти, вопросительно приподняв брови.

Она удивленно пожала плечами и, покачав головой, одними губами прошептала:

— Я никого не жду. Откройте.

Шейн распахнул дверь и отступил назад, увидев на пороге Каннингема.

— Ого, какие у нас гости!

Глаза стюарда блеснули, когда он узнал Шейна. Переводя взгляд на Мэти, он пробормотал:

— А я и не знал, что вы знакомы.

— Я просто пробежал мимо и решил заглянуть на минутку, — небрежно бросил Шейн и шагнул в сторону, жестом приглашая Каннингема войти. — Миссис Мередит как раз требуется очередной клиент, способный по достоинству оценить ее мятный джулеп. А мне пора.

Каннингем недоуменно пожал плечами и вошел, не сводя глаз с Мэти.

— Очень мило с вашей стороны, мистер Каннингем, что вы решили зайти, — мягко произнесла она. — С удовольствием смешаю вам один из моих фирменных коктейлей, которыми мистер Шейн решил пренебречь. Кроме того, ему не терпится поскорее затащить в постель мою бывшую свояченицу.

— Уверен, что вам двоим найдется, о чем поговорить, — усмехнулся Шейн. — Как, впрочем, и мне с миссис Мини.

Его остановил голос Каннингема:

— Кое о чем хотелось поговорить и с вами. Я только что узнал, что этой ночью убили Джаспера.

Шейн резко обернулся.

— Вас это удивило?

— Не особенно, — покачал головой Каннингем. — Я уже говорил вчера вечером — когда он не пришел на обед, я сразу подумал, что с ним что-то случилось. А где его дневник?

— Вам все еще не дает покоя этот дневник... Вам и миссис Мередит, и всему клану Хоули, и Гастингсу, и Симсу... а может быть, и Джоэлу Кроссу. — Шейн снова повернулся к двери и вышел из номера, плотно прикрыв дверь за собой.

Спустившись в вестибюль, он повернул у стойки портье налево, прошел по коридору до двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен» и коротко постучав, вошел. За широким пустым столом, развалившись в кресле, сидел Курт Дэвис, куря сигарету в длинном мундштуке. Он совсем не походил на детектива отеля, но Шейн знал, что администрация фешенебельных гостиниц обычно добивается именно такого эффекта.

— Привет, Майк, — поздоровался Дэвис. — Работаешь?

— Да вроде того. — Шейн придвинул стул и сел. — Слушай, ты не мог бы узнать для меня адрес миссис Мередит из 1200-А?

— Могу, но только тот, который она сама вписала в регистрационную книгу.

Шейн кивнул.

— Я и не жду, что это будет документ, заверенный нотариусом.

Дэвис нажал на кнопку селектора, что-то тихо проговорил в микрофон и посмотрел на Шейна.

— Есть какие-нибудь сведения о ней, которые могли бы нам пригодиться?

— Не думаю... — Шейн помедлил. — Ты можешь присмотреть за парнем, которого она сейчас развлекает в своем номере? Разумеется, помимо некоего Майка Шейна.

— Конечно, — с готовностью согласился Дэвис.

— Она замешана в деле, над которым я сейчас работаю, но не знаю, насколько глубоко. Если что-нибудь выяснится, дам знать.

— Да уж, Майк, сделай одолжение. — Дэвис нажал на клавишу загудевшего селектора. — Да?

Шейн достал записную книжку и карандаш, под диктовку Дэвиса записал чикагский адрес Мередитов, поблагодарил его и, выйдя из кабинета, направился к телеграфу в вестибюле отеля, где сочинил послание на имя мистера Теодора Мередита, гласившее: «События принимают опасный оборот. Требуется ваше немедленное присутствие. За мной следят. Срочно пришли ответ, но не в отель, а по...» — Указав в качестве обратного адреса название своего отеля, Шейн подписался именем «Мэти» и заплатил наличными за срочную отправку.

Войдя через двадцать минут в свой отель, он торопливо направился к стойке и обратился к портье:

— Дик, пожалуйста, обратите внимание: сюда могут прислать телеграмму из Чикаго на имя миссис Теодор Мередит... или миссис Мэти Мередит. На самом деле — это для меня. Проследите, чтобы ее доставили ко мне в номер.

— Обязательно, мистер Шейн. — Дик что-то записал на листке бумаги и с заговорщической улыбкой спросил: — Работаете над крупной делом?

— Очень может быть, — коротко ответил Шейн и вошел в лифт.

Лифтер нажал на кнопку второго этажа и повернулся к нему.

— Мистер Шейн, минут десять назад какой-то джентльмен спрашивал номер вашей квартиры. Я сказал, что, скорее всего, вас нет дома, но он все равно вышел на втором этаже. Я не заметил, чтобы он спускался.

— Возможно, они уже развлекаются на всю катушку. — Шейн весело присвистнул и вышел из лифта, на ходу доставая ключи.

Из щели под дверью пробивалась полоска света. Шейн постучал и подождал секунду. Не получив ответа, он вставил ключ в замок и рывком распахнул дверь.

В самом центре ярко освещенной комнаты на полу лежало распростертое тело Беатрис Мини.

Глава 13

Подскочив к девушке, Шейн опустился на колени и попытался нащупать ее пульс, хотя и не сомневался, что она уже мертва. Пульса не было, но тело еще не успело остыть, и он понял, что смерть наступила совсем недавно.

Нахмурившись, Шейн поднялся, перешагнув через труп, подошел к телефону и продиктовал телефонистке номер Уилла Джентри. Когда в трубке послышался хриплый голос начальника полиции, он сказал:

— Уилл, у меня в квартире убита женщина. Беатрис Мини.

Джентри не стал терять времени на расспросы по телефону.

— Никуда не уходи, Майк, — приказал он и дал отбой.

Шейн медленно положил трубку на рычаг и, повернувшись, посмотрел на Беатрис.

Застывшие глаза девушки остекленели, слегка высунутый язык приобрел синеватый оттенок, а голова была повернута под таким неестественным углом, что сразу становилось ясно — у нее сломана шея. Теперь она совсем не походила на юную алкоголичку — тонкое изящное лицо оgrabело и приобрело встревоженное выражение, словно она не могла понять, как с ней могло такое случиться.

Шейн медленно обвел глазами знакомую комнату, повидавшую более чем достаточно жестокости и человеческих трагедий. Все вещи были на месте, и ничто не указывало на следы борьбы. На диване лежала широкополая шляпа, рядом — сумочка. На столе возле телефона стояла открытая бутылка коньяка, а на ковре между дверью и трупом валялся высокий бокал, под которым растеклось мокрое пятно. В центре пятна лежал полурастаявший кубик льда.

Ни к чему не прикасаясь, Шейн подошел к бару и вытащил оттуда запечатанную бутылку коньяка. Откупорив ее на кухне, он достал из шкафчика чистый бокал и налил себе на донышко. В дверь кто-то громко постучал. Он быстро вышел в гостиную и, открыв дверь, увидел на пороге молодого патрульного в форме.

— Мистер Шейн? Мы получили сообщение по радио... — Он замер и нервно сглотнул, когда Шейн, отступив в сторону, кивнул на тело Беатрис. — Я останусь здесь до прибытия детективов из отдела убийств. Ничего не трогайте.

— И не собирался, — сухо ответил Шейн и уселся на диван с бокалом в руке. Патрульный занял свой пост у двери.

Меньше чем через три минуты в коридоре послышались тяжелые шаги и в комнату ввалился Джентри с медицинским экспертом и тремя детективами из отдела убийств. Он посмотрел на Шейна, который так и остался сидеть, потом подошел к трупу и некоторое время молча его разглядывал. Затем пожал плечами, кивнул медэксперту и детективам, уже успевшим распаковать свое снаряжение, повернулся к Шейну и устало произнес:

— Значит, Беатрис Мини. Дочь Хоули.

Шейн кивнул.

— Она приехала сюда примерно час назад, после того, как узнала у Люси мой адрес. Портые впустил ее в квартиру. Когда я вошел, она лежала в том же положении, дверь была заперта, но в комнате горел свет. Я ни к чему не прикасался, за исключением бутылки коньяка и вот этого бокала. — Шейн поднял бокал и отхлебнул.

— Как скоро ты выехал из отеля «Бискейн»?

— Приблизительно полчаса назад. Это может подтвердить и миссис Мередит, и человек, который в это время находился в ее номере. Мистер Каннингем.

Уилл Джентри удивленно вскинул брови.

— Один из тех двоих, что уцелели в авиакатастрофе, в которой погиб молодой Хоули? И Мередит? — Джентри произнес это имя медленно и вразяжку, словно пробуя его на вкус. — Она осталась бы вдовой Альберта Хоули... если бы снова вышла замуж?

— Именно так, — спокойно ответил Шейн. — Она сейчас в Майами и собирается заявить о своих правах на наследство.

Джентри прикрыл глаза, обдумывая услышанное.

— Какие у нее могут быть права на наследство бывшего мужа? Разве она не развелась с этим парнем? Насколько я помню, в свое время в связи с этим был какой-то скандал...

— С памятью у тебя все в порядке, — согласился Шейн. — Но она — все еще его законная наследница. Похоже, после развода он составил новое завещание, по которому все оставалось ей.

— Даже если она снова выйдет замуж?

Шейн кивнул, пристально глядя на Джентри.

— Никогда не слышал ничего подобного, — проворчал тот.

— Так же, как и не встречал другую миссис Мередит, — усмехнулся Шейн, растопырив пальцы правой руки. — Вот так-то, Уилл. В «Бискейне» я зашел на минутку поболтать с Куртом Дэвисом, а потом поехал сюда, поскольку меня уже ждала Беатрис... Когда я поднимался на лифте, — медленно продолжал он, — лифтер сказал, что минут десять назад какой-то мужчина спрашивал номер моей квартиры и вышел на этом этаже, хотя лифтер предупредил его, что меня нет дома. Лифтер не видел, как он уходил, так что, скорее всего, он спустился по лестнице. На что хочешь спорю, это и есть твой клиент.

— Лифтер описал его внешность?

— Я не спрашивал. В тот момент... меня это не особенно интересовало.

Джентри подошел к двери и что-то тихо сказал патрульному. Когда он вернулся, медэксперт уже закончил осмотр трупа и складывал свой саквояж.

— Ну, что, док?

Полицейский врач, круглолицый молодой человек с тонкими светлыми усиками, повернулся к Джентри.

— Смерть наступила в результате удушения и почти наверняка — перелома позвоночника. Не более получаса назад, а скорее всего — пятнадцати минут. Человек, душивший ее, был очень силен, достаточно глянуть на следы пальцев на горле. Вот, собственно, и все. Без вскрытия точнее не скажешь.

Фотограф, сделав снимки, возился со своей аппаратурой, а двое детективов, сняв отпечатки пальцев в гостиной, переместились на кухню.

Медэксперт уже выходил в коридор, когда в номер, чуть не сбив его с ног, ворвался Тимоти Рурк.

— Привет! Я только что узнал... — Глянув без особого интереса на лежавший на полу труп, он подошел к Джентри. — Что тут произошло, Уилл?

— Спроси у Майка, — огрызнулся тот.

— Это как-то связано с убийством Грота?

— Кстати, это именно она выманила его из дома вчера вечером, — напомнил им обоим Шейн. — Поговорив с ней сегодня утром, я не мог отделаться от подозрения, что она знала о его смерти куда больше, чем рассказала. Похоже, точно такое же подозрение возникло и у убийцы Грота.

— Ты думаешь, ее убили, чтобы она не сболтнула лишнего? — требовательно спросил Рурк, доставая блокнот.

— Ясное дело, она приехала сюда, чтобы рассказать мне что-то важное, — пожал плечами Шейн.

В дверях появился патрульный, с официальным видом ведя под руку пожилого лифтера, с которым Шейн недавно разговаривал. Лифтер шел подчеркнуто прямо, с чувством собственного достоинства, но стоило ему увидеть мертвое тело на полу, как он остановился и вскинул испуганные глаза на Шейна.

— Все в порядке, Мэтью, — успокоил его детектив. — Этот джентльмен всего лишь хочет задать вам несколько вопросов о человеке, который спрашивал у вас номер моей квартиры. Помните, вы сами мне рассказывали?

— Конечно, мистер Шейн. — Лифтер говорил почтительно, но без поддобирастия. — Вы считаете, это его работа? — Мэтью указал на труп.

— Именно это мистер Джентри и хочет выяснить.

— Ну, да... Вообще-то, если честно, я не обратил на него особого внимания... Вроде бы молодой, лет двадцати пяти, может, чуть постарше... С виду крепкий... — Мэтью помолчал и с извиняющимся видом добавил: — Сами знаете, как это бывает — целыми днями смотришь, как они спуют вверх-вниз и...

— Ничего-ничего, — подбодрил его Джентри. — Просто постарайтесь сосредоточиться и вспомнить все поподробнее. Вы не заметили, как он был одет?

— Кажется, на нем был обыкновенный костюм... по-моему, серый. Вы знаете, я не заметил ничего особенного, ничего необычного...

— Скажите, Мэтью, у него была шляпа? — перебил его Шейн.

— Кажется, да... да, точно, мистер Шейн, вот вы спросили, я сразу и вспомнил...

— Спрашиваю я вас об этом по той простой причине, — продолжал Шейн, жестом останавливая Джентри, — что у мистера Мини для человека его возраста довольно большие залысины, и когда он без шляпы, это сразу бросается в глаза. Кроме того, этот Джеральд Мини — довольно крепкий парень.

— Муж убитой? — вскинулся Джентри. — Ты думаешь, он узнал, что она едет к тебе, расвирепел и придушил ее? Он что, такой ревнивец?

— Я бы не сказал, — криво усмехнулся Шейн, вспомнив сцену, разыгравшуюся утром в спальне Беатрис. — Однако его жена откровенно заигрывала со мной прямо у него на глазах, и у него могла возникнуть мысль, что она едет сюда на свидание. — Он пожал плечами. — Никогда не угадаешь, как в таких случаях поступит муж.

Джентри повернулся к своим сотрудникам, которые, закончив работу, ждали дальнейших распоряжений.

— Из отпечатков нашли что-нибудь интересное?

— Ничего, шеф. Комнату сегодня тщательно убрали, и мы получили только отпечатки Шейна и чьи-то еще, скорее всего горничной. Отпечатки на ручке холодильника, раковине, бутылке и бокале принадлежат убитой.

— Найдите Джеральда Мини и привезите сюда, — приказал Джентри. — Узнайте, где он был сегодня днем. Раскопайте, и как можно подробнее, чем весь день занимались Хоули и его жена. Не было ли у них какой-нибудь ссоры... или чего-нибудь в этом роде. — Он махнул рукой, отпуская всех троих, и вновь обратился к лифтеру. — Надеюсь, вы сможете опознать этого человека, если мы вам его покажем?

— Да, сэр, теперь... — неуверенно проговорил тот и замолчал, облизывая губы и напряженно нахмурившись. Затем нервно глотнул и твердо произнес: — Да, сэр, уверен. Так просто я не смогу его подробно описать, но если увижу его лицо, то узнаю, это точно.

— Как раз это нам и нужно. Никуда не выходите из отеля, и, надеюсь, мы скоро пригласим вас для опознания. — Джентри кивком дал понять, что разговор окончен, и приказал патрульному: — Спустись вместе с ним и скажи ребятам, чтобы принесли носилки. — Дождавшись, когда они уйдут, он обратился к Шейну: — А теперь выкладывай, Майк, у тебя есть для меня что-нибудь еще?

— Не сейчас, Уилл. Клянусь Богом, мне не меньше твоего нужен тип, который развлекался в моей гостиной. — Шейн сердито посмотрел на труп. — Сегодня утром я пил с этой девушкой... чуть ли не обнимался с ней. Если бы только она осталась трезвой и рассказала мне все еще тогда...

Джентри грубовато похлопал его по плечу.

— Ладно, для выпивки и всяких нежностей найдутся и другие девицы. Ну, что, Тим, пошли?

— Я, пожалуй, немного задержусь, — отозвался репортер. — Старина, а что там у тебя в бокале?

— Это? — Шейн посмотрел на свой коньяк с таким видом, словно забыл о его существовании, и залпом осушил бокал. — Для тебя у меня найдется бутылка бурбона.

Джентри вышел, а в дверях показались два молодых человека со свернутыми носилками. Они посмотрели на труп, и один из них жизнерадостно спросил:

— Это здесь?

— Идиотский вопрос, — бросил Шейн через плечо. — Конечно, нет! Я не чувствую себя дома, если на полу гостиной не валяется, по крайней мере, один труп! Тим, бери бутылку и пошли.

Глава 14

Когда через несколько минут они с бокалами в руках вернулись в гостиную и удобно расположились в креслах, все следы пребывания в номере Беатрис Мини уже исчезли. Уходя, детективы прихватили с собой ее шляпку и сумочку.

Основательно приложившись к бокалу, Рурк раздраженно спросил:

— Черт возьми, Майк, может, ты, наконец, расскажешь об этом деле?

— Ты знаешь о нем примерно столько же, сколько и я, — осторожно ответил Шейн.

— Всего лишь неясные намеки и жалкие обрывки фактов — вот и все, что я знаю, — заявил Рурк. — Например, относительно некоторых людей, не желающих, чтобы дневник Грота был опубликован... и сколько денег может загрести Кросс, если спрячет его с глаз долой. Почему, Майк?

— Здесь могут быть две причины... — Сначала Шейн рассказал об условиях завещания Эзры Хоули и о том насколько судьба наследства зависела от того, пережил ли Альберт Хоули своего дядю, скончавшись на пятые сутки своего пребывания на спасательном плоту. — Но это только один аспект. С одной стороны — семейство Хоули, с другой — миссис Мередит. Ни одна из сторон пока не знает, что именно написано в дневнике, как и то, хочет ли «Ньюс» его опубликовать или положить под сукно.

— Конечно. Но ведь есть Каннингем, который запросто может назвать точную дату смерти молодого Хоули.

— Тут ты прав. Но мне кажется, Каннингем выжидает, по какую сторону забора прыгнет кошка. Без дневника, который либо подтвердит, либо опровергнет его слова, он оказывается в очень выгодном положении — обе стороны готовы выложить кругленькую сумму, чтобы он дал нужные показания. Но пока существует дневник, он боится отрезать себе путь к отступлению и не решается поддержать кого бы то ни было...

В этом деле есть еще один аспект, над которым стоит поломать голову, — продолжал Шейн. — Примерно год назад совершенно таинственным образом исчез садовник Леон Уоллес, работавший у Хоули... как раз когда жена Альберта получила развод... и как раз перед тем, как Альберта призвали в армию. Вчера вечером Джаспер Грот позвонил миссис Уоллес и обещал рассказать о ее пропавшем муже, но не успел — его убили.

Он коротко пересказал Рурку свой разговор с миссис Уоллес. Репортер напряженно слушал, время от времени делая пометки в блокноте.

Когда Шейн закончил, Рурк задумчиво произнес:

— Но тогда, если эти Хоули каким-то образом замешаны в исчезновении Уоллеса... хотя и непонятно — как? — и заплатили миссис Уоллес десять тысяч, только чтобы она не давала ход расследованию... у них появляется отличный мотив для убийства Грота — ведь он мог рассказать все миссис Уоллес.

— Вполне возможно, — мрачно согласился Шейн. — Кстати, это может объяснить и убийство Беатрис. Она была чертовски ненадежна и в любой момент могла раскрыть душу первому встречному мужику, который сделает вид, что он от нее — в бешеном восторге. А ты говорил с миссис Грот?

— Да. Пахал за тебя, как проклятый, — недовольно буркнул Рурк. — Насколько я понял, ситуация с продажей дневника выглядела так: Джаспер Грот заключил устное соглашение с Кроссом, что получит две тысячи за право публикации... но никаких документов не было подписано. Похоже, нет никаких сомнений, что этот дневник — у Кросса, и, естественно, миссис Грот считает, что у нее есть моральное право утверждать, что договоренность, которую заключил ее муж, распространяется и на нее... и уж, конечно, она не против, если дневник напечатают, и она легко заработает пару тысяч.

— Две тысячи долларов! — взорвался Шейн. — И это при том, что на другой чаше весов — состояние в пару миллионов. Скорее всего она могла получить раз в двадцать больше от той партии, которую проиграла бы, если бы правда стала известна, просто не дав согласия на публикацию...

— Но ведь она этого не знала, — напомнил ему Рурк. — Кроме того, мне кажется, что у нее, как и у ее мужа, есть свой кодекс чести. Уверен, что ни две тысячи, ни в сто раз больше не заставили бы ее совершить бесчестный поступок.

— Именно поэтому Грота и убили, — вздохнул Шейн. Некоторое время он неподвижно сидел в кресле, глубоко задумавшись, а потом сказал: — До тех пор, пока я не узнаю, что написано в дневнике о времени смерти Хоули и о Леоне Уоллесе, у меня связаны руки. Черт возьми, Тим, нам надо заставить Джоэла Кросса дать нам прочесть этот дневник.

Рурк усмехнулся и приложился к бокалу.

— Когда его пытаются заставить что-то сделать, он становится упрямым, как осел.

Шейн вскочил и начал расхаживать по комнате, сердито дергая себя за мочку левого уха.

— Возможно, потому он так и виляет, что играет в свою игру... дожидается, какая из сторон предложит больше за уничтожение дневника. А из-за этой проклятой штуковины убили уже двоих.

Услышав стук в дверь, Шейн застыл на месте, потом широко распахнул ее и отступил назад с изумленным выражением на лице.

— Мистер Кросс! Прошу! Мы как раз говорили о вас.

— Кто это говорил обо мне? А, это вы, Рурк? — неприятно произнес Кросс, входя в гостиную и озираясь по сторонам.

— Вы надеялись застать ее здесь? — спросил Шейн.

— А почему бы и нет? Мы с ней договорились здесь встретиться. Должен признаться, у меня были дела, и я немного опоздал, но подумал, что она может и подождать. Это она настаивала, говорила, что дело — крайне важное, и я обязательно должен прийти.

— И принести с собой дневник Джаспера Грота? — с напускной небрежностью спросил Шейн, закрыв дверь и прислонившись к ней спиной.

— Разумеется, нет. Она не оставила для меня записки?

— Где дневник, Кросс?

— В надежном месте, где вам до него не добраться. — Воинственно выпятив челюсть, Кросс направился к двери. — Если миссис Мини здесь нет, то и мне здесь делать нечего.

Шейн не сдвинулся с места.

— Вот что, Кросс, меня интересует несколько вещей. Я хочу побольше узнать о вашей договоренности с миссис Мини. Когда она предложила вам встретиться?

— Она позвонила около трех... если это вас касается, — вызывающе ответил Кросс.

— Полагаю, когда женщина договаривается с мужчиной о встрече в моей квартире, меня это очень даже касается. Так или иначе, прошло больше двух часов. Почему вы так задержались?

— Говорят вам, я был занят, — прорычал Кросс, остановившись напротив Шейна. — Пропустите вы меня или нет?!

— Нет. Чем вы занимались и где?

— Я пришел сюда не для того, чтобы подвергнуться перекрестному допросу! — с негодованием ответил Кросс. — И уж, конечно, не с вашей стороны. — Сжав кулаки, он злобно уставился на Шейна. Потом перевел взгляд на Рурка и с явным раздражением спросил: — А почему вы оба так странно себя ведете? И вообще, где миссис Мини?

— В морге! — резко ответил Шейн.

Кросс вздрогнул и отпрянул от него.

— В морге? Но... когда... как ее убили?

— Вот я и подумал — может, вы знаете? — Уперевшись ладонью в грудь Кроссу, Шейн толкнул его. — Ну-ка, сядьте! Нам надо кое о чем поговорить.

Поблудневший Кросс отлетел в сторону и рухнул в кресло, испуганно глядя на Шейна.

— Где вы были весь последний час? — властно потребовал Шейн, глядя на него сверху вниз.

— Работал у себя в кабинете.

— Кто-нибудь может подтвердить ваше алиби?

— Мое алиби? Господи, неужели вы думаете, что ее убил я?

— Лично я думаю, что это вполне возможно. Вы — единственный, кто знал, что она собирается встретиться со мной и придет сюда.

— Вы хотите сказать, что ее убили прямо здесь?

— И не далее, чем полчаса назад!

— Но какие у меня могут быть мотивы? Я даже не знал эту женщину.

— Может быть, вы боялись, что она расскажет мне все, что ей известно об убийстве Джаспера Грота. Я все больше убеждаюсь, что вы отлично подходите на эту роль. Вы — единственный человек, прочитавший дневник к восьми вечера вчерашнего дня и способный оценить его значение в

качестве великолепного инструмента шантажа. Но его ценность исчезнет, как только Грот встретится с Хоули и расскажет им свою историю. Естественно, Кросс, вы отлично вписываетесь в эту схему. — Глаза Шейна блеснули. — Уилл Джентри уже проверяет ваше алиби на вчерашний вечер, и если оно ничуть не лучше сегодняшнего, то вы — готовый кандидат в висельники.

— Он, должно быть, спятил, — ошарашенно пробормотал Кросс, обращаясь к Рурку. — Это что, шутка?

— Да нет, какие уж тут шутки, — сочувственно ответил Тимоти.

— Кстати, Кросс, — продолжал Шейн, — а ведь вам, наверное, невдомек, что мне ничего не стоит доказать, что вы были в отеле во время убийства. Лифтер очень подробно описал внешность убийцы, и вы как нельзя лучше подходите под это описание. Стоит мне слово сказать, и он вас опознает. С другой стороны, он полностью мне доверяет, и если я скажу, что тот человек — это не вы, он поклянется, что так оно и есть.

— Это угроза?.. Вы хотите сказать, что собираетесь подстроить мне обвинение в убийстве? — недоверчиво спросил Кросс.

— Не уверен, что это будет подстроенное обвинение. Лично мне кажется, что вы все больше и больше подходите на эту роль. А без алиби вам придется изрядно попотеть, чтобы опровергнуть результаты опознания, да еще непосредственным свидетелем...

— Черт бы тебя подрал, легавый! — завопил Кросс. — С такими приемчиками ничего у тебя не выйдет! Я до сих пор даже не знаю, почему всех так интересует этот проклятый дневник!

— Вы признались, что вчера прочли его.

— Конечно, прочел. Но я так и не возьму в толк, почему из-за него убивают людей!

— У вас будет полно времени, чтобы убедить в этом присяжных, — прорычал Шейн. — Там же все написано черным по белому, так ведь? Почерком Джаспера Грота.

— Что написано черным по белому?

— История исчезновения Леона Уоллеса.

— Чушь! В дневнике мне это имя даже не попадалось. — Джоэл Кросс заметнo оживился, к нему прямо на глазах возвращались упрямство и агрессивность.

— Я вам не верю, — грубо проговорил Шейн. — Докажите. Дайте мне прочесть дневник.

— Еще чего! Да какое мне дело, верите вы мне или нет? Плевать я на вас хотел! С чего это мне что-то там вам доказывать?

— Чтобы спасти свою шею от петли. — Шейн многозначительно кивнул. — В последний раз спрашиваю... прежде чем позвать лифтера, который вас опознает... вы покажете мне дневник?

— В последний раз говорю — нет! — злобно прошипел Кросс.

Шейн вздохнул и повернулся к Рурку.

— Тим, приведи сюда Мэтью. Я бы и сам сходил, но должен же кто-нибудь потом подтвердить, что я никак не давил на него во время опознания.

Тимоти Рурк проворно вскочил с кресла и вышел из комнаты. Джоэл Кросс тоже начал вставать, громко протестуя, но Шейн толкнул его назад.

— Может, вы все-таки передумаете и покажете дневник? Пока что я еще могу отговорить Мэтью опознать вас.

— Нет, черт возьми! — крикнул Кросс. — Я никогда раньше не был в этом отеле, и вы не докажете обратного! Вам меня не запугать, Шейн!

— О'кей, — пожал плечами Шейн. — Сам напросился.

Едва в коридоре послышались шаги, он распахнул дверь и впустил Рурка, но встал перед Мэтью, загораживая собой Кросса.

— Мэтью, по-видимому, мистер Рурк сказал вам, что прямо сейчас в моей квартире находится убийца этой девушки.

— Остановите его! — возмущенно завопил Кросс, обращаясь к Рурку. — Он же предлагает ему попросту оговорить меня!

Мэтью пристально посмотрел на рыжего детектива. Он давно знал Шейна, внимательно следил по прессе за его делами, искренне им восхищался и был уверен, что Шейн не способен совершить ничего противозаконного. Раз мистер Шейн по каким-то своим причинам хочет, чтобы он опознал убийцу в лице этого типа — что ж, пожалуйста!

В результате, когда Шейн отступил в сторону, приглашая его в комнату, и спросил: «Скажите, Мэтью, этот человек час назад спрашивал у вас номер моей квартиры?», он некоторое время внимательно разглядывал Кросса, а потом утвердительно кивнул.

— Это он, мистер Шейн, на все сто. Быстро же вы его сцапали.

— Минутку, минутку! Это же самое настоящее лжесвидетельство... — начал было Кросс, но Шейн перебил его: — Кросс, покажите мне дневник. Иначе, клянусь Богом, это опознание останется в силе.

— Раньше ад успеет замерзнуть! — упрямо воскликнул Кросс. — Говорю вам, Шейн...

Появление Уилла Джентри помешало ему закончить. Заметив лифтера, тот деловито сказал:

— Я как раз искал вас, Мэтью. Нужно, чтобы вы съездили со мной в управление и посмотрели на предполагаемого убийцу... В баре неподалеку отсюда мы задержали Джеральда Мини — мертвецки пьян, — продолжал он, обращаясь к Шейну и Рурку, безразлично скользнув взглядом по Кроссу. — Похоже, это его работа. Хоули говорит, что Беатрис без всяких объяснений уехала из дому около трех, а через полчаса Джеральд выбежал из ее комнаты, как бешеный, размахивая клочком бумаги с названием твоего отеля и инициалами «М.Ш.». Когда же никто из них не смог объяснить, что все это значит, он помчался за Беатрис, злой, как черт. Так что, скорее всего, дело можно считать открытым и закрытым. Убийство на почве ревности... Эй, ребята, да что с вами? — удивленно спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

— Шеф, похоже, у нас теперь — целых два убийцы, — вовремя нашелся Рурк. — Только что Мэтью опознал моего коллегу, мистера Джоэла Кросса как человека, который спрашивал номер квартиры Майка... и как раз в то время, когда убили девушку.

— Это наглая ложь! — Кросс был на грани истерики. — Это не настоящее опознание, а попытка подставить честного человека! Шейн заставил этого типа сказать, что он видел меня сегодня днем в отеле. А меня здесь вообще не было. Я ничего не знаю об убийстве...

Гордо выпрямившись и твердо отчеканивая каждое слово, Мэтью перебил его:

— Мистер Шейн — в высшей степени достойный джентльмен. Уверю вас, мистер начальник полиции, если мистер Шейн считает, что это убийца, значит, так оно и есть. И я готов подтвердить все то, что сказал вначале. Я уверен, что это тот самый человек.

Глава 15

— Звучит довольно убедительно. — Джентри пристально посмотрел на Шейна. — А что еще у вас есть на него, кроме утверждений Мэтью? Как насчет мотивов?

— Говорю вам, это не было настоящим опознанием! — чуть ли не со слезами на глазах выкрикнул Кросс. — Шейн подговорил его...

— Послушай, Уилл, — сказал Шейн, не обращая на Кросса никакого внимания. — Помнишь, я говорил тебе, что все упирается в дневник Грота? Так вот, Кросс — единственный, кто читал дневник. Это дает ему превосходный мотив для убийства Грота — он не мог допустить, чтобы тот успел поговорить с Хоули. И у меня складывается впечатление, что убийца Грота разделался и с Беатрис, чтобы не дать ей поговорить со мной. Прибавь к этому тот факт, что только Кросс знал, что она приедет сюда... и зачем...

— Но я не знал — зачем! — взвыл Кросс. — Когда она позвонила и попросила с ней здесь встретиться, она не сказала...

— Она предложила вам здесь встретиться? — Джентри переключился на Кросса. — Когда это было?

— Около трех, — промямлил Кросс. — Но она даже не сказала...

— В три? — Джентри с преувеличенным беспокойством посмотрел на часы. — Не очень-то вы торопились на эту встречу.

— Меня задержали кое-какие дела. Ради Бога, послушайте, если бы я приехал раньше и убил ее, как, по-вашему, неужели я бы признался, что у нас была назначена встреча?

— Думаю, именно так он бы и поступил в данных обстоятельствах, — мягко произнес Шейн. — Что может быть лучше — прикинуться невинной овечкой на тот случай, если кто-то знал о встрече — например, я — а потом удивляться, почему его не дождались?

— Где вы были вчера в восемь вечера? — накинулся Джентри на Кросса.

— Откуда мне знать? Я об этом даже не задумывался. Боже, во что меня втянули!

Некоторое время Джентри, слегка прищурившись, рассматривал красневшее лицо репортера, а потом с сомнением сказал Шейну:

— Вообще-то, я от всего этого не в восторге. А как насчет мужа убитой? Если вы с Мэтью затеяли какие-то игры, а Джеральд Мини и в самом деле виновен, то после официального опознания Кросса мы ни за что этого не докажем.

Шейн пожал плечами.

— Честно говоря, Уилл, в роли убийцы Кросс мне нравится куда больше, чем Мини.

— Угу, — задумчиво промышчал Джентри. — М-да, он больше соответствует типу убийцы. У меня сложилось впечатление, что Мини — просто слабак.

— Прекратите! — в ужасе завопил Джоэл Кросс, окончательно сорвав голос. — Вы говорите обо мне так, словно обсуждаете, на какую лошадь поставить в Хайли!

Джентри, даже не взглянув на него, продолжал:

— Конечно, может быть, Кросс и в самом деле наш клиент. По крайней мере, я надеюсь, что это он. Но если нет, то считай, Майк, что уговорив Мэтью дать ложные показания, ты преподнес Мини свободу на блюдечке. И если выяснится, что это так, берегись.

— Даже если Кросс не убийца, то в тюрьме он будет в гораздо большей безопасности, — возразил Шейн. — Ведь убийца до сих пор охотится за дневником, который, как известно, у Кросса.

— Наверное, — неохотно согласился Джентри и, расправив широкие плечи, приказал Кроссу: — Следуйте за мной.

— Куда? — испуганно пискнул репортер.

— В тюрьму.

— Но вы не имеете права! У вас нет никаких улик...

— Я ничего не могу поделать. Вас только что опознал свидетель, заслуживающий доверия. Так что, вам все-таки придется пойти со мной. — Крепко ухватив Кросса за рукав, Джентри вывел его из комнаты.

Некоторое время Рурк молчал, затем отхлебнул из своего бокала и широко зевнул, избегая смотреть в сторону Шейна и Мэтью.

Мэтью застыл у открытой двери, умоляюще глядя на Шейна.

— Ради всего святого, мистер Шейн... — начал он, но тот не дал ему договорить.

— Успокойтесь, Мэтью, вы сделали все как надо. Ведь вы мне верите, не так ли?

— Конечно, мистер Шейн. Слава Богу, верю.

Шейн положил ему руку на плечо и проникновенно улыбнулся.

— А раз так, то возвращайтесь к себе и положитесь на меня.

Закрыв за Мэтью дверь, он хмуро уставился на Рурка. Тот вздохнул, cynично усмехнулся и посмотрел в потолок.

— Поздравляю, Майк. Из всех подстроженных обвинений, что мне доводилось видеть, это было самое быстрое и четкое.

— Брось, Тим, ты же слышал, что сказал Мэтью...

— Я слышал и видел не только это, но и многое другое, — медленно начал Рурк. — Когда его спросили, может ли он опознать убийцу, он сна-

чала замешкался, но ты ему тихонько кивнул, и у него сразу же открылись глаза. Если бы тебе было нужно, он бы и меня опознал. Почему? Да потому, что эта простая душа тебе верит. Вот так-то.

— Просто я пытался заставить этого дурака дать мне заглянуть в дневник, — огрызнулся Шейн. — Ничего бы я ему не сделал. Если бы не появился Джентри и не прижал его, Кроссу удалось бы выкрутиться.

— Но Джентри-то появился! И теперь ты влип по уши.

— Черт возьми, Тим, не исключено, что Кросс и в самом деле убийца.

— А если нет?

— Ответ на этот вопрос хранится в дневнике. Если бы я смог до него добраться, то сейчас бы знал уже все.

— Что-то непохоже, чтобы Джоэл собирался с ним расстаться, — сухо заметил Рурк.

— Да, но почему? Разве что там есть доказательства его вины. Может, как раз поэтому он и вцепился в него, как пивак?

— Может быть.

— Ради Бога, поговори с ним и постарайся убедить, что этот дневник имеет огромное значение. Сейчас, когда он арестован и у него есть возможность обдумать, в какой переплет он попал, он может оказаться не таким упрямым. Если он невиновен, дневник докажет это в два счета. И не забывай, убийца об этом тоже знает. Возможно, арест Кросса подтолкнет его на какие-то конкретные действия. Объясни все это Кроссу и убедь его передать дневник на хранение тебе.

— Чтобы я тут же передал его своему старому доброму другу Майку Шейну, а он толкнул бы его кому надо за миллион или около того? Господи, Майк, уж не потому ли ты отправил этого бедолагу за решетку?

— Не совсем. Но если он невиновен, то все, что ему требуется, чтобы это доказать, — предъявить дневник. Ты ему это как следует растолкуешь, и он...

— Не-а, — решительно покачал головой Рурк. — Во-первых, он меня на дух не выносит, считает, что мы с тобой — одна шайка. Во-вторых, я не собираюсь бегать за тебя, тоже мне, нашел дурачка. Я понимаю, что тебе позарез надо добраться до дневника, но я в эти игры не играю.

— Ты не так меня понял, Тим! — В голосе Шейна появились заискивающие нотки. — Наоборот, я думаю, как доказать невиновность Кросса... Разве у «Ньюс» нет адвоката, который мог бы его урезонить?

Зазвонил телефон. Пока Шейн разговаривал, Рурк закурил сигарету.

— Алло?

— Здравствуйте, мистер Шейн. — В трубке послышался голос портъе. — Какая беда с этой девушкой... Прямо у вас в квартире, да? Такая симпатичная... Говорят, вы уже арестовали убийцу? Быстрая работа, надо признать...

— Послушайте, Дик, вы звоните, только чтобы меня поздравить?

— Не совсем. Э... — Дик разговорчески понизил голос. — Мне только что позвонили из «Вестерн юнион» и передали сообщение для миссис Теодор Мередит. Я принял его, как вы просили, мистер Шейн. Вот оно: «Приехать не могу. Позвони сегодня вечером. Крайне обеспокоен. Теодор». Записали, мистер Шейн?

— Большое спасибо, Дик. — Шейн, нахмурившись, положил трубку и застыл, задумчиво потирая челюсть. Затем выдвинул средний ящик стола и, покопавшись там, извлек потрепанный телефонный справочник. Быстро перелистав его, он снял трубку и сказал телефонистке:

— Личный разговор с Чикаго, крошка. Мне нужен Бенджамин Эймс. Тут у меня его старый телефон, попробуйте сначала набрать его. — Он продиктовал номер.

В трубке послышалась серия гудков и щелчков, обрывки разговоров, а затем Шейн услышал, как в Чикаго звонит телефон. После третьего звонка трубку сняли, и гнусавый голос спросил:

— Алло?

— Это Бен Эймс?

— Да. Кто говорит?

— Бен, это Майк Шейн.

— Шейн? Майк, ты, что ли? — радостно воскликнул Эймс. — Черт возьми, откуда ты звонишь? Из Чикаго?

— Нет, Бен, я — в Майами. Как дела? Все еще заправляешь своим дешевым агентством?

— Уже не дешевым, — гордо ответил Эймс. — У меня, знаешь ли, трое ребят на твердой ставке.

— Поздравляю. Тогда, может быть, провернешь для меня одно дельце?

— Конечно, Майк. — Голос Эймса сразу зазвучал по-деловому.

— Ручка есть?

— Выкладывай.

Шейн медленно продиктовал ему адрес и имя Теодора Мередита, заставив повторить каждое слово.

— Мне срочно нужна фотография этого Мередита. Не думаю, Бен, что он даст ее тебе сам, так что, скорее всего, тебе придется ее просто украсть. Возьми фотографа, и щелкните Мередита анфас. Потом ее надо быстренько напечатать и сегодня же ночью послать мне самолетом. Подожди минутку. — Порывшись среди бумаг в ящике стола, он достал расписание авиарейсов. — В два пятнадцать ночи из Чикаго в Майами вылетает самолет компании «Мид-Американ». Вот этим рейсом, Бен, ты и отправишь мне фотографию Мередита. А чтобы сэкономить время, запечатай ее в конверт с моим именем и вручи стюардессе, хорошо? Вместе с десяткой. А я встречу самолет в Майами и возьму у нее конверт. Договорились?

— Договорились. Я прослежу за этим лично. А теперь подсказки, как лучше подобраться к этому Мередиту?

— Здесь у нас его имя попало в газеты. В заголовках он фигурирует как нынешний муж бывшей миссис Альберт Хоули. Альберт недавно погиб в море после авиакатастрофы, и миссис Мередит тут же примчалась сюда, чтобы предъявить свои права на наследство. Не исключено, что это несколько миллионов. Что и дает тебе повод взять у него интервью и сфотографировать... хочет он того или нет.

— Нет проблем, Майк. Все сделаю.

— Если ничего не выйдет, звони мне по этому номеру до двух ночи. Если не позвонишь, то утром я поеду встречать самолет.

— Договорились, — повторил Эймс, и Шейн положил трубку.

— Ну, и на кой черт ты все это затеял? — спросил Рурк. — На кой черт тебе сдалась фотография ее нынешнего мужа?

— Чтобы подтвердить одну версию. — Шейн снова уселся в кресло, взял бокал и продолжил прерванный разговор. — Так вот, Тим, это дело имеет самое непосредственное отношение к твоей газете. Кто адвокат газеты?

— Альфред Дрейк. Каждый год он получает кругленькую сумму за то, что вытаскивает наших ребят, если они заходят за рамки дозволенного.

— Позвони ему, — сказал Шейн. — Или издателю. Расскажи все как есть и объясни, насколько важен этот дневник для того, чтобы доказать невиновность Джоэла Кросса, и, ради Бога, пусть он выцарапает дневник оттуда, куда его запрятал Кросс. Как, по-твоему, что я буду чувствовать, если дневник с доказательствами невиновности Кросса исчезнет? Все, что мне надо, это чтобы Дрейк или еще кто-нибудь приехал к Кроссу в тюрьму и убедил его в том, что значение этого дневника огромно.

Репортер допил бокал и встал.

— Что ж, может быть, на этот раз ты и вправду не прикидываешься... Я сам поговорю с Дрейком.

Шейн тоже поднялся и повел его к двери.

— К завтрашнему утру у меня будут для тебя неплохие заголовки. Это я обещаю. Если, конечно, ты позаботишься о том, чтобы с дневником ничего не случилось.

— Сделаю все возможное, — пообещал Рурк.

Некоторое время Шейн с лихорадочным блеском в глазах смотрел ему вслед, а потом закрыл дверь. Вернувшись к телефону, он снял трубку и попросил телефонистку соединить его с местным детективным агентством. Когда ему ответили, он сказал:

— Нэд, это ты? Майк Шейн беспокоит. Я никуда не могу отойти, а мне позарез нужно, чтобы кое за кем проследили. У тебя есть свободный чело-

век? Отлично. Тогда записывай: сейчас в городской тюрьме находится Джоэл Кросс, репортер «Дэйли ньюс». Успеваешь? В ближайшее время, скорее всего в течение часа, его навестит первый крючкотвор газеты — адвокат Альфред Дрейк. Я хочу знать, виделся ли Дрейк с Кроссом, и если да, то когда именно. Усек?

Слушая ответ, Шейн глубоко вздохнул.

— Все верно. Пошли туда парня с головой, он должен узнать, кто посещает Кросса. Едва Дрейк появится, твой человек должен мне позвонить сюда и дожидаться меня снаружи, чтобы показать Дрейка, когда тот будет уходить. — Продиктовав Нэду свой номер, он положил трубку и тут же перезвонил Люси Гамильтон.

— Ангел мой, в деле Грота кое-что начинает проясняться, но мне понадобится помощь миссис Грот. Как, по-твоему, ты сможешь привезти ее ко мне в самое ближайшее время, чтобы она помогла найти убийцу ее мужа?

— Конечно, смогу, уверена. А когда, Майкл?

— Лучше всего прямо сейчас... хотя не исключено, что нам всем придется какое-то время подождать. Сейчас точнее сказать не могу.

Шейн бросил трубку еще до того, как Люси успела задать еще хоть один вопрос, и, неожиданно вспомнив, что с самого завтрака у него во рту не было ни крошки, направился на кухню, чтобы приготовить себе что-нибудь на скорую руку.

Глава 16

Через час Шейн допивал уже вторую чашку кофе. Напротив него на диване сидели Люси Гамильтон и миссис Грот. Наверное, в десятый раз после приезда Люси спросила:

— Майкл, все-таки было бы хорошо, если бы ты сказал, чего мы ждем?

— Я ведь уже неоднократно повторял — телефонного звонка.

— От кого? И что тогда произойдет? Если бы мы знали, чего ждать, мы были бы готовы.

Шейн поставил чашку и посмотрел на часы.

— Не исключено, что вообще ничего не произойдет. Если в ближайшее время не позвонят...

В этот момент телефон, стоявший у его локтя, зазвонил. Схватив трубку, он быстро проговорил:

— Шейн слушает.

— Нэд Фрейзер велел позвонить вам, как только адвокат Дрейк приедет к Джоэлу Кроссу, — послышался мужской голос.

— Все верно. Дрейк приехал?

— Только что вошел.

— Ждите у входа, я сейчас подъеду. Буду минут через пять. Вы знаете, как я выгляжу?

— Я вас видел.

— Отлично! — Шейн бросил трубку и вскочил, обернувшись к женщинам. — Мы поедем на моей машине.

Он буквально вытолкнул их из квартиры, запер дверь, и через минуту все трое стояли у его седана, припаркованного у входа в отель. Посадив миссис Грот на заднее сиденье, Шейн сказал Люси:

— Садись рядом со мной. Возможно, тебе придется вести. Сейчас мы остановимся перед тюрьмой и будем ждать, пока оттуда не выйдет один человек, а потом последуем за ним. Если он пойдет пешком, то и я тоже, а ты потихоньку поедешь за нами, не выпуская меня из виду.

— Кто этот человек, Майкл?

— Альфред Дрейк, адвокат. Пока что я даже не знаю, как он выглядит.

Больше Шейн не сказал ни слова, сосредоточившись на езде, и уже через несколько минут притормозил у бордюра перед тюрьмой прямо под надписью «Только для служебных машин».

Едва он вышел из машины, и свет фонаря упал на его лицо, из тени возник человек в потрепанном сером свитере и кепке.

— Вы — Майк Шейн?

— Да.

— А я — Тинкем, от Фрейзера. Ваш человек все еще внутри. Приехал на такси.

Шейн кивнул и отступил в тень. Тинкем последовал за ним.

— На вид Дрейку лет сорок пять, — продолжал он. — Коротко подстриженные седые усы и панамы. Синий саржевый костюм. Рост — пять футов десять дюймов, вес — примерно сто восемьдесят, большой живот...

Шейн снова кивнул, достал пачку сигарет и протянул ее Тинкему. Тот вытащил одну, и они спокойно закурили. Люси, высунув руку из открытого окна машины, потянула Шейна за рукав и прошептала:

— Майкл, зачем ты притащил сюда миссис Грот? Я ничего не понимаю.

— Подожди немного и сама увидишь.

В этот момент из здания тюрьмы вышел полноватый мужчина и начал спускаться по ступенькам. Тинкем слегка толкнул Шейна локтем.

— Это Дрейк, — сказал он и быстро отошел в сторону.

Дрейк остановился на тротуаре и огляделся по сторонам, явно высматривая свободное такси. Тем временем Шейн незаметно обошел свой «бьюик» и тихо скользнул за руль. Буквально через минуту у бордюра притормозила машина желто-канареечного цвета, и адвокат сел в нее.

Шейн завел мотор и, подождав, пока такси не начнет заворачивать за угол, включил фары и поехал за ним. Вскоре такси повернуло на Бискейн-бульвар и остановилось перед зданием, где размещалась редакция «Ньюс».

Пока Шейн медленно проезжал мимо, Дрейк выскочил из такси, протиснулся между двумя машинами к тротуару и исчез за дверью. Шейн довольно кивнул, заметив, что такси осталось на месте.

Выключив мотор, он повернулся к Люси.

— Вот и все. Думаю, Дрейк появится через минуту. Сейчас я сяду в это такси и подожду его. Как только ты увидишь, что он выходит, подведи ко мне миссис Грот. Думаю, ее присутствие мне понадобится.

Подойдя к такси с опущенным флажком и работающим мотором, он спросил у водителя:

— Приятель, хочешь заработать?

— Извини, друг, у меня уже есть клиент. Только что вошел в «Ньюс» и попросил подождать.

Прислонившись к дверце машины, Шейн достал пачку сигарет и протянул ее водителю.

— Спасибо, не курю, — покачал тот головой. — Бросил пару месяцев назад... и запросто! — Он громко щелкнул пальцами. — Прочитал одну книгу, понимаешь? «Как бросить курить». Ее написал один малый... как же его фамилия?.. не то Брин, не то еще как-то... Не попадалась?

— Попадалась, — кивнул Шейн. — Значит, ты бросил курить. Тут один тип недавно написал книгу «Как бросить пить». Вот этой книги я боюсь, как заразы.

На тротуаре за его спиной послышались шаги. Шейн обернулся и встал на пути у адвоката.

— Мистер Дрейк?

— Да, — кивнул тот, настороженно глядя на Шейна. — Простите, но, по моему, мы с вами не знакомы.

— Меня вы не знаете, — согласился Шейн. Увидев, что к такси направляются Люси и миссис Грот, он громко произнес: — Мистер Дрейк, у меня к вам есть дело, и оно касается украденного имущества...

— Украденного имущества? — Адвокат резко выпрямился. — Не понимаю, о чем вы...

— ... принадлежащего миссис Джаспер Грот, — продолжал Шейн. — Речь идет о дневнике, который вы только что вынесли из здания «Ньюс». А вот и миссис Грот, которая требует, чтобы вы вернули ее имущество.

Адвокат ошеломленно уставился на миссис Грот.

— Я абсолютно ничего не понимаю.

— Черта с два! — зарычал Шейн. — Что вы мне голову морочите! Он же у вас с собой, в кармане. — Быстро шагнул вперед и прижав руки Дрейка к его объе-

мистому животу, он потянулся левой рукой к тетради в кожаном переплете, торчавшей из бокового кармана пиджака Дрейка. Выхватив тетрадь и оттолкнув его, Шейн показал дневник миссис Грот. — Миссис Грот, скажите, принадлежала ли эта вещь вашему покойному мужу? Вы узнаете ее?

— Это произвол! — завизжал Дрейк. — «Ньюс» приобрела права на публикацию этого дневника! У меня есть все законные основания...

— А вот этого не надо, Дрейк! По поводу дневника у вас нет ни одного документа, имеющего законную силу, не говоря уже о том, что пока что моему клиенту не заплатили ни цента... Миссис Грот, вы узнаете его?

— Да, это дневник Джаспера. — Со слезами на глазах вдова листала страницы в тусклом свете уличного фонаря.

— Вы напрасно рассчитываете на грубую силу, — предупредил Дрейк. — Сейчас я позову полицейского, и вас арестуют.

— Это будет просто великолепно. На мой взгляд, лучше и быть не может, если в это дело вмешается полиция. Получится отличная статья... Сотрудник уважаемой газеты укрывает краденое имущество, которое к тому же является важной уликой в расследовании дела об убийстве. Что ж, зовите полицию. — Шейн повернулся к миссис Грот. — А вы пока полистайте этот дневник. Он принадлежит вам, и у вас есть на это полное право... Ну, что, Дрейк, зовите полицию?

— Боюсь, я... кажется, не совсем четко представлял...

— Бросьте прикидываться, — перебил его Шейн. Взяв под руки Люси и миссис Грот, он помог им сесть в машину и завел мотор. По-прежнему стоя на тротуаре, Дрейк нерешительно смотрел им вслед.

— Майкл! — изумленно выдохнула Люси. — Но ты же не можешь просто так взять и уехать с ним! Ведь миссис Грот дала согласие на публикацию дневника.

Шейн довольно рассмеялся.

— Я просто обязан с ним уехать. Не забывай, я только что заработал гонорар в тысячу долларов от миссис Мередит. Этого должно хватить, чтобы выйти из тюрьмы под залог, если Дрейк все же решится обратиться в полицию... хотя вряд ли. — Развернув машину, он покотился в сторону дома миссис Грот. — Миссис Грот, этот дневник необходим мне всего на одну ночь. Вы можете мне его доверить?

— Разумеется, мистер Шейн, — сказала та, протягивая ему тетрадь.

— Люси, проводи миссис Грот до дома. Когда будешь уходить, проследи, чтобы она хорошенько заперла дверь... Миссис Грот, ни под каким предлогом не пускайте никого в квартиру. Если будут какие-то звонки или посетители, направляйте всех ко мне.

Вернувшись в свой отель, Шейн запер дверь на два замка, положил тетрадь в кожаном переплете на середину стола и, облизывая губы, некоторое время рассматривал ее с таким видом, будто пробовал нечто вкусное. Открыв ее на титульном листе, он прочел четко выведенную надпись: «Личный дневник Джаспера Грота» и приступил к чтению записей, написанных рукой человека, которого уже не было в живых.

Судя по всему, дневник был начат более полугодом назад, и Шейн нетерпеливо зашуршал страницами, пока не добрался до первой записи, сделанной Гротом после того, как самолет упал в океан, и трое оставшихся в живых оказались на спасательном плоту.

Это был подробный отчет о катастрофе — один из двигателей самолета неожиданно вышел из строя, и экипажу пришлось приложить весь свой опыт, чтобы попытаться посадить самолет на воду во время шторма. Грот давал высокую оценку мужеству Питера Каннингема и с уважением отзывался о его силе воли и решительности, которые позволили им двоим выбраться на надувной спасательный плотик, в то время как все остальные погибли. Именно Каннингем спас раненого Альберта Хоули, и Грот отдавал дань его самоотверженности, учитывая, что присутствие на плоту третьего пассажира уменьшало их и без того скромные шансы на спасение, если принять в расчет весьма скудный рацион воды и продовольствия.

Выяснилось, что с самого начала Хоули был в очень плохом состоянии, и Грот серьезно сомневался, что он сумеет долго продержаться.

Шейн вчитывался в записи с возрастающим интересом.

На третий день пребывания на плоту Грот написал:

«Сегодня утром Хоули стало хуже. После завтрака его рвало кровью, он слабеет на глазах. Я молился за него, но он отказался присоединиться ко мне и искать утешения у Господа. На

рассвете Питу удалось отлить себе немного воды. Я сделал вид, что ничего не заметил».

Позже, в тот же день:

«Хоули угасает на глазах. Повторял за мной «Отче наш». Я верю, что он, наконец, обретет Господа».

Утро четвертого дня:

«Сегодня утром Хоули очень плохо, уверен, что долго он не протянет. Время от времени я молюсь за него и призываю облегчить душу перед Господом, но он упорно отказывается».

Позже, в тот же день:

«Хоули понимает, что умирает. Повторял вслед за мной 23-й псалом, и я уверен, что он обрел успокоение. Мне бы хотелось, чтобы перед неминуемой кончиной он исповедался в своих грехах».

Утро пятого дня!

«Сегодня ночью солдат тихо скончался. Утром я прочитал простую заупокойную молитву и предал его бранные останки морю. Пит притворился спящим, но я не сомневаюсь, что он глубоко потрясен. Теперь у меня на душе большая тяжесть, и мне приходится бороться с этим чувством. Вчера ночью Пит подполз достаточно близко, чтобы услышать часть исповеди умирающего. Не знаю, что именно ему удалось подслушать, но сегодня утром он вел себя довольно странно и несколько раз пытался уговорить меня пересказать ему все, в чем исповедовался умирающий. Да поможет мне Господь принять правильное решение».

Шейн медленно выдохнул и отложил дневник. Значит, Альберт Хоули умер на четвертую ночь. До того, как скончался его дядя Эзра.

Таким образом, миссис Мередит не причиталось ни цента из его наследства!

Он снова взял дневник и тщательно просмотрел его до конца, пытаясь найти дальнейшие упоминания имени Хоули, имеющие отношение к его тайне. Но, увы, вскользь упоминались только «исповедь умирающего» и «спор с Питом, который отказался признаться, что ему удалось подслушать из уст умирающего».

Последняя запись, сделанная за день до того, как их подобрали с плота, гласила:

«Пит всюю стремится доказать, что мы будем круглыми дураками, если упустим такую прекрасную возможность для шантажа. Он признает, что в ту ночь подслушал достаточно, чтобы понять всю важность тайны умершего солдата. Молю Господа, чтобы он дал мне силы выдержать этот соблазн».

Выходит, Грот не рискнул доверить тайну Альберта Хоули страницам дневника. В записях также нигде не упоминалось имя Леона Уоллеса.

Вынужденный примириться с этим фактом, Шейн тяжело вздохнул и захлопнул тетрадь. Значит, Джоэл Кросс все-таки сказал правду. Но теперь Шейну было известно, что Питер Каннингем знал достаточно, чтобы замышлять шантаж, и что Джаспер Грот яростно сопротивлялся этому плану. Все это Шейн допускал и до того, как прочел дневник. Единственный новый факт, который он узнал, заключался в том, что если бы дневник был опубликован, то состояние Эзры Хоули унаследовала бы его семья, а не бывшая жена Альберта.

Сняв телефонную трубку, Шейн позвонил в отель «Бискейн» и попросил соединить его с миссис Мередит.

— Алло, Мэти? Это Майк. Я звоню из дома. Передо мной лежит дневник Грота. Я только что закончил его читать.

Он услышал, как ее дыхание участилось.

— И... когда же умер Альберт?

Шейн усмехнулся.

— Предлагаю вам приехать и прочитать самой. В этом случае вопрос, говорю я правду или нет, отпадет сам собой. Да, и захватите с собой Джейка Симса. После того, как вы оба прочтете дневник, я хочу сделать вам одно предложение.

— Плохи мои дела, не так ли? — почти прошептала миссис Мередит. — Он должен был умереть на один день раньше!

— Приезжайте и убедитесь во всем сами. — Положив трубку, Шейн набрал номер Люси Гамилтон. — Ты уже легла?

— Почти. Чищу зубы.

— Примерно через полчаса мне понадобятся услуги секретарши экстра-класса. Захвати блокнот и приготовься стенографировать.

— Майкл!.. В такое время?!

— Что делать, если до утра это дело не может подождать! — весело сообщил ей Шейн. — В любом случае мне понадобится компаньонка. Ко мне едет миссис Мередит.

— Сейчас буду! — коротко бросила Люси и положила трубку.

Глава 17

Первыми в квартиру Шейна прибыли Мэти Мередит и Джейк Симс. Миссис Мередит, с застывшим лицом и сердито поджатыми губами, тут же потребовала:

— Кончайте ходить вокруг да около, Шейн. Выкладывайте нам всю правду.

Закрыв за ними дверь, Шейн мягко произнес:

— Скоро вы сами все прочтете. Не желаете выпить для поднятия настроения?

— Да черт с ней, с выпивкой! Лучше скажи, как тебе удалось заполучить эту хреновину. — Симс вышел на середину комнаты, шаря по сторонам глазами, по-видимому, пытаясь отыскать дневник. — Сколько человек его читали?

— Чтобы заработать свой гонорар в тысячу долларов, мне пришлось состряпать ложное обвинение в убийстве на одного парня, а потом совершить нападение на уважаемого члена местной коллегии адвокатов. — Слегка оттеснив в сторону Симса, Шейн подошел к столу, выдвинул ящик и достал тетрадь в кожаном переплете. — Насколько мне известно, дневник прочел только Джозел Кросс... и не думаю, что он понимает, насколько важна для миссис Мередит дата смерти Альберта Хоули. Запомните это хорошенько, когда будете читать запись. А после того, как закончите, у меня будет к вам предложение.

Пока он перелистывал страницы, Джейк Симс и его клиентка подошли поближе, алчно, хотя и без особых надежд, разглядывая тетрадь.

Найдя место, где рассказывалось о крушении самолета, Шейн остановился.

— Внимательно смотрите на даты. Вот это первый день после катастрофы. Это второй, третий, четвертый. И, наконец, утро пятого дня. — Он открыл дневник на нужной странице, держа его так, чтобы они могли видеть написанное: «Сегодня ночью солдат тихо скончался».

Мэти Мередит не стала терять времени на дальнейшее чтение. Отступив назад, она с горечью произнесла:

— Мне кажется, я знала это с самого начала. Старалась убедить себя, что мне повезет, но сама себя обманывала...

Симс по-прежнему заглядывал Шейну через плечо, дочитывая страницу. Протянув к дневнику свои похожие на когти пальцы, он прошипел с едва сдерживаемой яростью:

— Дай дочитать до конца! Может быть, я смогу...

— Ну, уж нет! — Шейн бесцеремонно оттолкнул его и, захлопнув дневник, сунул его в боковой карман. — Я заработал свою тысячу, дав вам заглянуть в дневник до его публикации.

В этот момент послышался тихий стук в дверь. Шейн открыл и впустил комнату Люси Гамилтон с объемистой кожаной сумкой через плечо. Ее карие глаза блеснули, когда она увидела миссис Мередит, по-домашнему расположившуюся на диване.

— По-моему, ты просил захватить с собой блокнот.

— Совершенно верно, — кивнул Шейн.

— Следовательно, я приехала по делу, — немного резко сказала Люси.

Удобно устроившись в кресле и подлив себе коньяка, Шейн поясил Люси:

— Только что наша клиентка прочла дневник Грота. Новости для нее неутешительные. Ее бывший муж умер в ночь, предшествующую смерти его дяди. Таким образом, миссис Мередит не является его законной наследницей и не получит ни цента из состояния Эзры Хоули. Думаю, ситуация ясна всем нам. — Он замолчал, окинув взглядом Мэти и Симса.

Симс, продолжавший нервно расхаживать по комнате, с чувством воскликнул:

— Если больше никто не видел этого дневника... что мешает нам уничтожить его прямо здесь, сию минуту?! Не будь этой проклятой тетрадки, Каннингем был бы готов клятвенно подтвердить все что угодно, лишь бы это позволило миссис Мередит получить деньги!

— Не сомневаюсь, что Пит Каннингем готов пойти на лжесвидетельство, чтобы помочь Мэти. Но не забывайте, что Джозел Кросс тоже читал дневник.

— Но ведь он убил дочь Хоули, разве нет? Прямо в этой самой комнате! Я все слышал по радио. Кто обратит внимание на его слова, если он сидит в тюрьме по обвинению в убийстве?

— Не знаю, сколько еще он там пробудет. С другой стороны, — Шейн развел руками, — совсем не факт, что, просматривая дневник, он понимал, какое значение имеет дата смерти. Скорее всего, он вообще не придал этому значения. Стало быть, вполне возможно, что он не будет оспаривать дату... тем более без дневника, который бы подтвердил его слова.

— Именно об этом я и подумал! — горячо воскликнул Симс. — Давайте прямо сейчас сожжем эту проклятую штуковину!

— Не выйдет. В данный момент — это имущество миссис Грот.

— Да брось ты! — сердито фыркнул Симс. — Сколько она может получить от «Ньюс»? Самое большее, несколько тысяч за разрешение на публикацию. А мы можем заплатить ей вдвое... даже втрое больше!

— Что верно, то верно, — согласился Шейн. — Скорее всего, вы сможете уладить с ней этот вопрос за наличные. Но тогда и мне придется заключить сделку со своей совестью. Не забывай, я ведь тоже прочел дневник... и уж, в отличие от Кросса, я-то прекрасно понимаю всю важность даты смерти Хоули...

В комнате наступила тишина. Потом Мэти Мередит подняла голову и, широко раскрыв глаза, звонким голосом спросила:

— И как высоко в данный момент котировается совесть Майкла Шейна?

— А вот в таких делах рубить с плеча нельзя, — ухмыльнулся Шейн. — Тут ведь речь идет не только о моей совести. На карту поставлена моя репутация. Моя репутация. Мое положение в Майами...

— Ладно-ладно, — сварливо проговорил Симс. — Сколько, Шейн? Ты припер нас к стенке, и мы знаем это не хуже тебя.

— Ты прав на все сто, — кивнул Шейн. — Вот я и стараюсь придумать способ защитить себя и в то же время оказать любезность миссис Мередит. Ну и, конечно, подумать о своем будущем... Люси, ты приготовила блокнот?

Все время, пока шел разговор, Люси молча сидела за столом и теперь кивнула, похлопав по сумке, но не сделала ни малейшей попытки открыть ее.

— Майкл, ты не можешь так поступить, — спокойно заявила она. — Скрывать улики, которые содержатся в дневнике, незаконно и бесчестно. Никаких денег на свете не хватит, чтобы заставить тебя пойти на это.

— Люси, что, если ты позволишь мне самому решать подобные вещи? — весело спросил Шейн.

— Не позволю! — вскипела она. — Если эта женщина, которая с улыбочкой развалилась на твоём диване, настолько вскружила тебе голову, что ты готов продать ей свою душу за тарелку похлебки... Ну, нет, я этого не допущу. Все вы говорили и вели себя так, словно меня здесь нет, — яростно продолжала она, чуть не плача. — Так вот, не забывайте, что я — свидетель. Я пойду в суд и заявлю, что Альберт умер раньше своего дяди. И никто меня не остановит.

— Прекрати этот спектакль и достань блокнот, — перебил ее Шейн. — Не забывай, что я все еще плачу тебе жалованье. Сейчас ты запишешь все точно так, как я скажу. Этическую сторону вопроса мы сможем обсудить позже. Доставай блокнот!

Закусив губу, Люси опустила голову, трясущимися руками расстегнула сумочку и достала блокнот и карандаши.

— Текст должен быть очень тщательно продуман, — бесстрастно пояснял Шейн. — Когда все закончится, мне нужен документ, к которому никакой суд не мог бы придаться и отобрать у меня лицензию. Что ж, давайте прикинем. — Отхлебнув коньяк, он откинулся на спинку кресла, помолчал, глядя в потолок, а затем начал диктовать. — Меморандум соглашения между миссис Мэти Мередит, Чикаго, штат Иллинойс, и Майклом Шейном, частным детективом, Майами, штат Флорида. Дата сегодняшняя. Абзац.

Миссис Мередит, бывшая супруга Альберта Хоули и его законная наследница, настоящим поручает Майклу Шейну, частному детективу с лицензией, собрать для нее необходимые улики с тем, чтобы доказать на суде, что ее бывший муж является законным наследником своего дяди Эзры Хоули после смерти вышеупомянутого Эзры Хоули.

Если Майкл Шейн добьется успеха в своем расследовании, и если Альберт Хоули официально будет признан законным наследником Эзры Хоули и на основании этого унаследует состояние покойного Эзры Хоули, то за его услуги, способствовавшие достижению желаемого результата, миссис Мередит обязуется выплатить Майклу Шейну одну четверть состояния Эзры Хоули... э... после отчисления налога на наследство... Люси, здесь должно быть четко указано, что мой гонорар является четвертью той суммы, что останется после уплаты государственного и федерального налогов... Мэти, как, по-вашему, это достаточно честно? — осведомился он, в то время как карандаш Люси стремительно скользил по бумаге.

— На мой взгляд, это просто грабеж среди бела дня! — От возмущения миссис Мередит даже поперхнулась. — Четверть всего?! Боже, да после всех налогов там останется чуть больше миллиона!

— Насколько я понимаю, четверти этой суммы вполне хватит, чтобы обеспечить нам с Люси уютное гнездышко на старость.

— Это неслыханно! — взорвался Джейк Симс. — Четверть миллиона долларов всего лишь за то, чтобы уничтожить какой-то жалкий дневник!

— В соглашении ничего не говорится об уничтожении дневника, — сухо напомнил ему Шейн. — Здесь не указано, в чем именно будут заключаться мои услуги. Конечно, я не юрист, но мне кажется, это защитит нас с вами от любых обвинений и подозрений в соучастии.

— Соглашение составлено очень умно, — признал Симс. — Замени свое первоначальное абсурдное требование на десять... или даже двадцать тысяч, и я посоветую моей клиентке сразу же подписать его.

Шейн похлопал по карману с дневником.

— Или четверть наследства, или ничего. — Повернувшись к миссис Мередит, он сказал: — То же самое относится и к вашей доле. Три четверти... или ничего. Неужели вы предпочтете ничего? Одно ваше слово, и Люси порвет свои записи. Но учтите — не успеете вы выйти из отеля, как я передам дневник начальнику полиции в качестве улики по делу о двух убийствах.

Пока она раздумывала, Джейк Симс, злобно глядя на него, проворчал:

— Миссис Мередит, он говорит серьезно. Я этого Шейна знаю. Если вы не подпишете соглашение, он запросто это сделает.

— А тогда и Джейк своей доли не получит, — сочувственно заметил Шейн. — Ну, Мэти, решайте.

— Я подпишу... черт бы побрал вашу алчную душу! Если бы только я не наняла вас для розыска этого дневника...

— Совершенно верно, — кивнул Шейн. — Тогда бы вам не пришлось столкнуться с подобной ситуацией и принимать решение. Моя машинка в спальне, — обернулся он к Люси. — Сделай три экземпляра и оставь место для подписей — миссис Мередит, моей, а в качестве свидетелей, подтверждающих наши подписи, распишетесь вы с Симсом.

Вдруг Люси Гамильтон положила карандаш и, четко выговаривая каждое слово, сказала:

— Майкл, я этого делать не буду.

— Что значит — не буду? — нахмурился Шейн.

— То и значит, не буду и все. И тебе не дам. Майкл, если ты на это решишься, то потом всю оставшуюся жизнь будешь себя за это ненавидеть. Неужели не понимаешь? По сути, ты же ворующий деньги у законных наследников, у Хоули, которым они принадлежат по праву. Это самое настоящее воровство. Ты не можешь пойти на это. Я тебе не позволю!

Вскинув брови, Шейн внимательно разглядывал ее раскрасневшееся лицо.

— Ангел мой, ты верила мне раньше. Поверь и на этот раз.

— Как я могу?! — Это был отчаянный крик, исходивший, казалось, из глубины души. — Это же неприкрытый обман. Мне все равно, о каких деньгах идет речь — о четверти цента или четверти миллиона. Прошу тебя! Если тебе хоть чуть-чуть не все равно, не делай этого.

Шейн медленно покачал головой.

— Видишь ли, ангел мой, я просто не могу упустить такого случая. Другого такого может никогда не представиться. Поэтому будь умницей и напечатай соглашение в трех экземплярах. Даю слово, ты никогда не пожалеешь об этом. Ведь речь идет о четверти миллиона долларов! — В его голосе слышалось чуть ли не благоговение.

— Будь я проклята, если сделаю это! — Люси отчаянно замотала головой, и по ее щекам потекли слезы. Схватив блокнот, она вырвала страницы со стенограммой и, разорвав их на мелкие клочки, швырнула на пол.

Шейн шагнул к ней и схватил ее за плечо.

— Прекрати немедленно! Ты совсем потеряла голову.

— Да! — воскликнула она. — Впервые за много лет я потеряла голову. Знаете что, Майкл Шейн? Я вас ненавижу и презираю. Мне все равно, что вы на это скажете, но я не позволю вам проделывать над собой такие вещи.

— Кое-что ты забыла, Люси, — холодно произнес Шейн. — Ты — моя секретарша... а не жена, так что, прекрати...

— Слава Богу, что я всего лишь секретарша, — простонала она сквозь слезы. — Потому что я могу хотя бы уволиться, и я увольняюсь. Прямо сейчас. Я не вышла бы за вас замуж, Майкл Шейн, даже если бы вы были последней мужчиной на свете... и не останусь вашей секретаршей даже за миллион в неделю! — Стряхнув его руку, она бросилась к двери и захлопнула ее за собой с таким грохотом, что, казалось, затряслась вся комната.

Некоторое время Шейн стоял, глядя на закрытую дверь, потом пожал плечами и спокойно сказал:

— Что ж, нам повезло, что я неплохо печатаю одним пальцем. Дайте мне десять минут, и наше соглашение будет готово.

Он повернулся и направился в спальню, где в углу стояла портативная пишущая машинка.

Глава 18

На следующий день Майкл Шейн проснулся на рассвете. Заметив в окне робкие лучи солнца, он посмотрел на часы, чтобы убедиться, действительно ли так рано, как кажется, затем сердито откинув одеяло, вскочил с кровати, босиком прошлепал на кухню и поставил кофейник на плиту. А потом вернулся в гостиную, чтобы позвонить в аэропорт и убедиться, что самолет компании «Мид-Американ» из Чикаго прибывает по расписанию. Быстро одевшись и выпив две чашки кофе, щедро разбавленного коньяком, он мысленно прокрутил свои планы на утро, снова и снова напоминая себе, что на карту поставлено четверть миллиона долларов. Если его невероятная догадка подтвердится, он должен довести это дело до конца, независимо от того, есть теперь у него секретарша или нет.

Шейн приехал в аэропорт в 8.20, узнал, где следует встречать прибывающих рейсом из Чикаго, и, протолкавшись сквозь толпу встречающих, оказался там как раз в тот момент, когда самолет, уже приземлившийся на дальней полосе, выруливал к зданию аэропорта.

Перед загородкой прохаживался служащий в форме. Большая надпись над его головой гласила: «Выходить на летное поле строго воспрещается».

Нащупав в кармане пиджака пятидолларовую банкноту и зажав ее в кулаке так, чтобы между пальцев был виден лишь ее уголок, Шейн тихо сказал служащему:

— Мне позарез надо перекинуться парой слов со стюардессой с чикагского рейса, пока она не ушла. Что, если я потихоньку пройду, когда начнут выходить пассажиры?

Тот понимающе усмехнулся, но отрицательно покачал головой. Однако, увидев цифру «5» на зеленой бумажке, торчавшей из кулака Шейна, застыл, потом пожал плечами и пробормотал:

— Я думаю, можно, только подождите, пока пойдет толпа.

Деньги незаметно перешли из рук в руки. Детектив спокойно ждал у барьера, глядя на летное поле. Наконец, самолет остановился прямо напротив сектора, где стоял Шейн, дверь пассажирского салона открылась, и на пороге показалась стройная фигурка стюардессы, которая радушно улыбалась, прощаясь с каждым выходящим пассажиром.

Когда проход открыли, Шейн посторонился, пропуская наиболее шустрых, а затем незаметно скользнул за барьер и, прокладывая себе дорогу сквозь плотную толпу, зашагал к самолету. Он оказался у трапа как раз в тот момент, когда спускались последние пассажиры, и помахал шляпой, привлекая внимание стюардессы.

— Вам не передавали посылку для Майкла Шейна?

Она с любопытством окинула взглядом его рыжую шевелюру, кивнула и, приложив палец к губам, исчезла за дверью. Через секунду стюардесса появилась вновь, держа в руках тонкий продолговатый пакет, завернутый в коричневую бумагу, и торопливо сбежала вниз по ступенькам.

— Вообще-то, это запрещено, — чуть запыхавшись, проговорила она, — но тот человек в Чикаго объяснил, что вы — знаменитый сыщик и как все это важно, и я подумала, ладно...

— Вы подумали правильно, — тепло улыбнулся Шейн и понял, что не стоит унижать девушку, предлагая ей деньги. — От содержимого этого пакета зависит дело об убийстве. Подробности читайте в дневном выпуске «Ньюс».

— О, конечно! — Девушка протянула ему посылку от Бена Эймса и побежала вверх по трапу, чтобы закончить работу, которую обычно делают стюардессы после окончания рейса.

Часы показывали начало десятого, когда Шейн с нераспечатанным пакетом под мышкой вышел из лифта и направился к своей конторе. Еще из коридора он заметил, что дверь слегка приоткрыта, и, проворно подскочив к ней, рывком распахнул ее настежь.

В маленькой приемной за низкой перегородкой сидела Люси Гамильтон. Склонившись над выдвинутыми ящиками стола, она вытаскивала свои вещи и складывала их в стоявшую рядом на стуле большую плетеную хозяйственную сумку.

Она медленно выпрямилась, глядя на приближающегося Шейна.

— Вы сегодня рано, мистер Шейн. А я-то надеялась, что успею разобрать свой стол и уйти до вашего прихода.

Остановившись у перегородки, Шейн со злостью сказал:

— Люси, прекрати немедленно! Черт возьми, ты прекрасно знаешь, что не увольняешься.

— Совершенно верно, не увольняюсь, потому что уже уволилась. — Она натянуто улыбнулась. — Вчера вечером, припоминаете? Или вы были настолько поглощены этой поганой миссис Мередит и ее взяткой в четверть миллиона, что ничего не расслышали?

— Давай забудем об этом. Послушай, ты была не в духе и сама не понимала, что говоришь. Наверное, ты имела право сердиться, но ты же знаешь, что без тебя здесь все развалится, я просто не смогу вести дела в конторе.

— После того, как вы обделаете это денежное дельце, вам вообще никакой конторы не понадобится. Вы же собирались закрыть свой бизнес, жить на проценты и покупать своим подружкам голубые лимузины и норковые шубки.

Она повернулась к нему спиной и начала рыться в нижнем ящике.

Шейн едва сдержался, чтобы не выругаться. Перегнувшись через перегородку, он положил свою тяжелую руку ей на плечо и прорычал сквозь зубы:

— Пока что я не ушел в отставку. Сегодня утром мы — еще на службе в конторе, где надо работать и раскрыть пару убийств. А после этого можешь убираться ко всем чертям. Но сейчас тебе предстоит вкалывать. Утреннюю почту уже принесли?

Люси не обернулась, но Шейн почувствовал, как ее хрупкое тело задрожало.

— Десять минут назад, — сдавленным голосом сказала она. — Я оставила ее на столе... не распечатывая.

— Зайди, пока я буду вскрывать почту, — не терпящим возражений тоном приказал Шейн. — Если есть новости от миссис Уоллес, действовать придется в темпе.

Он повернулся и, не оглядываясь, прошел в свой кабинет.

Аккуратная пачка писем лежала на столе напротив кресла. Положив рядом пакет от Бена Эймса, Шейн начал перебирать письма, пока не наткнулся на конверт с обратным адресом миссис Леон Уоллес в верхнем левом углу.

Облегченно вздохнув, Шейн отложил конверт в сторону и взял посылку Эймса. В этот момент в кабинет вошла Люси с пылающими щеками и высоко поднятой головой.

— Если вы, Майкл Шейн, хотя бы на секунду вообразили себе...

— Хватит! — резко перебил ее Шейн, разрывая заклеенную скотчем коричневую бумагу. — Здесь у меня фотография мистера Мередита, сделанная вчера вечером в Чикаго. А в этом письме от миссис Уоллес должна быть фотография ее мужа и пустые конверты, в которых ей присылали деньги в течение всего прошлого года. Давай-ка, откроем их и посмотрим.

Люси поджала губы и, забыв о своей обиде, с возрастающим интересом обошла вокруг стола, чтобы взять письмо.

Шейн сорвал обертку с пакета, вытащил глянцевую фотографию, лежащую между двумя листами картона, и, положив ее на стол, начал внимательно изучать. На ней в полный рост был изображен стоявший на пороге дома стройный невысокий молодой человек. На его лице застыло изумленное выражение, ясно говорившее о том, что вспышка фотоаппарата застала его врасплох.

Тем временем Люси извлекла из конверта свадебную фотографию в дешевой картонной рамке размером четыре на шесть дюймов и молча положила ее рядом с первым снимком. Сияющей невестой несомненно была миссис Уоллес, только выглядевшая на пару лет моложе, еще до рождения близнецов. Рядом, возвышаясь над ней дюймов на шесть, прямо в камеру улыбался широкоплечий молодой человек с крепким квадратным подбородком.

Шейн перевел взгляд с одной фотографии на другую и медленно покачал головой.

— Посмотри, у них есть хоть какое-нибудь сходство? Черт возьми, не может же человек так сильно измениться всего за каких-то два-три года!

— Разумеется, между ними нет никакого сходства. Ты сказал, что это фото мистера Мередита. Это за него вышла жена Хоули после развода? Думаешь, что на самом деле она вышла за Леона Уоллеса... но под чужой фамилией?

— Вполне естественное предположение. — Отступив на шаг, Шейн продолжал сосредоточенно разглядывать фотографии. — Он был садовником у Хоули и бесследно исчез как раз в то же время, когда она получила развод... и посылал жене деньги на воспитание детей. Куда же еще он мог деться, как, смывшись от жены, не жениться на Мэти?

— Не знаю, — задумчиво произнесла Люси. — Во всяком случае, на этой фотографии — совсем не мистер Мередит.

— Что верно, то верно, не похож, — кивнул Шейн. — А где конверты?

Пошарив в пакете, Люси извлекла оттуда три длинных проштемпелеванных конверта, как две капли воды похожих на тот, что прошлым утром им показывала миссис Уоллес. На всех чернилами был надписан адрес: «Миссис Леон Уоллес, Литтлборо, штат Флорида», однако обратного адреса не было ни на одном. На почтовых штемпелях стояло «Майами», даты прошлогодние, но с трехмесячными интервалами.

Шейн внимательно изучил три пустых конверта, и неожиданно его глаза загорелись.

— У нас остался первый конверт от Уоллеса? — взволнованно спросил он. — Тот, что она нам показывала в первый раз?

— Да. Я подшила его в папку вместе с письмом. — На какое-то время забыв, что она больше не секретарша Майкла Шейна, Люси быстро подошла к своему столу и тут же вернулась с первым конвертом, который положила рядом с остальными.

Не было сомнений в том, что почерк на всех четырех конвертах принадлежал одному и тому же человеку, но, приглядевшись повнимательней, Шейн выяснил еще один любопытный факт.

— Хотя я и не эксперт в таких делах, — медленно сказал он, — но готов поклясться, что все четыре конверта были надписаны в один и тот же день, той же ручкой и чернилами. Что ты на это скажешь, ангел мой? Все они выцвели в одинаковой степени.

Люси облокотилась на стол рядом с ним, прижавшись плечом к его руке, и через секунду возбужденно вскинула голову.

— Майкл, по-моему, ты прав! Конечно же, адрес на всех конвертах надписан в одно время. — Она настороженно и даже испуганно посмотрела на Шейна. — Но что все это значит?

— Только одно! — мрачно ответил Шейн. — Эти три конверта не являются свидетельством того, что Леон Уоллес находился в Майами... когда они были отправлены его жене... или даже, что он был в то время жив. — Он опустил голову, на его щеках залегли глубокие складки. — Боюсь, нам придется огорчить миссис Уоллес.

— Хочешь сказать... ты думаешь, что он мертв?

— Если все конверты надписаны заранее, а я в этом уверен, то из этого следует, что он не рассчитывал сам отправлять из Майами свои «алименты».

Зазвонил телефон, и Люси машинально подняла трубку.

— Майкл Шейн, расследования... да, шеф, он здесь. — Прикрыв трубку ладонью, она шепнула: — Джентри. И, по-моему, ужасно зол.

— Привет, Уилл, — только и успел сказать Шейн, как его сразу же перебил кипящий от негодования голос Джентри:

— Черт бы тебя побрал, Майк, ты все-таки облажал дело об убийстве этой самой Беатрис Мини! И теперь все так запуталось, что мы никогда не дойдем до суда. И сдается мне, Майк, я знаю, почему ты это затеял. Если это подтвердится, я просто вышвырну тебя из Майами. И на этот раз я не шучу.

— Погоди, Уилл. Что стряслось?

— Что стряслось?! — взревел Джентри. — А как насчет липового опознания Джоэла Кросса, на которое ты подбил лифтера из своего отеля? Теперь-то он, конечно, все отрицает. Но когда сегодня утром мы привели в чувство Джеральда Мини, он заявил, что направлялся к тебе за своей женой, заглянул по дороге в бар и надрался до полной отключки... Короче, сегодня я устроил опознание по всем правилам и поставил его вместе с Кроссом и другими. А потом вызвал Мэтью. И знаешь, что он сказал?

— Что? — со вздохом спросил Шейн.

— Что теперь он вообще никого не может опознать. Он все путает. Говорит, что это был один из них, но вот кто именно... Лично я считаю, что ее прикончил Мини, но мы никогда этого не докажем, если его адвокаты приведут Мэтью в суд и вытащат на свет историю первого опознания Кросса.

— Да, Уилл, вот незадача. Но когда человек допускает неумышленную ошибку...

— Неумышленную ошибку?! — взвился Джентри. — Черта с два! Сопоставив факты, я понял, что Кросс абсолютно справедливо обвинил тебя в том, что ты заставил Мэтью опознать его. И, клянусь Богом, только для того, чтобы упрятать его за решетку как раз на столько, чтобы ты успел добраться до дневника Грота.

— Уилл, как ты догадался? — Голос Шейна по-прежнему оставался ровным и спокойным.

— Это было не так уж сложно. Пара намеков Тима Рурка... Плюс жалоба адвоката Альфреда Дрейка, на которого вчера вечером, сразу же после посещения Джоэла Кросса в тюрьме, напали и отобрали ценное имущество. Майк, клянусь, в последний раз тебе удастся с помощью полиции Майами прокручивать свои делишки! И если мы не получим обвинения по делу Мини...

— Подожди, Уилл! — резко перебил его Шейн. — Я готов за тебя связать это в один узел... вместе с убийством Джаспера Грота. Если тебе нужно решение по обоим делам, приезжай прямо сейчас ко мне в контору. Возьми с собой Кросса и Джеральда Мини. И пригласи Гастингса, это семейный адвокат Хоули. Не думаю, что он приедет, если его приглашаю я.

— Всего-то? А больше тебе никто не нужен? — с сарказмом спросил Джентри.

— Об остальных я сам позабочусь. — Шейн бросил трубку и повернулся к Люси. — Дозвонись до Тима Рурка.

С любопытством взглянув на Шейна, она сняла трубку и набрала номер. По опыту Люси хорошо знала, что в такой ситуации с ним лучше не спорить. Выражение его лица, голос, манера поведения — все говорило о том, что он на верном пути и не остановится, пока не доведет дело до конца.

— Тимоти Рурка, пожалуйста, — мягко попросила она в трубку. — Тим? С тобой хочет поговорить Майк.

Шейн нетерпеливо выхватил из ее рук трубку и прорычал:

— Хорошо из тебя друг, нечего сказать! Джентри вот-вот отберет у меня лицензию, и все из-за твоих дурацких намеков насчет опознания Кросса. Ладно, ладно. Да, я хотел добраться до дневника Грота, а Кросс оказался болваном, как я и предполагал... Заголовки мы сочиним за десять минут у меня в конторе. Приезжай побыстрее. И захвати позавчерашний номер «Геральда». Да-да, со статьей о том, как спасли Грота и Каннингема. Нет, «Ньюс» я не читал. Не видел я никакой статьи... но я точно знаю, что в «Геральде» есть все, что мне нужно. — Закончив разговор, он сел в кресло и обратился к Люси: — Чтобы вся компания была в сборе, нам не хватает еще троих. Свяжись-ка с миссис Мередит или Джейком Симсом и скажи, чтобы поторапливались, если их все еще интересует миллион долларов. Да, и пусть прихватят с собой Питера Каннингема. Передай им, что без его показаний ничего не выйдет.

Люси Гамильтон потянулась к трубке, но, коснувшись ее, застыла, и ее пальцы задрожали.

— Майкл! Ты так и не отказался от этой авантюры? Я думала... то, как ты вел себя минуту назад... мне казалось...

— Что ты думала, ангел мой?

— Что ты передумал и решил с ними не связываться. Неужели ты готов согласиться на взятку ради этой негодяйки? Майкл...

— Ты будешь ей звонить или нет?

— Нет уж, своими грязными делами занимайся сам.

— О'кей. Когда все это закончится, я помогу тебе освободить стол от вещей. — И, подняв трубку, Шейн набрал номер.

Глава 19

Все приглашенные собрались в кабинете Майкла Шейна. Стоя в проеме двери, ведущей в приемную, он буквально возвышался над гостями.

— Я не отниму у вас много времени, — начал он. — Нам необходимо выяснить обстоятельства двух убийств и неожиданного исчезновения, а также установить законного наследника состояния Эзры Хоули, общая сумма которого составляет около двух миллионов долларов. Каждый из присутствующих заинтересован в решении хотя бы одного из этих вопросов.

Все сводится к дневнику, который Джаспер Грот вел на спасательном плоту, где он оказался после авиакатастрофы, в результате которой в живых осталось только трое. И он, и Беатрис Мини были убиты из-за дневника, а также из-за тайны, которую открыл Гроту молодой солдат по имени Альберт Хоули, умерший на плоту прежде, чем подоспела помощь.

Большинство из вас знают, что Эзра в своем завещании назвал Альберта Хоули своим единственным наследником при условии, если тот переживет своего дядю. Дядя умер на пятый день после аварии самолета. Именно поэтому чрезвычайно важно установить — умер ли молодой Хоули на четвертый день или дожил до пятого. И в дневнике Грота содержались неопровержимые доказательства того, когда наступила смерть. Первоначально складывалось впечатление, что Грота убил кто-то из двух группировок, за-

интересованных в сокрытии истины ради получения наследства, — либо кто-то из семьи Хоули, либо миссис Мередит, законная наследница Альберта Хоули. Но этой теории мешает одно обстоятельство — Грот был убит в ночь накануне оглашения условий завещания Эзры... то есть предположительно раньше, чем обе стороны могли осознать, насколько важное значение имеет для них дата смерти Альберта.

Это вплотную подводит нас к предсмертному признанию, сделанному Гроту и, по крайней мере, частично подслушанному Каннингемом. Джоэл Кросс, один из двух присутствующих, читавших этот дневник, подтвердит, что признание касалось некой тайны семьи Хоули. А это давало Гроту и Каннингему прекрасную возможность для шантажа, решились ли они на это.

Но Грот был глубоко порядочным человеком, я бы даже сказал, в своем роде религиозным фанатиком, и решительно отверг предложение Каннингема шантажировать семью Хоули с помощью дневника.

— Это ложь! — перебил его Каннингем. — Вы не сможете доказать ни слова!

— Думаю, что смогу, — спокойно ответил Шейн. — Днем накануне убийства Грот позвонил миссис Леон Уоллес в Литтлборо и сообщил, что у него есть сведения о ее муже, исчезнувшем год назад при невыясненных обстоятельствах. Он тогда работал садовником у Хоули. Также Грот договорился по телефону о встрече с Беатрис Мини у нее дома в восемь вечера, чтобы поговорить с ней о ее брате и Леоне Уоллесе. В тот же вечер он был убит, после того, как вышел из такси у дома Хоули. Убили его, чтобы помешать поговорить с Беатрис.

Я взял на себя труд сообщить вам обстоятельства этого дела, поскольку кое-кто из вас уже знает некоторые факты. Но лишь убийца знает все. Кто знал о содержании дневника до того, как Грот был убит? Джоэл Кросс и Питер Каннингем. Все просто. В ту ночь один из них убил Грота, а затем и Беатрис Мини у меня в отеле, чтобы она не рассказала мне о том, что видела.

— Тогда это он, — ухмыльнулся Каннингем, ткнув пальцем в Кросса. — Когда вы вышли из номера миссис Мередит и отправились на встречу с миссис Мини, я оставался с миссис Мередит в номере отеля «Бискейн». Насколько мне известно, миссис Мини была уже мертва, когда вы приехали. Спросите миссис Мередит, и она подтвердит, что я был с ней.

— Обязательно спросим, — заверил его Шейн, — но сначала я бы хотел раз и навсегда выяснить одну вещь. Вчера, допрашивая Кросса в связи с убийством Беатрис, я напрямик спросил его, упоминал ли Грот в своем дневнике имя Леона Уоллеса. Он ответил отрицательно, однако отказался показать дневник, когда я сам захотел в этом убедиться. Что ж, тем не менее я прочел его... и оказалось, что Джоэл Кросс сказал правду. Имя Уоллеса не упоминается там ни разу. — Вытащив из бокового кармана дневник Грота в кожаном переплете, Шейн бросил его на стол прямо перед Уиллом Джентри. — Если хочешь, Уилл, можешь сам убедиться.

При виде дневника Джейк Симс всколыхнул яростным возгласом. Мэти Мередит продолжала сидеть неподвижно, словно каменное изваяние. Лишь глаза выдавали чувства, бушевавшие в ее душе.

Шейн улыбнулся Симсу, глядя, как адвокат Гастингс, потеряв самообладание, попытался схватить дневник, который Джентри накрыл своей тяжелой ладонью.

— Это же вещественное доказательство, шеф! — в отчаянии воскликнул Гастингс. — Вы что, не поняли, что сказал мистер Шейн? Судьба двухмиллионного состояния зависит от того, на четвертый или пятый день умер Альберт Хоули!

— Почему бы вам просто не спросить у Каннингема? — предложил Шейн. — Сдается мне, он готов присягнуть, что это произошло на пятый день... и тем самым отдать наследство миссис Мередит.

Каннингем издал какой-то сдавленный звук и уставился на дневник.

— Это произошло, когда... — Он укоризненно посмотрел на Симса. — Но, по-моему, вы скажете, что Шейн...

— Заткнитесь! — прорычал Симс. — Это какая-то ловушка. Не позволяйте Шейну...

— Дай ему сказать, Джейк, — предложил Шейн. — Он согласился дать нужные вам показания после того, как ты заверил его, что дневник не будет фигурировать в качестве вещественного доказательства, и его нельзя будет уличить во лжи. Стыдно, Джейк. Ты думал, что можно подкупить такого сознательного гражданина, как я, с целью сокрытия улики. Посмотри сам, Уилл, — обратился он к Джентри. — Это где-то в середине. Мистеру Гастингсу будет очень приятно узнать, что смерть Альберта наступила на четвертую ночь... раньше, чем умер Эзра Хоули.

И вот прежде, чем закончить это дело, я хочу провести еще один маленький эксперимент. Тим, дай-ка сюда тот номер «Геральда».

Рурк оторвался от записи лишь для того, чтобы вытащить из кармана сложенную газету и протянуть ему, а потом снова бешено застрочил в блокноте. Шейн развернул газету на передовице, посвященной спасению пострадавших, и показал ее Каннингему, указав на фотографию Альберта Хоули, которую сотрудники «Геральда» специально для этого случая распечатали в редакционном архиве.

— Каннингем, вы узнаете этого человека?

Стюард нервно облизал губы, глядя на фотографию и подпись под ней.

— Конечно, — прохрипел он. — Это Альберт Хоули. Вы что, не видите, что здесь написано?

— Я-то знаю, что здесь написано. Но я хочу, чтобы вы подтвердили, что именно этот солдат умер на плоту, где находились и вы с Гротом.

— Разумеется, это он, — пробормотал Каннингем. — Альберт Хоули. Неужели я бы не узнал его после того, как провел с ним четыре дня на этом проклятом плоту?

— Конечно, конечно, — спокойно согласился Шейн. — Если бы не одно обстоятельство — вчера вечером Альберта Хоули сфотографировали в Чикаго, где он проживает под именем Теодора Мередита. — Вытащив присланную Беном Эймсом фотографию, он положил ее перед Джентри. — Уилл, на плоту умер не Альберт Хоули. Умер солдат, выдававший себя за Хоули. А на самом деле это был Леон Уоллес. А вот его фотография. — Он выложил свадебную фотографию четы Уоллесов рядом со снимком Хоули. — Ведь этот больше похож на гибшего?

В этом и заключалась тайна, которую поведал Гроту умирающий солдат, — продолжал Шейн, обращаясь к Джентри. — Обрати внимание, после смерти солдата Грот больше не называет его Хоули. Он пишет просто «солдат». Старая леди Хоули очень не хотела, чтобы ее драгоценного мальчика призвали в армию, и она договорилась с садовником, что тот отслужит вместо ее сына. А чтобы миссис Уоллес держала язык за зубами, она выслала ей десять тысяч долларов и еще по тысяче каждые три месяца в конвертах, заранее надписанных Уоллесом. Тут и Мэти помогла — оформила в Рино развод с Хоули, а потом снова вышла за него, но уже как за Мередита. Мне следовало бы догадаться об этом уже тогда, когда я узнал, что Альберт Хоули после развода изменил условия своего завещания, однако оставил все имущество своей бывшей жене. Только таким образом он мог унаследовать деньги Эзры, не открывая истины, и избежать ответственности за уклонение от призыва. Мне это пришло в голову с самого начала... разведенный муж оставляет все своей бывшей жене... но тогда я не смог оценить важность этого факта.

В кабинете наступила тишина, и взгляды всех присутствующих обратились на миссис Мередит. Она повела плечами и резким голосом нарушила тишину:

— Ну, так вот. Я никогда не думала, что Альберту удастся выкрутиться. Все это придумала его мать и на свои деньги наняла Леона Уоллеса, чтобы он пошел в армию вместо Альберта. С самого начала я была против этой затеи, но я любила Альберта и, в конце концов, согласилась развестись с ним и снова выйти за него, но уже под другим именем. Полагаю, я не нарушила закон, — холодно улыбнулась она.

— Все это очень интересно, — мрачно проговорил Джентри. — Со стороны федеральных властей против Хоули будет возбуждено уголовное дело за уклонение от призыва. Но давайте все-таки вернемся к двум убийствам, совершенным здесь, в Майами. Майк, ты только что сказал, что это сделал либо Кросс, либо Каннингем. Я уже установил, что в обоих случаях у Кросса нет никакого алиби, так что, если оно есть у Каннингема...

— Конечно, есть! — вскрикнул Каннингем. — Я ведь уже говорил, что, когда пристукнули эту дамочку, я находился в номере миссис Мередит. Шейн это подтвердит. Я был там, когда он отправился к себе домой на встречу с ней.

— Верно, — добродушно согласился Шейн. — Но возникает вопрос — как долго вы оставались с миссис Мередит после моего ухода?

— По крайней мере, полчаса. Она подтвердит. — Каннингем повернулся к Мэти. — Мы же вчера об этом говорили, и вы подтвердили, что принесли мне выпивку и...

— Пусть она сама расскажет! — резко перебил его Шейн. — Не исключено, что миссис Мередит собиралась дать ложные показания... вчера вечером, — пояснил он Джентри. — Тогда ей казалось, что его показания помогут доказать, что ее бывший муж умер не раньше пятого дня после катастрофы. Но теперь все это теряет смысл, потому что мы знаем, что на самом деле на плоту умер Уоллес. Интересно, пойдет ли она на это сегодня, и лишь для того, чтобы спасти Каннингема?

— Глупости, — холодно ответила миссис Мередит. — У нас даже речи не шло о лжесвидетельстве или каком-то алиби. Но даже мистер Шейн не может отрицать, что, когда он поехал к Беатрис, мистер Каннингем был у меня в номере. По-моему, для алиби этого вполне достаточно.

— Было бы достаточно, — кивнул Шейн, — если бы прямо от вас я поехал к себе в отель. Но этого не произошло. У меня ушло пятнадцать-двадцать минут на то, чтобы узнать у детектива отеля ваш чикагский адрес и отправить от вашего имени телеграмму вашему мужу. Каннингему хватило бы времени опередить меня и задушить Беатрис... если только он не оставался у вас хотя бы полчаса.

— Ничего подобного, — спокойно возразила она. — Едва вы вышли из комнаты, он пробормотал что-то о неотложной встрече и быстро уехал. Мне и в голову не пришло, что он мог что-то сделать с Беатрис, — с невинным видом продолжала она, — поскольку я была уверена, что вы поехали прямо к ней, и она была бы в безопасности. Но я не собираюсь лгать, чтобы защитить убийцу.

Из горла Питера Каннингема вырвался какой-то сдавленный звук, и он бросился к ней, угрожающе расставив руки.

— Это все вранье! Джаспер Грот был моим лучшим другом, а против этой Мини я вообще ничего не имел.

— Это единственный возможный вариант, Уилл, — сказал Шейн. — Кросс не имел мотивов для убийства Грота. Черт возьми, ему же до смерти хотелось купить дневник для своей газеты. Но Каннингему пришлось убить Грота, чтобы не упустить возможность нажиться на истории с Леоном Уоллесом. А затем ему пришлось убить Беатрис, когда он узнал, что она ждет меня в отеле. Фактически я преподнес ему Беатрис на серебряном блюдечке, — мрачно закончил он. — Уилл, только присмотришься к нему повнимательнее! Неужели не видишь, что он куда больше подходит под описание Мэтью, чем Кросс или Мини? Неудивительно, что сегодня утром Мэтью смешался и не смог с уверенностью опознать ни одного из них. Организуй опознание Каннингема и увидишь, каков будет результат.

Глава 20

Когда кабинет, наконец, опустел, Майкл Шейн подошел к окну, выходившему на переполненную Флеглер-стрит, и, стоя спиной к открытой двери в приемную, несколько минут напряженно прислушивался, пытаясь уловить хотя бы шорох, но так ничего и не услышал.

Глубоко вздохнув, он протянул палец к кнопке селектора на столе, некоторое время раздумывал, а потом пожал плечами и твердо нажал на кнопку.

Когда на пороге появилась Люси, ее прическа была в беспорядке, а на лице застыло ошеломленное выражение.

— Майкл, прости меня, — тихо сказала она.

— За что? — широко улыбнулся он.

— За те ужасные вещи, которые я наговорила тебе вчера вечером. За то, что вела себя, как последняя дура — ты просил меня поверить тебе, а я... О, Майкл, я даже не знаю, сможешь ли ты меня простить! — Бросившись к нему, она уткнулась ему в плечо, сотрясаясь от рыданий.

Крепко обняв ее за талию, Шейн грубовато сказал:

— Ну, будет, будет. Ангел мой, тебе не о чем волноваться. Мы все-таки провернули это дело.

— Но ведь ты мог хотя бы намекнуть мне, — всхлинула она. — Почему ты позволил мне поверить, что собираешься уничтожить дневник, чтобы деньги достались не семье Хоули, а миссис Мередит?

— Потому что актриса из тебя никудышняя. Ты не смогла бы так убедительно сыграть, если бы знала всю правду.

— Что ты хочешь этим сказать? — Оттолкнувшись, Люси выпрямилась, недоумевающе глядя на него.

— Неужели не понимаешь? — удивился Шейн, по-прежнему не отпускающая ее. — Именно поднятый тобой скандал и помог мне дожать ее, чтобы она подписала соглашение. Мне надо было заставить ее поверить, что я собираюсь уничтожить дневник. Она бы наверняка не согласилась заплатить четверть миллиона, докажи я, что Хоули жив, да к тому же его можно посадить в тюрьму за уклонение от призыва. И когда ты в это поверила, ты фактически убедила ее, что я — обыкновенная продажная шкура, и со мной всегда можно договориться.

— Значит, ты уже знал правду, когда заставил ее подписать этот документ?

— Ну, «знал» — это слишком сильно сказано. Скажем так — у меня было предчувствие. Да и терять мне было нечего. Если бы я ошибся, мне бы осталось только разорвать соглашение и забыть про четверть миллиона.

— Но когда ты впервые понял, что на плоту умер Леон Уоллес, а не Хоули?

— Мне кажется, впервые я подумал о такой возможности, когда он ответил на мою телеграмму, подписанную именем его жены, и отказался приехать в Майами. А потом я прочитал дневник... и заметил, что после предсмертной исповеди Грот больше не называет умершего по имени, как раньше. Вместо этого там было написано: «Солдат скончался». Хотя я и не совсем четко понимал, какое это имеет значение, но такая мысль пришла мне в голову. И тогда все вставало на свои места. Это было единственным разумным объяснением того, что беспокоило меня с самого начала: после развода муж составляет новое завещание, по которому все остается его бывшей жене даже в том случае, если она снова выйдет замуж.

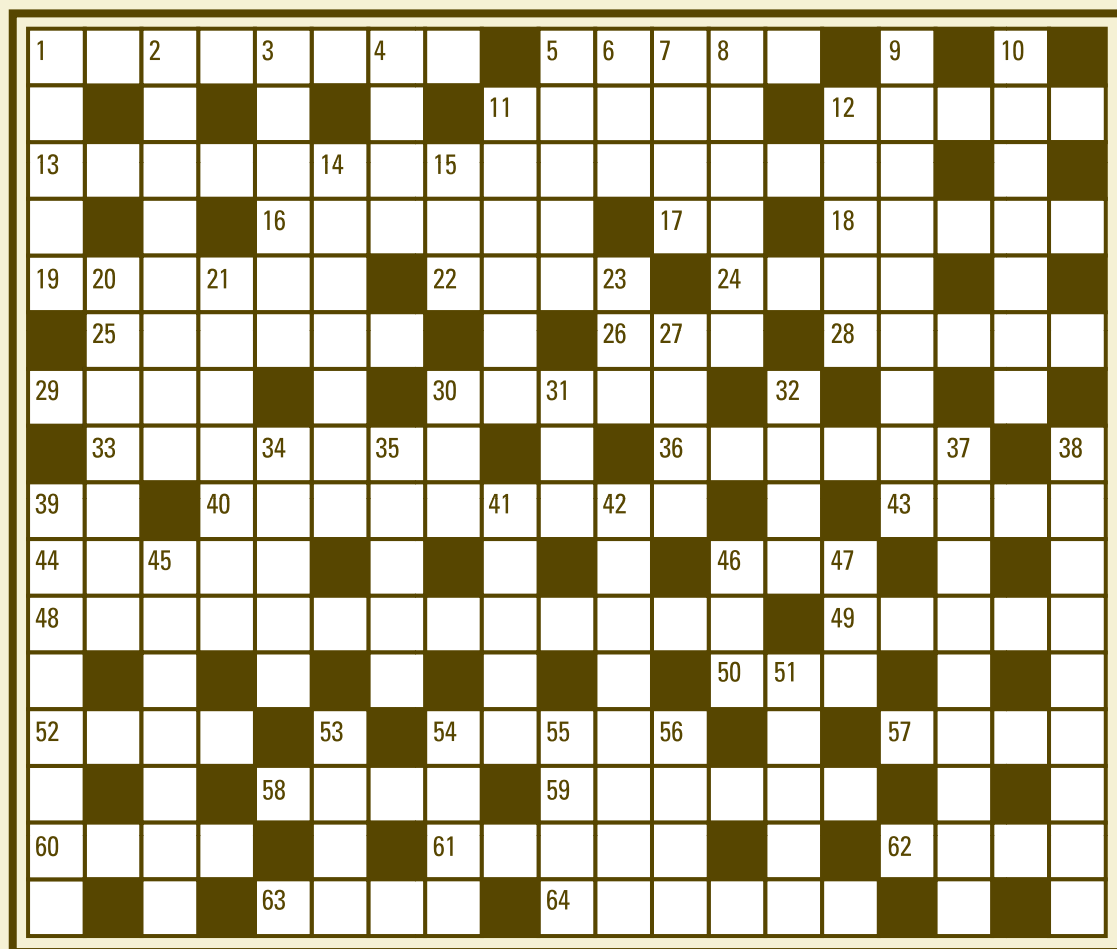
— Ты и в самом деле думаешь, что сможешь получить деньги по этому соглашению? — дрожащим голосом спросила Люси.

— Абсолютно. Вспомни, как был составлен договор. Никто не сможет отрицать, что я предоставил... — Шейн сделал паузу, усмехнулся и откашлялся перед тем, как процитировать одну из фраз соглашения, вырванного ею из блокнота: «...необходимые улики с тем, чтобы доказать на суде, что ее бывший муж является законным наследником своего дяди Эзры Хоули после смерти вышеупомянутого Эзры Хоули». Она заплатит, можешь не сомневаться. Но знаешь, ангел мой, давай не будем тратить все на себя. Я подумал, что, если ты не против, мы могли бы поделиться с матерью Альберта. В каком-то смысле мне даже жаль эту женщину. Все эти неприятности... и расходы, на которые она пошла, чтобы уберечь своего непутевого сына от армии... К тому же не забывай о миссис Уоллес с двумя близнецами на ферме в Литтлборо. Ведь это смерть ее мужа позволила Альберту и Мэти завладеть состоянием Эзры, и, по-моему, будет честно, если она получит солидную долю из этих денег.

— О, Майкл, ты... ты такой замечательный! — пылко воскликнула Люси, обнимая его и целуя. — Господи, как мне стыдно! Заподозрить тебя в попытке украсть деньги у семьи Хоули... а в это время ты как раз добывал деньги для них... и для несчастной миссис Уоллес.

— Ну, положим, не только для них, — уклончиво ответил Шейн. — Лично мне кажется, что мы могли бы придержать несколько долларов в качестве разумного гонорара. Если, конечно, ты не думаешь, что этим мы поставим себя в неудобное положение...

— О, Майкл! — снова прошептала она. Ее объятия окрепли, и он понял, что против такого «неудобного положения» у нее нет никаких возражений. □

По горизонтали. 1. Коридорный власти. 5. «Пирамидальный» фараон. 11. Гласность среди кумушек на завалинке. 12. Резиновый поливальщик. 13. «Постоянное сравнение с собой» (Г.Малкин). 16. Игра стукачей. 17. Древнеегипетский город близ Мемфиса, какой греки называли Гелиополисом. 18. И сама рыбалка, и место, где много рыбы, в старые времена. 19. Живущее на деревьях Австралии считают лакомством. 22. Лягушка без языка, оби-

тающая в тропической Америке. 24. Старосветская валюта. 25. Природная мощь, вселяющая страх в тело и героизм в душу. 26. Закланник, попадающий в оцеп. 28. Существо, отвратительное во всех отношениях. 29. Французский шансонье по имени Жильбер, прозванный «мосье сто тысяч вольт». 30. Цветок, символизирующий грусть. 33. «Личность, втиснутая в несколько страниц, вобравших целую жизнь человека» (Б.Маламуд). 36. Старая столица Испании, описанная в про-

изведениях Грильпарцера, фра Луиса де Леона, Лопе де Вега, Сервантеса, Фейхтвангера. 39. «Страдание о том, чего нельзя уже более любить» (Ф.Достоевский). 40. Лекарственное вещество, повышающее свертываемость крови. 43. Копытный символ упертости. 44. Тайный агент, стукач, сыщик. 46. Один за другим. 48. Переустройство, преобразование. 49. Красивое полотенце, какое в старину невеста подносила на поклон. 50. Советский толкач, прошедший огонь и воду, доставая медные трубы. 52. «Человек, с которым я могу быть искренним» (Р.Эмерсон). 54. Художник из «Мира искусства», чьим идеалом была Древняя Греция. 57. Невозможное событие, которое, тем не менее, происходит. 58. Мадам с немецким паспортом. 59. Выдающийся деятель и благотворитель эпохи царя Алексея Михайловича, написавший, как полагают, устав соколиной охоты. 60. «Редкая способность хранить молчание, когда двое приятелей спорят и вы знаете, что оба не правы» (Х.Аллен). 61. Скоропорт среди людей. 62. Персонаж «Анны Карениной», чьим прототипом была жена Л.Толстого Софья Андреевна. 63. Старт забега с финишем на том свете. 64. Писатель, с которого И.Репин написал царевича в картине «Иван Грозный и сын его Иван».

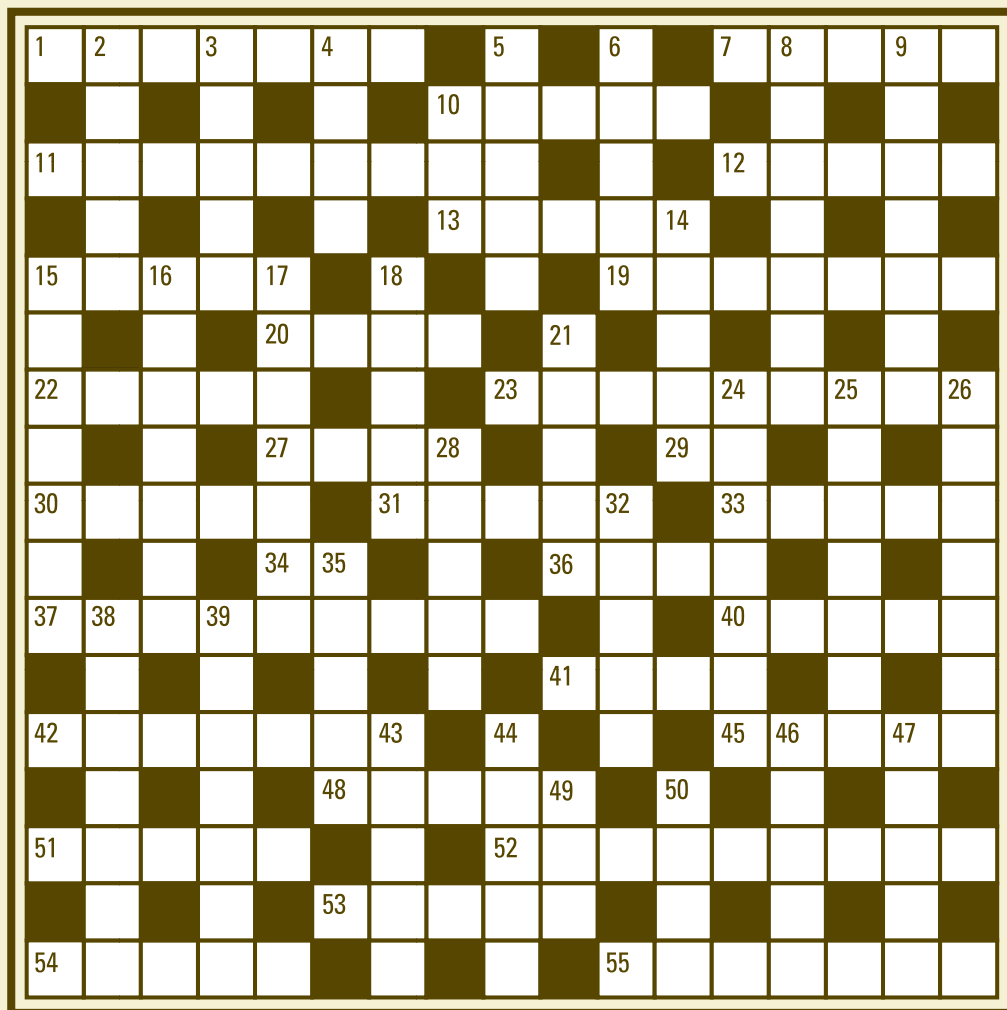
По вертикали. 1. Чешский писатель, в романе «Война с саламандрами» показавший, как вроде бы безобидные существа стали страшной силой, губительной для человечества. 2. Пляжница даже без бикини. 3. «Питательное вещество, предусмотренное щедрым провидением для откорма бедняков» (А.Бирс). 4. Приток Ангары, попавший в песни. 5. ... на

боярина не послух (не свидетель), говорили в старину. 6. Дерево, нахватавшее шишек. 7. «Вырез в необъятности» (А.Белый). 8. Мальчик, который был всегда готов. 9. Самая богатая из придуманных стран. 10. Пользование чужим тщеславием ради своего. 11. Фламандский живописец, чья картина есть в галерее «Наутилуса» у капитана Немо. 12. Приступ в советские времена магазина, куда завезли дефицит. 14. Водяной шарик как питье Дюймовочки. 15. Бывает литературный, а бывает омерзительный. 20. «Мать успеха» (М.Сервантес). 21. Уличный продавец за окошком. 23. Мера земли у настоящего джентльмена. 27. Англичанин, изобретший паровую машину с цилиндром двойного действия. 30. Блюдо из мяса и соленых огурцов. 31. Одно из хвойных деревьев, с чьей веточкой в вазе срезанные цветы стоят дольше, чем обычно. 32. Популярный в свое время роман в письмах Ж.Руссо, который нынче кажется нудным. 34. Гаолян, гумай, джугара, дурра, суданская трава (общее название). 35. Страховщик на побегушках. 37. «Просвещенная дерзость» (Аристотель). 38. «Сплетня со скучным оттенком морали» (О.Уайльд). 39. Пеннорожденная греческая богиня. 41. Плевая часть семечек. 42. Немка 30—40-х годов XX века, погрязшая в черноте серости. 45. Яма, вырытая другому. 46. Опора моста в виде сруба, заполненного камнем. 47. «Не что иное, как просто общее единство чувства» (Л.Фейербах). 51. Ему досталось на ... (здорово влетело). 53. Воловий ошейник. 54. Пышные сборки на платье в несколько рядов. 55. Владелец диаметра и радиусов. 56. «Кадровая» надпись в фильме.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 1. Грипп. 9. Эон. 10. Тщеславие. 11. Туфта. 12. Шутовство. 16. Банкет. 18. Сова. 19. Тучков. 21. Фишка. 22. Европа. 24. Яд. 25. Илья. 26. Яковлева. 27. Храм. 28. Проводник. 30. «Ваз». 32. Атолл. 34. Уитмен. 35. Еретик. 36. Слова. 38. Жизнь. 39. Иван. 41. Парик. 42. Отара. 43. Дрова. 44. Укроп. 45. ... Аннам. 48. Швец. 49. Взлет. 50. Ирбис. 51. Баня.

По вертикали. 1. ... Гэтсби. 2. Роу. 3. Инфантильность. 4. ... пташечка ... 5. Цент. 6. Олово. 7. Квота. 8. Чехол. 13. Утка. 14. Осведомитель. 15. ... свирель ... 17. Куш. 20. Спевка. 23. Гиппиус. 24. Якана. 26. Ярл. 27. Холерик. 29. Коро. 30. Влтава. 31. Зыкина. 33. Левитан. 36. Сноровка. 37. Маркиза. 38. Живодер. 40. Арфа. 42. Овация. 46. Небо. 47. Мост.

первопечатника Гуттенберга. **27.** В стихотворении «Деревня» А.Пушкин говорит: «Здесь тягостный ... до гроба все влекут». **29.** Духовный двойник человека у древних египтян, после смерти обитающий в его статуе, лежащей за гробнице. **30.** ... тебе на язык (пожелание за вздорную болтовню, злословие). **31.** Брат К.Чапек, придумавший для него слово «робот». **33.** Офицер, чьим угощением на Руси считали орехи, пряники. **34.** Финальная пьеса в японском театре Но. **36.** Основатель знаменитой фирмы в Йене, до 1890 года производившей, в основном, микроскопы. **37.** Знаменитая Мария русской армии, первая среди женщин полный георгиевский кавалер. **40.** Раб, изобретатель римской скорописи. **41.** Каждая из найденных в Японии статуэток 5-тысячелетней давности, изображающих, согласно легендам, космических пришельцев. **42.** Американский философ, «конкордский мудрец». **45.** Мировой центр ламаизма, откуда изгнан далай-лама. **48.** Гораздо мельче бактерии, но гораздо вреднее и коварнее. **51.** «Самая питательная пища ума» (Ш.Сент-Эврмон). **52.** Утка, образец супружеской верности в Индии. **53.** Наука, названная Ш.Монтескье «четвертым бичом, разоряющим людей и уничтожающим их понемногу». **54.** Судно в древней Японии, какое, если путь далек, красили в красный цвет. **55.** Царь, которого можно назвать главным виновником церковного раскола.

По вертикали. **2.** Французский художник, преклонявшийся перед Тицианом и Рубенсом, а сюжеты искавший у Лафонтена и Сервантеса. **3.** Вонючка, чье мясо индейцы Северной Америки с удовольствием ели. **4.** Седьмой стан израильтян по выходе из Египта; здесь они нашли 12 источников воды и 70 финиковых пальм. **5.** Ро-

маный герой Ф.Достоевского, в котором отражены черты самого писателя, Н.Данилевского и убитого «Народной расправой» И.Иванова. **6.** Самый древний тип поэта-импровизатора в Казахстане. **8.** Самое высокое место на горной дороге. **9.** Соперник паллады в легкости среди платиновых элементов. **10.** Латинская буква для условного обозначения лица или числа. **14.** Музыка кастаньет. **15.** Отношение одной величины к другой. **16.** Тартини как музыкант, чей инструмент, по преданию, разлетелся на куски в момент его смерти. **17.** Женщина из ближнего зарубежья, которая для влюбленного в нее — яр. **18.** Старинная прическа со взбитыми впереди волосами. **21.** Нашла на ... горчица (о недружной чете). **24.** Пастух, выловивший из Тибра брошенных туда близнецов Рема и Ромула и с женой Аккой воспитавший их. **25.** Муза А.Фета. **26.** Группа людей, объединенных совместной деятельностью, общими интересами. **28.** Русский высококалорийный сахар, названный по имени сахарозаводчика и упоминаемый в «Левше» Н.Лескова. **32.** Не тот персонаж русского фольклора. **35.** Хоровой дирижер (ученик А.Свешникова), один из организаторов Праздников песни в Азербайджане. **38.** Ключ широкого профиля. **39.** Шведский музей «Ваза» как объект. **43.** Родственница камбалы в Красном море, настолько ядовитая, что ее избегают даже голодные акулы. **44.** Писатель, национальный герой Чехии. **45.** Легкий ветер на Белом море. **47.** Денежная единица, названная по имени великого маршала, борца за независимость испанских колоний в Америке. **49.** Литовский писатель, которому в его «Блужданиях» встретились «Оратор», «Маньяк», «Пророк Иона» и даже «Девятибедовцы», затеявшие «Обмен душами». **50.** Птица, беседующим с которой якобы видели Пифагора.

ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. **1.** Пушкин. **5.** Идеализм. **9.** Юлиан. **11.** Люпин. **12.** Демагогия. **13.** Якоби. **16.** Шпиц. **18.** Рядно. **21.** Мате. **22.** Никита. **23.** Снег. **25.** Томск. **29.** Орлов. **31.** Чашечка. **32.** ... жонглер. **33.** Антоний. **34.** Хворь. **35.** Рекло. **40.** Гида. **41.** Оттиск. **44.** Гирия. **45.** Фиакр. **48.** ... тубо... **50.** Утика. **53.** Сезаннизм. **54.** Румба. **55.** Исида. **56.** Вибратор. **57.** Нанга.

По вертикали. **1.** Польша. **2.** Щепкин. **3.** Нюня. **4.** Кино. **5.** Индия. **6.** Елман. **7.** Лиго. **8.** Зизаг. **10.** Дятел. **14.** Крин. **15.** ... брат. **17.** Цитогония. **19.** Дом. **20.** «Оскар». **21.** Мечехвост. **24.** Франк. **26.** Оттул. **27.** Счет. **28.** «Якорь». **30.** Фойе. **32.** Жираф. **36.** Куа. **37.** Оорт. **38.** Стук. **39.** Эгисф. **40.** Гризли. **42.** Кузмин. **43.** Лопата. **46.** «Идиот». **47.** Кумир. **49.** Энгр. **51.** Илий. **52.** Аран.

По горизонтали. **1.** Поэма, чьи герои первыми «попали» на Луну. **7.** «Вольный и щедрый импульс жизненных возможностей» (Х.Ортега и Гассет). **10.** Культовое сооружение, обитель суфийского шейха и его учеников, центр пропаганды суфизма и ислама. **11.** У Гиппократов — «природа организма», у Парацельса — «залечивающая сила» или «мумиё». А нынче? **12.** «Безумная...» — у П.Брей-

геля — картина, а за век до него — самая большая в Голландии пушка. **13.** Овощ, каким враги пытались отравить Дж.Вашингтона. **15.** Служба, принятая в 1593 году Генрихом IV ради Парижа, то есть королевского трона. **19.** Перпендикуляр к отвесу. **20.** Балаганный балкон, откуда труппа зазывала зрителей на представление. **22.** Сыворотка крови на языке медиков. **23.** Настоящая фамилия

ВНИМАНИЕ!

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ.

Редакция не несет ответственности за доставку, если подписка оформляется через другие фирмы. Деньги за принятую подписку не возвращаются.

Оплатить подписку на любое количество месяцев 2-ого полугодия необходимо до 15 июня 2008 г.

Квитанция и купон редакционной подписки

Впишите, пожалуйста, номера журнала «Смена», на которые вы подписываетесь:

На один номер (№ ____). Оплата 67 руб. 10 коп.

На три номера (с № ____ по № ____). Оплата 201 руб. 30 коп.

На шесть номеров (с № ____ по № ____). Оплата 402 руб. 60 коп.

Ф.И.О.				Дата рождения
Индекс	Обл./край			Район
Город	Улица			
Дом	Корп.	Кв.	Код города	Телефон
Эл. адрес				
Копия квитанции об оплате от				с отметкой банка прилагается.

Кассир	Извещение		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
Кассир	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 2008г.		
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_»_200_г. (подпись плательщика)		
	Квитанция		
Кассир	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2008г.			
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен «_»_200_г. (подпись плательщика)			

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

- В любом почтовом отделении:
 - По каталогу «Роспечать» индекс **70820**
 - По каталогу «Объединенный» индекс **88998**
 - По каталогу «Почта России» индекс **99406**
- Заполнив купон и оплатив по квитанции редакционную подписку в банке.

Как оформить редакционную подписку?

Шаг 1. Заполните разборчиво все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. **Шаг 2.** Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. **Шаг 3.** Отправьте заполненный купон-заявку и копию квитанции о переводе денег по адресу: 127994, Москва, ГСП-4, ул. Правды, д.24, стр.4, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка) или по факсу: (495) 250-59-28.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер во втором полугодии 2008 г. – 67 руб. 10 коп.
 Стоимость подписки на 3 номера во втором полугодии 2008 г. – 201 руб. 30 коп.
 Стоимость подписки на 6 номеров во втором полугодии 2008 г. – 402 руб. 60 коп.
 Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ.
 Оплату подписки необходимо осуществить до 15 июня 2008 г.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки гарантирует получение, так как каждая бандероль пронумерована и застрахована.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону: (499) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени.
 Факс: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-online.ru

Только для жителей Москвы!

Имеется возможность оформить подписку непосредственно в редакции и получать журнал там же. Стоимость 1 экземпляра журнала в таком случае составит 40 рублей. Получение – строго по вторникам и четвергам с 10-30 час. до 17-00 час. по адресу: Москва, ул. Правды, д.24, стр.4.